

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени
В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

Конфликт короны и парламента при первых Стюартах.

Выпускная квалификационная работа

Допустить к защите

и.о.зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.

**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

« » 2016 г.

Выполнил студент

И-ИП 111

Боровиков

Иван Евгеньевич

Научный руководитель:
канд. истор. наук, доцент

**Мезенцев
Роман Викторович**

(подпись)

Оценка

« » 2016 г.

Подпись _____
(Председатель ГАК)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1.....	14
Англия в первой половине XVII века: абсолютизм.....	14
или «свободная монархия» Якова I Стюарта.....	14
§1.2 Социальная структура английского общества.....	25
§1.3 Английская идеология в конце XVI - начале XVII вв.....	33
§1.4 Идеал абсолютной монархии.....	45
в произведениях Якова I Стюарта.....	45
Глава 2.....	61
Наращение противоречий между короной и парламентом.....	61
в первой половине XVII века.....	61
§2.1 Яков I Стюарт и парламент.....	61
§2.2 Борьба Карла I Стюарта с парламентской оппозицией.....	99
Заключение.....	120
Список использованных источников и литературы.....	126
Список использованных источников.....	126
Список использованной литературы.....	127

Введение.

Первая половина XVII столетия – период крайне насыщенный важнейшими для всего последующего развития Англии событиями. В условиях становления и последующего укрепления абсолютистских режимов в монархиях Западной Европы сословно-представительные институты почти повсеместно «свертывают» свою работу. В этом смысле английский парламент первой половины XVII века представляет собой уникальное явление. Сосуществуя с раннестюартовской монархией, парламент не только сохраняет одну из ведущих ролей в политической жизни королевства, но и вплоть до 1629 г. значительно расширяет или же восстанавливает ранее утраченные свободы и привилегии. Взаимоотношения английского парламента с королевской властью наглядно иллюстрируют проблему диалога власти и общества, не теряющую своей актуальности и сегодня.

История стюартовских парламентов приобретает особое значение, поскольку оказывается не только отражением конституционного конфликта начала XVII века, но и объяснением причин, приведших Англию к беспарламентскому правлению, а затем и к гражданским войнам середины этого же столетия. Столкновение проабсолютистских взглядов первых Стюартов и принципов обычного права, отстаиваемых нарождающейся оппозицией в споре о парламентских привилегиях и границах королевской прерогативы, переплетаясь с религиозными мотивами и вопросами экономического характера (вотирование коммонерами королевских субсидий, обсуждение монополизации английской торговли и товарного производства), предоставляет широкое поле для исследований. Акцентируя внимание на взаимоотношениях короны и парламента, представляется невозможным дать им объективную оценку, рассматривая изолированно от эпохи, без учета ее характера, в той или иной мере влияющего на все стороны жизни общества. Парламентская оппозиция в Англии в годы правления Якова I (1603-1625) и Карла I (1625-

1649) Стюартов в отечественной исторической науке не получила должного внимания. Характеристика эпохи ранних Стюартов содержится, преимущественно, в обобщающих трудах по истории Англии и Английской революции, которые, как представляется, не отличаются полнотой, а зачастую и объективностью. В отечественной исторической науке в полной мере не показана эволюция взаимоотношений короны и парламента от сотрудничества к противостоянию, не прослежена динамика борьбы в парламентах первых Стюартов и влияние на неё убеждений монарха.

Объектом данного исследования являются корона и парламент Англии в первой половине XVII в. Предмет исследования ограничен борьбой короны и парламента от восшествия в 1603 г Якова I Стюарта на английский престол до роспуска парламента Карлом I в 1629г. Тем не менее, представляется целесообразным дать общее представление о событиях, связанных с жизнью и деятельностью Карла I, явившихся следствием конфликта короны и парламента, но произошедших после роспуска парламента в 1629г. Парламент, собравшийся после одиннадцатилетнего перерыва в 1640г., был порождён начавшейся Английской революцией и должен являться предметом отдельного исторического исследования.

Цель работы состоит в том, чтобы исследовать борьбу короны и парламента при первых Стюартах, показать каким образом на её характер оказывала влияние развитая Яковом I доктрина абсолютной монархии, выявить причины роста оппозиции в парламентах Карла I Стюарта.

Достижение поставленной цели представляется возможным путём последовательного решения следующих исследовательских задач:

- Охарактеризовать общее состояние английской экономики к началу правления династии Стюартов, показать особенности социального, политического и идеологического развития Англии на исходе правления Елизаветы Тюдор, указать на существующие проблемы, которые были унаследованы её преемником, а также определить степень их воздействия на взаимоотношения парламента с королевской властью.

- На основе анализа трактатов Якова I охарактеризовать его политические идеи и выявить их влияние на взаимоотношения с парламентом.

- Рассмотреть важнейшие аспекты правления Якова I, вызвавшие наиболее острую полемику в парламенте.

- Дать характеристику политической борьбы в парламентах Карла I Стюарта.

Историография: из ранних исследований, посвящённых истории предреволюционной Англии, особый интерес представляют работы русских историков последней трети XIX — начала XX в. Одним из наиболее крупных исследований данного периода является работа М. М. Ковалевского, отмечавшего, что развиваемая английскими монархами абсолютистская теория восходит к основополагающим принципам римского права, что шло вразрез с представлениями парламента о королевской власти. Комплекс вопросов, связанных с политико-правовыми воззрениями короны и ее оппонентов в парламенте, рассмотрен К. А. Кузнецовым. Его монография, посвященная состоянию английской палаты общин при Тюдорах и первых Стюартах работа, связанная с идеологией английской монархии раннего нового времени¹, может быть признана и на сегодняшний день одним из крупнейших в отечественной исторической науке исследований в данной области. К проблеме взаимоотношений парламента с королевской властью обращался известный русский историк Т. Н. Грановский.² Конфликт парламента с королевской властью, наметившийся в правление Елизаветы и получивший свое дальнейшее развитие при Стюартах, отчасти рассматривается А. Н. Савиным в лекциях по истории английской революции⁵.

¹ A Speech, As It Was Delivered In The Upper House of The Parliament To The Lords Spirituall And Temporall, And To The Knights, Citizens And Burgesses There Assembled, On Mvnday The XIX. Day Of March 1603. Being The First Day Of The First Parliament. / Эдина Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии: дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2006. — С. 107-117.

² Апология Палаты общин // Новая история стран Европы и Америки XVII-XVIII вв. под ред. Н. А. Смирновой, Г. Г. Губсковой, Л. Т. Жайбалиевой. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. — С. 21-25.

В советский период эпоха правления ранних Стюартов практически не изучалась. Она традиционно рассматривалась в контексте нарастающего политического, экономического и социального кризиса, последовавшего за периодом расцвета английского абсолютизма в XVI веке и приведшего к революции середины XVII столетия. Советскими историками была сконструирована некая иерархия предпосылок революции, причем на первом месте стояли экономические, а затем политические и идеологические факторы, без учета влияния личностного фактора на развитие событий в рассматриваемый период. Из поля зрения исследователей выпадает процесс борьбы парламентариев за укрепление и расширение своих прав. Наиболее крупными исследованиями в данной области можно назвать работы М. А. Барга, В. М. Лавровского, Н. В. Карева, А. Е. Кудрявцева.⁶ Данные исследования, безусловно, являются существенным подспорьем для нового поколения историков, однако нельзя не отметить известную тенденциозность этих работ.

Современная историческая наука в известной мере освободилась от ограничений марксистского подхода. Деятельность парламентской оппозиции в правление первых Стюартов по-прежнему не выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования, но полнее всего рассмотрена в работах, посвященных политико-правовому аспекту взаимоотношений короны и парламента в раннестюартовской Англии. Важным вкладом в изучение данного аспекта английской истории являются две монографии и ряд статей современного отечественного историка С. В. Кондратьева, детально проанализировавшего деятельность юристов в предреволюционной Англии, многие из которых являлись либо активными деятелями парламентской оппозиции, либо выступали в парламенте в защиту королевских прерогатив. Автором привлечен новый для отечественной историографии источниковый материал, проанализированы политико-правовые воззрения наиболее видных представителей каждой из сторон, сделаны выводы о причинах и сущности идеологического размежевания в английском обществе в правление Якова, еще сильнее проявившегося в правление Карла I⁷. Примером современного под-

хода к изучению проблемы парламентской оппозиции в Англии в правление Якова Стюарта может служить диссертация Л. Ю. Сербинович. Автор подробно характеризует личность Якова I Стюарта, останавливается на особенностях его воспитания, а так же на непростой внутривнутриполитической ситуации Шотландии, которая оказала непосредственное влияние на формирование политических взглядов короля; уделяет достаточно места проблеме англо-шотландского объединения в обществе и парламенте. Однако следует отметить, что при освещении экономической политики короля, разбор дебатов в парламенте отходит на второй план и пристальное внимание исследователя сосредотачивается скорее на экономике Англии первой четверти XVII в., чем на отстаивании парламентом своих привилегий. Рассматривает Л. Ю. Сербинович и комплекс политико-правовых вопросов, вызывающих споры в парламенте. Она задается вопросом о границах королевской прерогативы и подвергает анализу аргументы конфликтующих сторон, и приходит к выводу, что хотя Яков и внёс существенную лепту в нарастание конфликта между короной и парламентом, но предпосылки его сложились в эпоху предшествующего царствования⁸. Представляет интерес и диссертационное исследование Е. И. Эциной. В своей работе автор рассматривает политические взгляды Якова I, лёгшие в основу официальной идеологии английской монархии первых десятилетий XVII века; изучает политические идеи, которых придерживался Яков в преддверие своего восшествия на английский престол; отслеживает изменения в его политической доктрине, произошедшие за годы английского правления, при этом она подвергает анализу речи короля перед английским парламентом, практически не исследованные отечественными медиевистами. Проведённый анализ позволяет Эциной сравнить взгляды Якова I в английский период с его воззрениями, изложенными в ранних шотландских трактатах, и оценить степень преемственности политических идей короля. В заключение автор приходит к выводу, что хотя Яков и не поменял в корне своих убеждений, но его идеи подверглись определённой коррекции после вступления на английский престол. Тем самым исследователь отвергает

ставший расхожим постулат, что первый король из династии Стюартов не учитывал особенностей английской действительности⁹. Для нашей работы это исследование интересно тем, что помогает осветить представления Якова I Стюарта об идеале абсолютной монархии, которые позже воспринял Карл I Стюарт, что непосредственным образом отразилось на его отношениях с английским парламентом. При написании дипломной работы мы также опирались на диссертационное исследование Р. В. Савченкова. Он не только реконструирует ход дебатов в палате общин 1621 г., но и, привлекая обширный круг источников и литературы, выявляет взаимосвязь между дебатами в Палатах общин предыдущих яковитских парламентов. В этой связи Савченков рассматривает и парламент 1614 г., который исследователи, как правило, обходят стороной, поскольку традиционно считают его «бесплодным»¹⁰. В целом, в отечественной исторической науке существует сравнительно немного работ, посвященных проблеме взаимоотношений парламента с королевской властью в период правления первых Стюартов. И если правление Якова Стюарта, как мы убедились, вызывает определённый интерес исследователей, то царствование Карла вне истории английской революции не рассматривается. Большая часть вышеперечисленных работ лишь в той или иной мере затрагивает интересующую нас проблему.

В некотором роде аналогичная ситуация имеет место и в зарубежной историографии, хотя работ по изучаемой теме там несравненно больше и изучение данного периода британской истории началось гораздо раньше. Традиционно основой для полемики о взаимоотношениях монарха и его парламента, стали две концепции. Согласно первой из них – торийской (консервативной) - вина за эскалацию конфликта возлагалась ее сторонниками на горстку радикалов, приведших Англию к гражданской войне¹¹. Вторая концепция положила начало вигской (либеральной) точке зрения на предпосылки революции. Она говорит о том, что противостояние короны и парламента явилось итогом справедливой реакции «среднего класса», который и был в основном представлен в Палате общин, на нарастание гнета абсолютизма.

Одним из самых ранних приверженцев вигской точки зрения стал Д. Юм, в середине 1700-х годов написавший ряд трудов, которые представляют не проходящую историческую ценность¹². Особый вклад в разработку вигской интерпретации английской революции внес крупнейший из викторианских историков, занимавшийся этой темой, С. Р. Гардинер. Он не только создал концепцию «пуританской революции», но главное - рассмотрел гражданскую войну как кульминацию в длительном конфликте между короной и парламентом, начавшемся с воцарением Якова I на английском престоле. Противоборство двух первых Стюартов с парламентом рассматривалось Гардинером как важнейшая составляющая, определившая развитие в Англии парламентской демократии - самой цивилизованной формы управления¹³.

В условиях усиления экономических подходов и под влиянием марксизма, идея прогресса в известной мере вышла из моды, уступив место поиску истоков конфликта в изменении структуры английского общества и распределении богатств. Подход Р. Г. Тоуни и К. Хилла вел к пониманию Английской революции как буржуазной, вызванной ростом капитализма и усилением роли джентри и буржуазии¹⁴.

С конца 1960-х годов прежние ортодоксии, либеральная и марксистская интерпретации предреволюционного периода и причин английской революции подверглись на Западе резкой критике со стороны историков-«ревизионистов», заявивших о необходимости пересмотра всех предшествующих концепций изучения парламентской истории Англии с начала правления Якова и до начала революции и гражданской войны. Свои исследования ревизионисты строили на массовости привлекаемого архивного материала. Начало деятельности «ревизионистов» положили работы К. Рассела, в которых он призывал отвергнуть два основных постулата предшественников, а именно: веру в «неизбежность» революции, и веру в парламент как прогрессивный инструмент конструирования будущего¹⁵. Для него и его единомышленников парламент не являлся государственным органом, обладавшим какой-либо реальной властью. По его словам: «...нам не стоит слишком удив-

ляться, осознав истинную функцию парламента. Парламент [при Якове и Карле] был инструментом для подачи жалоб»¹⁶. Рассматривая яковитские парламенты, Рассел отказался от теории непрерывного конфликта между парламентом и королем, приведшего к революции. Согласно точке зрения ревизионистов, революция не имела долговременных причин. Рассел первым попытался обосновать неспособность яковитских парламентов к борьбе с королем за высшую власть в стране. Во-первых, каждый парламент являлся отдельным событием, участники которого искали ответы на вопросы, стоявшие перед обществом «здесь и сейчас», и решения каждого парламента не имели сколько-нибудь существенных последствий после его роспуска. Во-вторых, коммонеры, в первую очередь, представляли интересы делегировавшей их локальной группы, а также интересы своего покровителя при дворе. В-третьих, в парламенте, вплоть до 1640 г., отсутствовала оппозиция. Внутрипарламентская борьба, по мнению ревизионистов, велась не между оппозицией и сторонниками короля и правительства, а между различными придворными фракциями, которые преследовали собственные выгоды, а также между региональными фракциями за право быть представленными в эпицентре политической жизни королевства. В таких условиях королю и парламенту было не очень трудно находить консенсус. Рассел, говоря о Якове, склонен видеть в его отношениях с парламентом реально действовавший в современных условиях компромисс. Причем, определялся этот компромисс скорее личными качествами короля. Несмотря на ряд недостатков (безалаберное отношение к деньгам, недостаточная интуиция при выборе окружения), Яков, в отличие от Карла, был более тонким политиком, чем и обуславливалось наличие компромисса между королем и парламентом. При Карле эта стабильность была утрачена, что и привело к революции. Цитируя Расселла: «Исчезновение этой стабильности сразу после его (Якова) смерти столь стремительно, что вина за него может быть возложена на характер Карла. Карл, в отличие от Якова, страдал избытком энергии. Возможно, ценным будет наблюдение, что оба энергичных Стюарта лишились своих тронов, в то время как оба

ленивых представителя этой династии умерли в своих постелях»¹⁷. Среди последователей Рассела необходимо упомянуть таких исследователей, как К. Шарп, Ч. Карлтон и Дж. Морил, которые развили и дополнили его взгляды¹⁸.

Уже в 1980 - 1990-х годах прозвучала критика концепций историков ревизионистского направления со стороны тех, кого сразу же стали называть «постревизионистами», призывавшими отказаться от крайностей ревизионистской историографии. Основным мотивом их исследований стала критика излишней фрагментарности работ ревизионистов: В своих трудах Р. Каст, Э. Хьюз и Д. Соммервилл отмечают излишнюю веру ревизионистов в изолированность провинциальных, сообществ от придворной, политической жизни, в частности - деятельности парламента¹⁹. В отличие от ревизионистов постревизионисты, изучая социальные проблемы и процессы, которые брали начало еще в предшествующее правление (обеднение деревенского населения Англии, инфляция и глобальный кризис в английской экономике), видели в них долговременные предпосылки революции. Постревизионисты также отвергли тезис ревизионизма о широком идеологическом консенсусе между короной и парламентом, критикуя, в частности, Рассела. Если король и его парламент хорошо дополняли друг друга, откуда тогда взялись те конфликты, которые случались между ними (ропуск парламента в 1614, 1621, 1629 гг.)? Несмотря на критику ревизионизма, постревизионисты отмечают и некоторые позитивные моменты в методике, применяемой ревизионистами. В частности, они абсолютно согласны с тем, что необходимо анализировать те темы парламентских дебатов, которые были перманентно актуальны в первую половину XVII века, не расплываясь на рассмотрение причин созыва того или иного парламента, которые были важны в краткосрочной перспективе²⁰. Несмотря на значительные исследовательские достижения этих историков, взаимоотношения парламента с королевской властью изучены довольно фрагментарно. В британской и американской историографии, несмотря на наличие весьма широкого спектра традиционных и оригинальных интерпретаций, дающих разнообразную трактовку интересующей нас проблемы, не

сложилось целостного подхода в рассмотрении противостояния королевской власти и парламента в первой половине XVII столетия.

Источниковая база исследования: очерченный круг исследовательских задач обусловил выбор основных источников данной работы. Первостепенное значение имеет рассмотрение политических трудов самого Якова I. Прежде всего, это «Истинный закон свободных монархий». Трактат был изначально написан по-английски и впервые вышел в свет анонимно в Эдинбурге в 1598 г. Первое авторское издание, не содержащее никаких текстовых поправок, вышло в Лондоне в 1603 г. Второй трактат – «Царский дар». Трактат писался на шотландском языке, но уже для первого издания 1599 г. был сделан его английский перевод. Широкую огласку этот труд приобрел после первого публичного издания 1603 г., содержащего значительные авторские поправки. Прежнее издание предваряли два сонета и обращение к принцу. Из редакции 1603 г. был изъят первый сонет, сугубо дидактического содержания, и добавлено пространное обращение к читателю, разъяснявшее цели трактата, историю его создания, а также некоторые резкие высказывания, которые могли быть неправильно истолкованы широкой публикой. В этих работах подробно излагаются взгляды на институт абсолютной монархии, привилегии парламента, становится очевидным его видение прав и свобод подданных и королевских прерогатив, проистекающее из отстаиваемой им теории «священного права королей». Политические труды Якова I (VI) Стюарта уже при жизни автора выдержали несколько публикаций на английском, латыни, французском и некоторых других европейских языках. Однако полной, официальной публикации на русском языке пока не предпринималось. В данной работе мы пользовались классической публикацией 1616 г. под редакцией Макилвейна²¹, в русском рукописном переводе Игоря Смирнова. К анализу была также привлечена первая публичная речь Якова Стюарта перед английским парламентом в 1604г.²². В этой речи король, по сути, изложил программу своего царствования, которой стремился следовать всю жизнь. Речи сына Якова – Карла I Стюарта не столь яркие и содержательны, но тем

не менее, обращаясь к ним, можно увидеть, что именно волновало монарха, с какой целью он созывал парламент и по какой причине его распускал: (вступительная речь 1626г. и речь перед роспуском парламента 1628г)²³. Источниками, позволяющими составить представление об оппозиции в парламентах первых Стюартов, являются, прежде всего, Апология Палаты общин 1604г.²⁴, Петиция о праве²⁵, и Декларация протеста Палаты общин²⁶.

Несмотря на то, что Апология Палаты общин не была подана королю, считается, что Апология – первое явное проявление борьбы парламента за свои привилегии. Это документ, в котором чётко сформулированы претензии Палаты общин к королевской власти. Безусловная победа оппозиции – Петиция о праве, которую Карл I Стюарт был вынужден принять в 1628г. Её анализ помогает проследить развитие конфликта короны и парламента. И, наконец, Декларация протеста Палаты общин 1629 г, отражает кульминацию конфликта парламента с королём. После чего парламент был распущен и последовали одиннадцать лет беспарламентского правления.

Перечисленные документы на конкретных исторических примерах позволяют создать довольно полное представление о взаимоотношениях короны и парламента в первой половине XVII в., понять причины конфликта и проследить этапы противостояния между королевской властью и парламентом.

Структура дипломной работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, и приложения.

Глава 1.

Англия в первой половине XVII века: абсолютизм или «свободная монархия» Якова I Стюарта.

§1.1. Экономическое развитие.

В XVI-XVII вв. господствующей формой государственного устройства в Европе становится монархия. В большинстве стран она пришла на смену феодальной раздробленности. Так из территорий раздробленных удельных владений на Британских островах к XVII веку сложилась единая держава с относительно централизованным управлением во главе с абсолютным монархом. Основателем английского абсолютизма считается Генрих VII Тюдор^{1*}. Его преемник - Генрих VIII² продолжил дело отца и при нём абсолютизм обрёл сложившиеся формы. Но даже в момент наивысшего расцвета при Елизавете Тюдор³ продолжал существовать парламент. Таким образом, в Англии сотрудничество короля и парламента - давно устоявшаяся традиция. Однако в первой половине XVII столетия наблюдается нарастание конфликта между короной и парламентом, что в конечном итоге привело к английской революции. Следует заметить, что, вопреки распространенному мнению, не только представители династии Стюартов были повинны в нём. Оппозиционные абсолютизму настроения в парламенте проявились уже на исходе правления Елизаветы Тюдор, и были прямым отражением настроений определенных групп английского общества, возникших, в значительной степени, в связи с преобладанием новых тенденций в развитии экономики страны. Для выяснения их причин необходимо обратить внимание на наиболее важные особенности социально-экономического и политического развития Англии накануне восшествия нового короля на престол.

Интенсивное развитие экономики страны началось ещё во второй половине XVI века и продолжилось в первой половине следующего столетия. По своему характеру производство оставалось ручным, его основа - по-

прежнему ремесло. Отличие от предыдущего периода заключалось не в технике производства, а в формах организации и разделении труда, в переходе от простого товарного производства к производству капиталистическому⁴. Именно в это время формировалась та техническая база и социальные условия, которые позволили Англии уже на рубеже XVI-XVII столетий выдвигаться на лидирующие позиции в европейской экономике. Прогресс английской промышленности в XVI в. определялся тремя основными моментами: ее техническим совершенствованием; важными сдвигами в структуре производства; новыми формами организации (распространением мануфактуры).

В 50-60-х гг. наметились некоторые сдвиги в технической вооруженности многих ремесел в Англии. Наибольшее значение имели новшества в горнодобывающей промышленности и металлургии: внедрение больших молотов для размельчения горных пород, буров для исследования подземных пластов, водяных колёс, появление мощных приспособлений для откачивания воды из шахт, первых рельсовых дорог на конной тяге в угольном производстве, печей с форсированным дутьём⁵. Английская мануфактура была явлением глубоко самобытным, теснейшим образом связанным с аграрной революцией, отделившей средства производства от труда, противопоставившей их рабочему в качестве чужой собственности, капитала, и тем самым создавшей рынок труда. Это тесное переплетение и взаимодействие путей промышленного и аграрного развития представляют одну из важнейших особенностей и вместе с тем основную предпосылку раннего созревания капиталистического уклада в Англии⁶. Развиваясь и разрастаясь, английская промышленность представляла собой всё более пёструю картину. Нередко мелкотоварное производство в различных отраслях то еще полностью господствует, то переплетается с различными формами мануфактуры, то, наконец, все больше уступает ей своё место. Формы производства были различны. Крупное, с применением труда многих рабочих, возникало, прежде всего, там, где, в силу своей трудоемкости, либо технической новизны не могли использовать старые методы. К таким отраслям промышленности в первую очередь

относятся горнорудная, металлургическая и так называемые «новые мануфактуры»: стекольная, бумажная, шелковая, мыловаренная, производство пороха, оружия, печатное дело. Все они требовали значительных затрат «изначального» капитала. Неудивительно, что здесь производство с самого начала было организовано на новый лад. Переход к мануфактурному производству сказался в значительном росте объема продукции. Так, добыча каменного угля в Англии с 1560 по 1680 г. возросла в 14 раз, достигнув трёх миллионов тонн в год, что составляло 80% всего добывавшегося в то время угля в Европе. Уголь находил все более обширный рынок сбыта не только в Англии, но и на континенте. Только из Ньюкасла накануне революции вывозилось ежегодно около 500 тысяч тонн. Другими центрами каменно – угольной промышленности были графства Ноттингем, Вустер, Стаффорд, а также Уэльс⁷. О значении добычи угля в национальной экономике свидетельствует восклицание современника: «Исправьте ваши карты: Ньюкасл – Это Перу!»⁸. Что означало: каменный уголь столь же ценен, как серебро.

В течение столетия (1540 -1640гг.) в 6-8 раз возросла добыча свинца, олова, меди, соли, в три раза увеличилась добыча железа. Доказательством этому служат свидетельства современников: в начале XVII в. железо плавил 800 печей, производительностью от 20 до 500 тон в год каждая. Наибольшей известностью пользовались плавильни Форест-оф-дин в Глостере и в графствах Серри, Сассекс, Стаффорд, Ноттингем. Медь плавилась главным образом в графствах Норземберленд и Кемберленд. Добыча медной руды, ее плавка и дальнейшая обработка, изготовление медных и бронзовых предметов, в частности пушек, на заводах в Сассексе и Кенте с середины XVI в., — все это усиливало значение металлургической промышленности в экономике страны и определяло успех Англии в ее вооруженной борьбе за внешние рынки⁹. Было основано много новых мануфактур: стекла, сахара – в графствах близ Лондона, шелка – в Беркшире, Оксфорде, трикотажа – в Дерби, Лейстере, Ноттингеме. Однако своим главным богатством англичане считали шерсть. Известный юрист Эдуард Кок говорил о значении шерстяной про-

мышленности в хозяйстве страны: «Разделите на 10 частей все вывозимые товары этого королевства, на долю шерсти придется 9 частей. Если тут будет остановка, все замрет... Всякое снижение в 12 пенсов на тодд¹⁰ означает потерю для Англии 100 000 фунтов стерлингов»¹¹. Долгое время шерсть в большом количестве экспортировали за границу. Однако в конце XIV - начале XV в. англичане сами занялись выделкой сукна. Уже в середине XVI в. сукно составляло 80% английского экспорта, а к концу столетия суконная индустрия давала половину национального дохода. Господствующее положение отрасль сохранила вплоть до начала XVIII в.¹². Целые районы страны специализировались на производстве определенных сортов шерстяных изделий. Так, например, в графствах Восточной Англии производились преимущественно тонкие крашенные сукна. В Сомерсете, Уилтшире и Глостершире вырабатывались главным образом широкие некрашенные сукна; грубые сорта, так называемые каразеи, производились на Севере – в Йоркшире, в Нориче – креп, в Кендале – полушерстяные ткани, в Уитни – одеяла и т. д. На рубеже XVI-XVII в. в графствах прилегающих к Манчестеру появилась новая отрасль текстильной промышленности – производство хлопчатобумажных тканей. Прогресс в промышленности был связан с утверждением новых форм его организации, которые пришли на смену отмирающей цеховой системе, несмотря на ограничения королевскими статутами и цеховыми правилами количества работников, подмастерьев, а также оборудования. Крупные суконщики сосредотачивали в своих мастерских большое количество станков, которые обслуживали множество рабочих. Такая мануфактура называлась централизованной. Однако организатор крупной централизованной мануфактуры встречал упорное противодействие цеха и сталкивался с множеством трудностей. Елизаветинский статут об ученичестве 1563 г. и на протяжении XVII в. продолжал регулировать не только общественную сторону ремесла, но и его технологию¹³. Поэтому наиболее распространенной формой текстильного производства в конце XVI в. по всей стране стала рассеянная мануфактура, которая предполагала труд отдельных мелких городских ремесленников или

крестьян на организатора производства - суконщика-предпринимателя¹⁴. Несмотря на многочисленные барьеры, которыми ограждал себя цеховой строй, он усиленно перерождался изнутри под напором новых экономических явлений. Городские ремесленные корпорации дифференцируются как внутри, так и между собой. Важная изначальная особенность английских цехов состояла в том, что они включали в свой состав не только ремесленников, но и торговцев соответствующими товарами. Однако к началу XVII в. купеческая верхушка настолько отделилась от ремесленной массы цеха, что только она и представляла данную корпорацию перед городскими властями. Это были ливрейные мастера, то есть привилегированные и полноправные члены корпорации. Из 12 лондонских ливрейных компаний 7 были с самого начала торговыми корпорациями. В то же время ряд прежних ремесленных корпораций, обычно занимавшихся наиболее квалифицированными операциями в изготовлении данного вида изделия, подчиняет себе другие работающие в данной отрасли цехи, превращаясь в компании торговые¹⁵. Так, стригали подчиняют себе прядильщиков и ткачей, кожевники – цехи перчаточников, производителей ремешков, сумок и т. д. Если процессом разделения труда обуславливается разделение ранее существовавших цехов на ряд подвидов, то процесс социальной дифференциации между цехами приводит к слиянию ряда ранее самостоятельных корпораций, в чем проявляется экономическое подчинение одного цеха другим. Однако, минуя эти очевидные препятствия, национальная промышленность не только развивалась сама, но и способствовала укреплению английской торговли. Английский национальный рынок постепенно начал складываться на заре XVI века, а в начале следующего столетия внутренний обмен в Англии уже давно вышел за рамки местных рынков, содействуя дальнейшей специализации отдельных районов¹⁶. Центром образовавшегося национального рынка стал Лондон. Потребности этого города в продовольствии в немалой степени обусловили хозяйственное развитие не только близлежащих графств, но и тех, что находились относительно далеко от него. Судходная на большом протяжении Темза и развитое прибрежное

судоходство облегчили и заметно удешевили доставку сюда не только продовольствия, но и промышленных изделий, и топлива. Морем и сушей со всех концов страны в Лондон доставляли продукты земледелия, скотоводства и мануфактуры. Быстрое развитие в Лондоне и прилегающих к нему графствах промышленности нового типа — капиталистической мануфактуры, и сбыт изделий этой промышленности через Лондон еще более увеличивают его роль. Ход экономического развития Англии вел к росту Лондона, к росту значения лондонских или имеющих центром Лондон компаний. Происходит уравнивание отдельных районов страны и городов по отношению к Лондону: провинциальные интересы и капиталы поглощаются центральными торговыми организациями¹⁷.

Представление о росте емкости внутреннего рынка могут дать следующие цифры: с 1534 по 1660 г. население Лондона увеличилось почти в 8 раз (с 60 тысяч до 460 тысяч); вместо 150 тысяч кварталов¹⁸ пшеницы ему теперь необходимо было 1150 тысяч кварталов. Росло неземледельческое население и в других районах страны. Так, по данным ценза начала XVII в., в Глостершире с земледелием было связано только 46,2% мужского населения в возрасте от 20 до 60 лет, остальные же 53,8% были заняты в промыслах и ремесле. Такая же тенденция существовала и в ряде других графств¹⁹. Внутренней торговлей в Англии, как правило, занимались ливрейные компании. Являясь членами ливрейных компаний, английские купцы часто состояли в регулируемых торговых компаниях, так как получали от короля привилегии на ведение монопольной внешней торговли в какой-либо области. Члены этих регулируемых компаний вели дела, вкладывая свой индивидуальный капитал, по своему усмотрению и на свой собственный риск. Индивидуальная инициатива ничуть не ограничивалась принадлежностью к компании такого типа. Для покрытия издержек существовали вступительные взносы и систематически взимавшиеся членские взносы. Только тот, кто платил их, являлся членом компании и допускался к торговле в соответствующих странах. Таким образом, в случае регулируемых компаний имело место не объединение капита-

лов, вложенных в дело, а лишь регулируемая общей монополией индивидуальная деятельность отдельных купцов²⁰. Примером такой компании может служить возникшая ещё в XV в. компания «купцов- авантюристов». Это объединение занималось вывозом сукон в Северную Европу. В 1598 г. их долготная борьба с ганзейскими купцами закончилась тем, что последние были вытеснены из Лондона, а фактория их, так называемый «Стальной двор», закрыта²¹. Не пошатнула положения компании и революция²².

Развитие английской промышленности, потребность в открытии новых заморских рынков поставили вопрос об организации экспедиций в далекие страны. На такие экспедиции требовались капиталы, превышающие возможности отдельных купцов. Это привело к возникновению в середине XVI в. еще одного типа торговых компаний - компаний с объединенными капиталами, называемых акционерными. Они так же получали от правительства хартии, которые давали им право на монопольную торговлю в определенных странах. Каждый член компании вносил свой пай, а затем на образовавшийся объединенный капитал Совет директоров, выбранный на общем собрании акционеров, организовывал экспедицию и начинал торговлю на вновь освоенном рынке. В определенные сроки акционеры получали свою долю прибыли. Акционерные компании располагали значительными капиталами и могли вести дело в больших масштабах. Первой акционерной компанией явилась Московская компания, созданная в 1554 г. Эта компания получила монополию на торговлю с Московией и Средней Азией. Прибыли Московской компании были очень велики: они нередко достигали 300-400%²³. Начало английской работорговле положили купцы основанной в тот же год Африканской компании.

Со странами Прибалтики и Скандинавией продолжала поддерживать связь основанная в 1579 г. Восточная компания, а на Ближнем Востоке торговлю монополизировала Левантийская компания. Она имела преимущество перед частным торговцем, поскольку могла ежегодно высылать мощный флот, способный оказать сопротивление любому нападению. В 1601 г. ком-

пания была реорганизована, и с этого времени началась регулярная торговля с Турцией²⁴. Такое успешное поступательное продвижение по пути расширения рынков сбыта во многом объяснялось тем, что в 1588г., Англия победила своего давнего соперника на море – Испанию. Гибель «Непобедимой армады», положила конец господству этой страны на морских просторах и позволила англичанам вздохнуть свободнее. Уже в конце XVI в. иностранные купцы жаловались, что «английская нация благодаря своему могуществу и дерзости проникла так далеко, что... почти во всем христианском мире творит свою волю и захватывает в свои руки всю торговлю и все выгоды от нее»²⁵. Словно в подтверждение этих слов в самом начале следующего столетия англичане основали торговую компанию, которой суждено было достичь поистине впечатляющих размеров и стать одним из оплотов английского влияния в Индии. Всё началось с того, что 31 декабря 1600 г. группа лондонских купцов, получивших хартию от королевы Елизаветы I на монопольную торговлю с Востоком сроком на 15 лет, основала Ост-Индскую компанию. Первые два десятилетия компания торговала с островной Юго-Восточной Азией, но затем ее вытеснил более сильный на тот момент конкурент - голландская Ост-Индская компания, и англичане перенесли свою деятельность в Индию. 21 октября 1612 г. между представителями властей Гуджарата, Сурата и английской Ост-Индской компанией был подписан договор. Компании разрешалось вести торговлю и иметь фактории в империи Великих Монголов²⁶.

Стремление англичан к расширению торговых отношений с Индией вызвало столкновение с португальцами, которое увенчалось победой англичан. После этого шах Джахангир разрешил учредить фактории в Сурате и Ахмадабаде. К январю 1616 г. в Индии насчитывалось пять, английских факторий: в Агре, Ахмадабаде, Бурханнуре, Бороче, Сурате некоторые из них, например, в Бурхапуре и Борчэ были удобными перевалочными пунктами на пути из Сурата в Ахмадабат и важными центрами торговли. В 1620 г. была создана фактория в Мадрасе, а в 1633 г. в Хугли близ Калькутты²⁷.

Итак, торговля стимулировала процесс первоначального накопления капитала, процесс разложения феодальных основ и начала развития капиталистических отношений. Выгодные торговые контракты компаний способствовали аккумуляции капитала в промышленности и торговле, созданию в Англии XVII в. новых отраслей промышленности, работавших на привозном сырье (шелковое и хлопчатобумажное производство), обеспечивали рынки сбыта для продукции английских мануфактур. Внешняя торговля вызывала рост английской текстильной промышленности и приносила значительный доход в казну Англии.

Несмотря на определенные успехи в развитии промышленности и торговли, в начале XVII столетия аграрный сектор продолжал играть в экономике Англии важную роль. Еще в конце XVI в. из 5,5 миллионов ее населения три четверти, то есть более 4 миллионов проживало в деревне, и было связано с земледелием. Капитализированная рента земли и связанного с земледелием имущества составляла 210 миллионов фунтов, в то время как стоимость остального капитала оценивалась в 40 миллионов фунтов²⁸. Мерилом социального престижа и основой политической власти все еще являлась земля. Такова была ведущая тенденция, унаследованная от средневековья. Однако было бы ошибочно предполагать, что по причине сохранения такой тенденции, Англия медленно продвигалась по пути развития капитализма. Напротив, главная особенность социально-экономического развития этой страны во второй половине XVI в. заключалась в том, что она, по сравнению с другими странами Европы, намного быстрее продвигалась в этом направлении. И случилось это по той причине, что наиболее интенсивная ломка хозяйственного уклада началась в английской деревне намного раньше, чем в городе, и протекала здесь, как принято считать в нашей историографии, истинно революционным путем²⁹. Английское сельское хозяйство, издавна связанное с далекими рынками, намного раньше английской промышленности стало выгодным объектом вложения капитала, сферой крупного производства, рассчитанной на массовый сбыт. Английская деревня, при всей традицион-

ности ее хозяйственных устоев, покоившихся на обычае манора, в XVI – начале XVII вв. становилась основной сферой проникновения капитала, создавая оптимальные условия для так называемого первоначального накопления. Причем аграрный переворот, базировавшийся на экспроприации земли у крестьянства, совпадал с мануфактурной стадией развития капитализма в промышленности, значительно ускоряя этим генезис капитализма в стране. Эти особенности экономического развития наложили глубокий отпечаток на всю английскую социальную и политическую историю эпохи мануфактурного капитализма³⁰. О степени интенсивности вторжения капитала в земледелие можно судить по тому, какое огромное количество земель перешло в руки людей, не связанных с земледелием. Процесс перехода земли из рук старой знати, церкви и разорявшегося крестьянства в руки к чиновникам, купцам, финансистам, олдерменам, владельцам мануфактур, а более всего – к деревенским сквайрам из числа нового дворянства тянется через весь XVI в. и продолжается очень интенсивно в XVII столетии³¹. В XVI в. этот переход случился в результате осуществляемой в ходе реформации секуляризации церковных земель. Земельные богатства монастырей после их диссолюции были конфискованы в пользу короны. Английские короли, стремясь пополнить опустошаемую войнами казну, продавали их или сдавали в аренду. Были, кроме того, распространены и обмены, когда приобретающий монастырскую землю расплачивался за нее не наличными, а своими поместьями. Но более всего практиковались пожалования – безвозмездные или почти безвозмездные дарения представителям высшей аристократии³². Ещё один специфический английский метод – огораживания. Землевладельцы сгоняли со своих земель арендаторов. Прежние феодальные ренты после «революции цен» уже не удовлетворяли потребностей светской знати, чиновников, придворных, джентльменов и буржуазии, для которых расчистка земель под пастбища была гораздо выгоднее занятия земледелием, поскольку это повышало доходность земли в несколько раз. Однако, массовая экспроприация крестьянства в XVI в. привела к большим социальным сдвигам, вызывавшим

тревогу правительства, как в силу уменьшения контингента налогоплательщиков, так и из-за обезлюдения деревень и ослабления обороноспособности страны, ощущавшихся особенно сильно в южных и юго-восточных районах Англии. В силу указанных причин, корона стремилась ограничить чрезмерное развитие сукноделия, ведя борьбу с огораживаниями. Тюдоры неоднократно издавали акты против огораживаний (1553, 1555, 1563, 1571 гг.), а в 1565 г. было принято постановление о создании новых комиссий для расследования огораживаний, и хотя комиссии так и не были созданы, корона не изменила свою политику в отношении огораживаний. На сессии 1597-1598 гг. было принято два закона: «Акт о поддержке земледелия и пахоты», распространявший свое действие лишь на территорию 25 графств, а также «Акт против упадка селений и земледелия»³³. Однако ни правительство Тюдоров, ни Стюарты не смогли остановить огораживаний, так что они продолжались и в XVII столетии. Более того, земельная политика Стюартов, в частности отмена лесных законов на части королевских земель, а также осушительные мероприятия в заболоченных местностях Восточной Англии — все это способствовало включению земли в товарный оборот и формированию земельного рынка. Однако его развитию и продвижению Англии по пути развития нового способа производства мешала издавна сложившаяся в этой стране система рыцарских держаний. Базировалась она на строго иерархичных отношениях вассалитета. Самое живучее феодальное право, базирующееся на этой системе — опека малолетних наследников. До наступления совершеннолетия подопечного (мужчин до 21 года, женщин — до 16), король или вышестоящий лорд мог совершенно бесконтрольно управлять его имуществом. Доходы Палаты по делам опеки и отчуждений, занимавшейся этими вопросами при первых Стюартах значительно выросли. Если в 1603 г. они достигли 12 тысяч фунтов в год, то в правление Якова они увеличились на 24 тысяч фунтов, достигнув 36 тысяч фунтов в 1625 г. За 12 лет правления Карла I (1625-1637) доходы этой палаты снова увеличились на 47 тысяч фунтов, достигнув в 1637 г. огромной суммы в 83 тысяч фунтов³⁴. Дворяне жаждали из-

бавиться от системы опеки больше, чем от какой-либо другой повинности, но короли не желали идти на уступки. Таким образом, мы видим, что в то время, как превращение земли в условие капиталистического производства настоятельно требовало освобождения ее от оков феодальной собственности, монархи пытались сохранить её. Однако это не могло остановить ломку традиционных феодальных отношений. Более того, в аграрном секторе экономики процесс этот протекал наиболее бурно.

§1.2 Социальная структура английского общества.

Глубокие качественные изменения в английской экономике отразились на социальном развитии Англии. Наметившиеся в последние десятилетия XVI в. изменения в структуре английского общества, получили свое дальнейшее углубление в следующем столетии, поэтому представляется необходимым хотя бы в общих чертах охарактеризовать социальный состав английского общества к началу XVII в. и участие каждого из сословий в политической жизни страны. На вершине социальной лестницы находился король, являвшийся главой правительственного механизма страны. Ему принадлежало решающее слово при принятии важнейших для государства политических решений. Что же касается остального населения, то оно, как и современное ему французское, делилось на несколько сословий. Современник описываемых событий Уильям Гаррисон в своём «Описании Англии» делил его следующим образом: «Мы в Англии, – писал он, – обычно подразделяем людей на четыре сорта». Первый сорт – это джентльмены: титулованная знать, рыцари, эсквайры, а также те, кого именуют просто джентльменами. Второй – это бюргеры: члены городских корпораций, домовладельцы, плательщики налогов. Третий – йомены: зажиточная верхушка крестьян, владельцы земли на праве фригольда с годовым доходом в 40 шилл., а также зажиточные арендаторы. И, наконец, четвертый сорт – это поденщики, коттеры, копигольдеры, ремесленники. О них Гаррисон писал, что это люди, которые не имеют «ни голоса, ни власти в государстве, ими управляют, и не им управлять другими»³⁵. Опираясь на эти данные, следует помнить: английское дво-

р्यानство в ту пору уже расколосось на две категории. Этот раскол отразил в своём трактате «Государство Англия 1600» Томас Вильсон. Согласно его классификации, дворянство делилось на «высшую титулованную аристократию» и «младшую знать». Представители первой - это герцоги, маркизы, графы, виконты, епископы. Словом, титулованные роды, которые обладали наследственным правом заседать в палате лордов (пэры). Вторая категория была представлена нетитулованным дворянством, которое включало в себя рыцарей, эсквайров, джентльменов, священников и даже представителей группы «*literatos*» - образованные люди, имевшие какую-либо степень в академии³⁶. По своей социально-экономической природе это были два совершенно разных слоя дворянства: «старое» и «новое» (джентри). Впрочем, понятие «старое дворянство» весьма условно. По справедливому замечанию М. А. Барга «родовитая знать Англии XVII в. не могла похвалиться древностью своих родов. В преобладающей своей части она была новосозданной: в лучшем случае – Тюдорами, в худшем – Стюартами. В самом деле, в первом парламенте Генриха VII заседали 29 светских лордов. Чего не сделала война Роз, доделали первые два Тюдора, завершившие разгром старой мятежной знати. В парламенте 1519 г. в стране оказалось лишь 19 светских лордов. Позднее, при Елизавете I, их число было доведено до 61, а при Якове I – до 91. Более половины состава палаты лордов 1642 г. получили свои титулы после 1603 г.»³⁷. Так что, строго говоря, принадлежность к старому дворянству определяла вовсе не древность крови, а определённый образ жизни. Эти люди являлись политическим оплотом абсолютной монархии. Они сохраняли в своих владениях преимущественно феодальные порядки и жили в основном за счет рент, выплачиваемых зависимыми от них крестьянами. Представители английской аристократии, как правило, редко снисходили до того, чтобы заниматься повышением уровня доходности своих поместий. Подобный снобизм стал первопричиной разорения и аристократии. Согласно исследованиям О. Дмитриевой, во второй половине XVI века годовые доходы старого дворянства составляли в совокупности около 220 тысяч фунтов, что не пре-

вышало 2,5% дохода всего английского дворянства того времени. Этот доход поступал с земель, в процентном отношении неизмеримо уступавшим тем обширным поместьям, которые находились в руках джентри. Так, к концу века во владениях пэров Англии осталось менее 3% земли, которой они или их предки владели ранее, до того, как их поместья начали переходить в руки нового дворянства³⁸. У старого дворянства были конечно пути, чтобы поправить своё положение и без занятия коммерцией. Военная служба приносившая, при условии учета довольно многочисленных войн, которые вела в то время Англия в Европе, скорый доход. Кроме того, командирская должность открывала путь кразличного рода прибыльным злоупотреблениям: взяткам и воровству. Ещё один путь – большую часть времени проводить при дворе: усиливается тенденция «интенсифицировать» личные связи с представителями государственного аппарата и с самой королевой с целью получения должностей в центре и «на местах», открывавших доступ к «праведным» и «неправедным» доходам; пожалований, пенсий, рент. Особенностью этого времени стало учреждение короной частных монополий в интересах не только нового дворянства, но и аристократии. Так, целые семейные кланы английских пэров включали по распоряжению королевы в правление торговых компаний, процветавших в то время в Англии. Благодаря патентам, аристократия активно контролировала важнейшие статьи английского экспорта, навязывая купцам свои условия торговли, включая высоту уровня цен³⁹. Сам факт такой поддержки, меры охранительного характера, направленные на сохранение старого дворянства свидетельствуют о том, что былого блеска английской аристократии, не желавшей заниматься капитализацией поместий, к началу XVII в. почти ничего не осталось. Будущее было за новым дворянством. Джентри, оставаясь в рамках прежнего сословного статуса, в классовом отношении практически приблизилось к буржуазии. В политико-экономическом смысле та часть дворянского сословия, которая активно приспособливалась к нуждам капиталистического уклада в сельском хозяйстве, по своим социальным интересам была гораздо ближе к буржуазии,

чем к феодалам. Ряды джентри пополнялись достаточно активно. Младшие сыновья титулованных семейств также обучались в промышленности и в торговле, таким образом, старые семьи имели связь с новым обществом, а деревня имела связь с городом⁴⁰. Кроме того каждый свободный держатель, фригольдер, имевший 40 фунтов годового дохода, обязан был получить рыцарское звание под угрозой уплаты штрафа. Эсквайры, в недавнем прошлом служившие оруженосцами у баронов и рыцарей, теперь превратились в помещиков, возвысившись до сословия джентльменов. В их разряд не редко переходили представители богатой верхушки горожан и йоменри. Таким образом, джентльменом мог стать практически каждый англичанин, располагавший достаточными денежными средствами⁴¹. Необходимые средства добывались самыми разнообразными способами. Вот почему мы зачастую встречаем нового дворянина, лорда манора, в качестве крупного арендатора (или даже крупного копигольдера) в соседнем маноре⁴². В то же время он мог выращивать скот для сбыта на Лондонском рынке, разводить коров для изготовления из их молока сыра и масла, которые выгодно продавались в Англии и за рубежом, одновременно с этим добывать руду или каменный уголь. С другой стороны, XVI век был свидетелем обратного движения капиталов – из торговли и промышленности в сельское хозяйство. Горожанин-буржуа, чьи предки имели дворянские гербы, или разбогатевший ремесленник, приобретший за деньги статус «благородного», купец или банкир, возмечтавший умножить свои капиталы за счет вложения части средств, имевшихся у него, в сельское хозяйство, прикупали маноры со всеми приписанными к ним крестьянами, службами, рентами, общинными угодьями, мельницами, домениальными землями, к XVI в. уже фиксируемыми в описях в разделе «аренда», с тем, чтобы использовать эти земли для приращения своих прибылей⁴³. Уже в 1600 г. доходы английского джентри значительно превышали доходы пэров, епископов и зажиточных йоменов, вместе взятых. Именно джентри с наибольшей активностью выступало на рынке в качестве покупателей коронных земель и владений обедневшей знати. Так, например, из общего количе-

ства земли, которая была продана в 1625 – 1634 гг. на сумму в 234 437 фунтов, джентльмены и рыцари скупили больше половины. С 1561 по 1640 г. джентри увеличили свои землевладения почти на 20%, в то время как землевладение короны за тот же период уменьшилось на 75%⁴⁴. Приведенные здесь цифры дают нам возможность убедиться в том, что новое дворянство не только прирастало числом, но и становилось всё более богатым и влиятельным. Теперь, чтобы развиваться дальше, новые дворяне должны были добиться превращения своих все возрастающих земельных владений в свободную от феодальной зависимости собственность буржуазного типа. Это стремление способствовало сближению джентри с буржуазией. Именно их союзу принадлежала ведущая роль в развитии капиталистических отношений в английской экономике, они, как и представители крупных городов, заседали в парламенте, активно защищая свое экономическое благополучие.

Что касается самой буржуазии, то в начале XVII века её состав был неоднородным. Верхушка лондонского Сити и провинции активно пользовались благами тюдоровской политики покровительства отечественной торговли и промышленности. Эти несколько сотен буржуа являлись обладателями королевских монополий и патентов, кроме того, выступали кредиторами старой феодальной знати и являлись участниками привилегированных торговых компаний⁴⁵. Основную же часть буржуазии представляло купечество средней руки и высший слой цеховых мастеров. Эта часть буржуазии, с одной стороны, была против фискального гнета и злоупотреблений абсолютизма, а с другой - видела в короне свою опору, в качестве гаранта сохранения средневековых корпоративных привилегий. Наиболее опасным короне слоем буржуазии являлись организаторы рассеянных или централизованных мануфактур, инициаторы колониальных предприятий. Их деятельность, как предпринимателей, не могла развернуться на полную мощь, так как связывалась цеховым строем ремесла и политикой королевских монополий. В то же время как торговцы они были в большой степени оттеснены владельцами королевских патентов от заморской и внутренней торговли. Именно эта прослойка буржуа-

зии являлась наиболее яростным врагом феодальной регламентации ремесла и торговли⁴⁶. Социальное расслоение коснулось и деревни. Ещё в средние века английское крестьянство в правовом отношении распалось на две основные группы: фригольдеров и копигольдеров. Крестьяне-фригольдеры обладали личной свободой, имели фиксированную ренту, право свободного завещания, раздела и отчуждения держания, а также право защиты в королевских судах. Но и внутри этой группы наблюдалось расслоение. Уильям Гаррисон выделял среди них прослойку йоменри. Он считал, что «в большинстве своём они были арендаторами у дворян и, благодаря скотоводству, торговле на рынках и наёмным слугам, они богатели настолько, что многие из них были в состоянии покупать, и действительно покупали земли у расточительных дворян, и часто устраивали своих сыновей в школы, университеты и судебное подворье, или же оставляли сыновьям достаточно земли, с которой они могли жить, не работая, и таким образом давали им возможность стать джентльменами»⁴⁷. Эта точка зрения подвергается сомнению многими исследователями. В британской историографии йоменри в основном рассматриваются как сословие средних собственников, по своим экономическим интересам приближенное к джентри⁴⁸. В отечественной историографии середины прошлого столетия вопрос о социально-экономической природе английских йоменри так же не был окончательно решён. Так, Ю. М. Сапрыкин рассматривает йоменри как своего рода «крестьянскую аристократию», под которой подразумевает главным образом фригольдеров, т.е. держателей земли на правах почти полной собственности, но в то же время не исключает из числа йоменри зажиточных фермеров-арендаторов и копигольдеров⁴⁹. Но так как К. Маркс был склонен видеть в этом сословии все не экспроприированное крестьянство в XVII в., выделяя фермеров как его верхушку⁵⁰, то и большинство советских исследователей идут по его стопам. Таким образом, во главу угла ставилось не материальное благосостояние крестьянина, а степень его хозяйственной самостоятельности. Как это часто бывает, марксистская трактовка противоречит официальным данным XVI - начала XVII вв., согласно кото-

рым йоменри - это наиболее имущая часть английского крестьянства. Правда к началу XVII в. в новых экономических условиях большая их часть терпела финансовые потери.

Ниже йоменов на иерархической лестнице крестьянства стояли «земледельцы» — самостоятельные хозяева, так называемые *huslandnen*, которые в начале XVII века в нормальный по урожайности год могли рассчитывать на доход в 14-15 фунтов. За вычетом стоимости скромного содержания семьи у них могло оставаться на все прочие нужды 3-4 фунта в год⁵¹. Эти люди боролись за сохранение крестьянской наделной системы, за ограничение или уничтожение прав лордов на крестьянскую землю, за пользование общинными угодьями и т. д. Ещё один пласт английского крестьянства – копигольдеры. Т. Вилсон говорит о них так: «Среди них есть состоятельные, как и среди других, но есть и бедняки, которые живут в основном своим трудом, работая день и ночь ...за еду, питье и небольшую плату»⁵². Владельческие права копигольдеров были недостаточно обеспечены. Наследственными держателями являлась лишь небольшая часть копигольдеров. От лорда зависело, получит сын отцовский надел или по истечении срока держания будет лишен права на землю. В английской деревне было немалое количество крестьян которых в Англии называли коттерами, то есть держателями одних хижин, порой совсем без земли. По мнению современников, в конце XVII в. коттеры составляли 400 тысяч человек, и число их продолжало возрастать⁵³. Даже в том случае, если им удавалось наняться батраком, их заработок, по данным исследования М. А. Барга, редко мог составить 10 фунтов 8 шиллингов в год. Только для содержания семьи в нормальный по урожайности год на уровне, едва отделявшем ее от угрозы голодной смерти, и уплаты ренты за коттедж требовалось минимум 11-14 фунтов в год⁵⁴. Даже если исследователь склонен несколько драматизировать общую картину, становится ясно, как тонка грань, отделяющая такого бедняка от паупера. Таким образом, мы видим, что английское крестьянство в исследуемый период оказалось расколотым, как и всё общество.

Подводя общие итоги по вопросу о социальной структуре английского общества, можно сказать следующее: изменения экономической жизни страны привели и к переменам в структуре английского общества. Сословные границы в Англии имели весьма размытые очертания. На положение человека в обществе решающее влияние оказывал материальный фактор. Разбогатевший копигольдер мог стать зажиточным йоменри, которого лишь полступени отделяло от джентльмена. В то же время весьма состоятельный йоменри, ведя привычный расточительный образ жизни, мог лишиться своего богатства и скатиться до уровня простого фермера. Дворянство, разделенное на старое и новое, не имело единства ни в политическом, ни в экономическом отношении и не могло, как единое сословие, противостоять другим сословиям или короне, тем более, его ряды постоянно пополнялись за счет разбогатевших представителей низших сословий. Английская буржуазия, приближенная в своих экономических интересах к новому дворянству, была в наибольшей степени заинтересована в развитии в стране капиталистических отношений, и пыталась, действуя через своих представителей в парламенте, упрочить свое политическое влияние. Старая феодальная аристократия пыталась сохранить неизменными вековые традиции и формы ведения хозяйства, но это грозило ей вымиранием и лишь немногие из этой среды сумели приспособиться к новым условиям, следовательно, в данной группе населения тоже не было единства и серьезную оппозицию кому-либо - короне или новому дворянству - она составить не могла. Что касается четвертого сословия - спорадически вспыхивающие очаги народных волнений корона успешно подавляла, что не представляло большого труда, учитывая разобщенность народных движений этого периода. Из этого следует, что противостояние между сословиями было значительно слабее, чем это принято считать, исходя из исследований советской поры. Каждая группа, сословие Англии, стремились, прежде всего, защитить свои интересы. Однако, если монарх пытался препятствовать экономическим интересам политически влиятельных

групп английского общества, то сталкивался с серьезной оппозицией в парламенте.

§1.3 Английская идеология в конце XVI - начале XVII вв.

Раннее новое время – это эпоха становления не только новых форм политической, социальной и экономической жизни, но и время глубоких перемен в системе миропонимания, расширения пределов известного и возможного. По словам современного исследователя Р. Тарнаса, именно в это время «Запад увидел рождение нового человека, заново осознавшего себя самого и свою свободу, любознательного ко всему, что касается мира, уверенного в собственных суждениях, скептически взирающего на любую ортодоксию, восстающего против авторитетов, ответственного за свои верования и поступки, влюбленного в классическую древность, но ещё больше преданного своей великой будущности...»⁵⁵.

Рассматривая идеологию второй половины XVI –XVII веков, следует отметить, что именно в это время серьезно пошатнулась монополия религиозного мировоззрения и единомыслия. Светская идеология, представленная прежде всего трудами выдающихся ученых и мыслителей, существенно расширяет границы познания и меняет представления о мире и человеке. В XVI–XVII вв. в европейской культуре формировались принципы познания, отличные от традиций средневековой и даже ренессансной учёности. Широкое интеллектуальное движение, благодаря которому трансформировалась система представлений о мире и человеке, были заново определены основания естественных дисциплин, исторических, политических, общественных, философских систем, получило название научной революции. Формирование новых представлений о роли науки в обществе затронуло самые разные сферы, ранее всего это нашло выражение в астрономии. Первым актом научной революции было математическое обоснование Николаем Коперником⁵⁶ в сочинении «Об обращении небесных сфер» гелиоцентричности Вселенной, что не только превратило библейский центр мироздания – Землю - в сателлита Солнца, оно также лишило человека его гордого положения венца творения,

центральной фигуры мироздания. Отныне он виделся «песчинкой на третьей-разрядной планете». Конгрегация индекса⁵⁷, видимо, не сразу поняла революционное значение взглядов Коперника, и только в 1616 г., т. е. спустя 73 года после опубликования сочинения «Об обращении небесных сфер», внесла его в Индекс запрещенных книг с оговоркой «впредь до исправления». Только в 1828 г., т. е. по истечении 212 лет, запрет был снят.

Чтобы окончательно утвердилась гелиоцентрическая теория, нужна была новая физика, новая небесная механика и новая философия, породившая, в свою очередь, новые представления об обществе и государстве. Основы новой механики — динамики заложил Галилео Галилей⁵⁸ в своих двух основных работах: «Диалог о двух системах мира - Птолемеевой и Коперниковой» (коротко «Диалог») и «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящейся к механике и местному движению» (коротко «Беседы»)⁵⁹.

Галилей несказанно расширил представления о пределах Вселенной и тем самым актуализировал для научной мысли категорию пространства⁶⁰. Полному торжеству гелиоцентрической системы мира способствовал Иоганн Кеплер⁶¹. Используя накопленные к тому времени знания, он сформулировал законы, получившие его имя⁶². К концу XVII в. система Птолемея стала анахронизмом даже в глазах обывателей. Хотелось бы подчеркнуть, что выдающихся мыслителей раннего нового времени достаточно сложно отождествлять с какой-либо определенной наукой, и любые открытия в области астрономии, физики, математики легли в основу – или, что вполне вероятно – стали следствием открытий в гуманитарной сфере. В первой половине XVII в. были также совершены важные открытия в медицине, химии, ботанике. Так, Уильям Гарвей⁶³ внешне разделяя традиционные представления о «жизненной силе» (духе) и т. п., сосредоточил свое внимание на механизме жизнедеятельности организма. Он писал: «Я стремлюсь изучить и обучать анатомии не из книг, а из анатомирования, не из суждений философов, а из механизма природы». Опираясь на данные сравнительной анатомии, Гарвей открыл си-

стему кровообращения. Этим было положено начало революции, преобразовавшей медицину⁶⁴. Научные достижения, так много изменившие в представлениях о мире и человеке, вызвали потребность в разработке нового метода, и эту задачу выполнил англичанин Френсис Бэкон⁶⁵. В частности, в «Новом органоне, или Великом восстановлении наук» (1620), предпринималась попытка переоценить всю систему знаний, доступных человеку той эпохи, дать руководства к систематизации наук и предложить метод отыскания истины. Английский философ обосновал индуктивный метод как единственный, заслуживающий названия научного. Этот метод возвышал значение наблюдения и опыта, эксперимента с отдельными явлениями и предметами, чувственного и рационального проникновения в естественную сущность вещей. За наблюдениями следовали выводы и рассуждения. Знание, извлечённое из частных, документально подкреплённых фактов, представляло, по словам философа, подлинную ценность для практики, в отличие от знания, в котором примеры лишь иллюстрировали абстрактные постулаты. Взгляды Бэкона явился отражением нового, экспериментально-индуктивного метода естествознания. Цель научного познания он усматривал в «увеличении власти человека над природой»⁶⁶, и, как следствие – увеличение роли личности в жизни общества и государства.

В течение жизни одного поколения коренным образом изменилось соотношение между естественными и гуманитарными науками. Новая философия складывается под влиянием успехов нового, математического естествознания. На континенте большой популярностью пользовались сочинения французского философа Рене Декарта⁶⁷, который продолжил и развил концепцию Бэкона в трудах «Рассуждения о методе» и «Начала философии». Труды Декарта внесли существенный вклад в формирование рациональной механистической картины мира. В согласии с Ф. Бэконом Декарт усматривал высшую цель науки в завоевании человеком господства над силами природы, поставив их на службу человеку, его благу. Практическая польза - такова конечная цель новой науки. Но подобная наука требует достоверных знаний, а

не умозрительных спекуляций. Разделяя точку зрения Бэкона, что наука начинается с сомнения, Декарт вместе с тем продолжал: «сомнение есть акт мышления, его достоверность подтверждается». Это и был знаменитый принцип Декарта – «мыслю, значит существую». Отсюда следовала ведущая роль научной гипотезы в процессе получения нового знания⁶⁸. Завершение научной революции связано с достижениями еще одного выдающегося англичанина - Исаака Ньютона⁶⁹. Главный его труд - «Математические начала натуральной философии» (1687 г.) - содержит математически обоснованную картину нового мироздания. В законе всемирного тяготения содержался ответ на вопрос, почему планеты движутся не по круговым, а по эллиптическим орбитам. Тем самым новая картина мира предстала относительно устойчивой и однозначной. Философский ее смысл заключался в том, что вместо телеологического объяснения мироздания, т. е. объяснения вопроса, для чего что-либо служит, новую науку интересовало, каким образом данное устроено. Иными словами, объяснение стало отныне причинно-следственным, или, научно доказуемым. Сформировался рациональный тип мышления, разделявший все черты восторжествовавшего в XVII в. механицизма. Его ведущими принципами стали: абсолютный характер времени (существующих сами по себе, независимо от материи и движения); всеобщий характер движения (наряду с протяженностью); причинно-следственная связь всех явлений в мире. Произошло фундаментальное обновление метода научного познания - процедуры исследования и доказательства⁷⁰.

Несмотря на выдающиеся достижения и научные открытия, религиозное мировоззрение продолжало играть очень важную, если не определяющую роль в жизни европейского общества. Однако и в церковно-государственных отношениях, и в личностном восприятии духовных проблем происходят серьезные перемены.

Значительное влияние на идеологию продолжали оказывать последствия проведенной ранее Реформации. В 1534 г. парламент по настоянию Генриха VIII принял Акт о Супрематии, провозгласивший короля Генриха

«верховным главой церкви Англии». Отныне власть Папы упраздняялась в пределах королевства, а большая часть титулов, почестей, достоинств, привилегий, юрисдикций и доходов переходили к королю. Подчинение церкви королю, превращение ее в часть государственного аппарата стало одним из самых действенных средств усиления могущества английской абсолютной монархии, способствовало росту политического авторитета короля в стране и за пределами. Открывшиеся в связи с изданием Акта о Супрематии возможности секуляризации церковных земель и имущества, передачи огромных средств в ведение короны, имели большое значение для разрешения финансовых проблем правительства Генриха VIII. В результате упразднения монастырей корона получила на 500 тысяч фунтов движимости, и, по меньшей мере, 131 тысяч фунтов дохода с земель ежегодно. Хотя секуляризация в Англии была неполной, так как ей подлежали земли монастырей, но не епископата и капитулов, здесь, как, ни в какой другой стране, она сыграла значительную роль в капиталистическом развитии деревни. Заметим так же, что секуляризация уничтожила значительную группу аристократии - аббатов и приоров, что опять же было наступлением на господствующий класс отживающего общества⁷¹.

Страна раскололась. Два лагеря противостояли друг другу: в одном были те, кто творил это, и те, кто, симпатизируя лютеровским идеям, снисходительно смотрел на грабеж, в другом — правоверные католики, которые не могли смириться с государственным насилием над верой их отцов⁷². Особенно сильно этот раскол ощущался в начале царствования Елизаветы Тюдор, поскольку за протестантскими реформами правительства Эдуарда VI⁷³ последовали несколько лет царствования её старшей сестры — Марии⁷⁴, которая направила все свои силы на реставрацию католицизма. Елизавета здраво оценивала реальное положение дел. Признанная Ватиканом незаконнорожденной, она была возведена на английский престол определенными общественными группами для того, чтобы защищать их интересы. Те, кто так исступленно ждал пришествия Елизаветы, естественно, надеялись, что она немед-

ленно вернётся к Реформации и сделает церковь более похожей на первоначальную апостольскую. Однако необходимо было взвесить все «за» и «против», прежде чем разжечь огонь, который вновь поднимет англичанина на англичанина. Чтобы потрафить собственным подданным, необходимо было всячески подчеркивать свою приверженность реформированной религии, но в то же время дать понять католикам, что она вовсе не религиозный радикал и, как может, сдерживает натиск непримиримых протестантов. Независимая церковь Англии была восстановлена и подкреплена деятельностью суда коллегии уполномоченных духовных лиц, названной судом Высокой комиссии. В январе 1559 г. на парламентской сессии были приняты статут о королевском верховенстве и статут о единообразии богослужения. В статуте о королевском верховенстве, по сравнению с Актом о Супрематии, формулировка была более лояльной по отношению к церкви, и Елизавета была названа «верховой правительницей этого королевства и всех остальных доминионов и стран Ее Величества, равным образом как в духовных и церковных делах, так и в светских, и ни один иностранный государь, человек, духовное лицо, государство или владетель не имеет и не может иметь никакой юрисдикции, власти, превосходства, преимущества или авторитета в церковных или духовных делах в этом королевстве»⁷⁵. Указом этого же парламента было предписано богослужение в соответствии с Книгой Общих Молитв. Впоследствии были так же незначительно переделаны «Сорок две статьи», что никак не отразилось на их содержании, и в 1571 г. изданы как официальный Символ веры англиканской церкви - «Тридцать девять статей», до настоящего времени являющиеся вероучительной основой англиканства⁷⁶. Таким образом, парламент и новая английская королева восстановили англиканство, выразив полное согласие с его политической и теологической доктриной. Англиканство пронизано духом компромисса между католическими и протестантскими догматами. С одной стороны, здесь присутствует полный разрыв с Римом, верховенство светской королевской власти в церкви, с другой стороны, охраняется церковное иерархическое устройство, бесправие мирян и общин, под-

чинение низшего духовенства высшему - епископам и архиепископам. Сохраняется институт епископов. Во главе духовенства Англии был поставлен архиепископ Кентерберийский, носящий титул примаса и назначаемый королем. С одной стороны, в англиканстве признаются протестантские догматы об оправдании верой, о Священном Писании как источнике откровения, с другой, сохраняется католический догмат о единоспасающей роли церкви, хотя и с оговорками. По-прежнему взималась десятина, которая шла теперь в пользу короля. Наконец, с одной стороны, богослужение шло в англиканской церкви на английском языке, а не на латыни, как у католиков, с другой, сохранялся пышный культ, близкий католическому⁷⁷. Это удивительное церковное урегулирование, которое ни одну из сторон не устраивало до конца, обеспечило, тем не менее, мир, и на время уберегло Англию от религиозных войн, терзавших ее соседей. Кроме того, англиканская церковь стала надёжным союзником королевской власти. Король, являясь главой церкви, гарантировал ей сохранение огромных богатств, оставшихся еще у церкви после секуляризации монастырских имуществ. Королевская власть гарантировала англиканству положение господствующей, единственно признанной государством церкви, поступление в ее пользу десятины и других многочисленных доходов⁷⁸. По воле монарха замещались вакансии иерархов церкви - архиепископов и епископов и толковались, в конечной инстанции, догматы верования. Церковь превратилась с этих пор в институт, самым непосредственным образом поставленный на службу интересам двора. Церковные суды, находившиеся под началом епископов, привлекали прихожан к ответу не только за неуплату церковной десятины, но и за непосещение воскресной службы, за ересь, за «распушенность» и т. п. Осуществлявшаяся церковью цензура печатного слова выискивала не только ересь, но и политическую крамолу. Наконец, функционировавшая под началом архиепископа так называемая Высокая комиссия являлась, по сути, таким же орудием королевской прерогативы, как и печально знаменитая Звездная Палата. «Англиканская церковь представляла собой одно из звеньев, причем самое эффективное,

бюрократической системы абсолютизма в этой стране»⁷⁹. Тем не менее, реформированная церковь придерживалась более либеральных позиций, что способствовало демократизации отношений и появлению различных мнений внутри самой церкви. Вскоре и среди англикан произошёл раскол. Вновь созданная церковь устраивала далеко не всех. Разногласия в религиозной сфере отражали усилившиеся экономические и политические противоречия между различными слоями населения. В стране стало развиваться общественное, религиозно – политическое движение, известное под названием пуританизм⁸⁰. Пуритане считали епископальную церковь полупапистской, остановившейся на полдороге между протестантством и католичеством. С другой стороны, пуритане критиковали зависимость англиканской церкви от правительства. Пуритане в своей жизненной позиции опирались на Библию, изучая её они ничего не находили в священном писании о господстве королей над религией. С. Р. Гардинер указывает на антимонархическую природу их требований: «Каждый убежденный пуританин верит, по крайней мере, что пресвитерианство единственный образец церковного управления, имеющий божественное происхождение и данный на все времена»⁸¹. По мнению пуритан, пресвитеры вместе с избранными старейшинами из среды мирян должны обладать высшей властью во всех духовных делах. Впрочем, Гардинер ошибается в одном - пресвитерианство также не являлось идеалом для всех пуритан. Против него выступало второе значительное направление в пуританстве, носившее разные названия: «браунистов»⁸², «конгрегационалистов»⁸³ или «индепендентов»⁸⁴. Они провозглашали полную автономию и независимость каждой религиозной общины, как от государственной власти, так и от какой – либо общей церковной организации. Индепенденты являлись противниками не только епископов, но также выступали против власти пресвитерианских синодов. Самых же пресвитеров они считали «новыми тиранами». Индепенденты решительно высказывались за максимально «свободные» формы самого богослужения, считая противоречащим Священному Писанию составление каких-либо обязательных молитв, гимнов или обрядов; они предо-

ставляли каждому участнику религиозного собрания право «свободно проповедовать» или даже свободно «пророчествовать» на основании собственного понимания текстов Священного Писания. Акцент на проповедничество - интеллектуальный элемент протестантизма в противовес сакральному и литургическому элементам католицизма - характерен для реформационных движений в целом. Проповедь в той или иной форме - но неизбежно - затрагивает волнующие слушателей проблемы современности⁸⁵. Учитывая, что к индипендентам принадлежала средняя и мелкая городская буржуазия, часть дворянства - джентри, часть крестьянства, преимущественно восточных графств, где долго сохранялись традиции лоллардизма⁸⁶ и городские плебейские элементы, можно представить какие вопросы затрагивались в этих проповедях, чтобы достучаться до сердец прихожан. Поэтому Елизавета, не без оснований, видела угрозу самому институту монархии в идеях пуританизма. Благодаря пуританству стали появляться политические и конституционные теории, которые вскоре получили широкое распространение в оппозиционных кругах английской буржуазии и дворянства. Одним из самых главных элементов этих теорий являлось учение об «общественном договоре». Его сторонники придерживались мнения, что королевская власть установлена не богом, а людьми. Ради своего блага народ учреждает в стране высшую власть, которую и вручает королю. Но при этом права короны не должны становиться безусловными. Наоборот, по мнению этих теоретиков, корона с самого начала должна быть ограничена договором, заключенным между народом и королем, как носителем верховной власти. Основное содержание этого договора должно заключаться в управлении страной и согласии с требованиями народного блага. Пока король придерживается этого договора, его власть нерушима. Но как только король начинает забывать, для каких целей учреждена его власть, и, нарушая договор, начинает править так, что приносит этим вред интересам народа, то его подданные имеют полное право расторгнуть договор и лишить короля полномочий, которые были ему переданы⁸⁷. Многие из числа наиболее радикальных последователей этого учения из этой

теории делали вывод, что подданные не только могут, но даже обязаны выйти из повиновения королю, если только тот превратится в тирана. Кроме того, они утверждали, что подданные не должны сидеть, сложа руки, а обязаны восстать против тирана и убить его ради восстановления своих поправных прав. Одними из самых известных представителей этих тираноборческих теорий в Англии в XVI в. были Джон Понет и Эдмунд Спенсер. О том, что идеи тираноборцев пользовались огромной популярностью, свидетельствует хотя бы тот факт, что «Краткий трактат о политической власти» Понета, который был впервые издан в 1556 г., переиздавался накануне революции – в 1639 г. и в самый разгар ее – в 1642 г. С рядом публицистических работ пуританского характера по вопросам конституции в 30 – 40 годах XVII в. выступил Генри Паркер. Впоследствии его учение о происхождении власти путем общественного договора и вытекающих отсюда основных правах английского народа имело большую популярность и оказало огромное влияние на изменение отношения английского народа к особе короля⁸⁸.

Таким образом, рассматриваемый период отмечен интенсивным развитием хозяйственной жизни, социальной активностью, развитием науки и культуры. Увеличение объема производства и обусловленное им оживление внутренней и в особенности внешней торговли повлекло за собой разделение труда. Это выразилось не только в усилении процесса отделения промышленности от земледелия, но и в резком расширении сфер приложения труда в самой промышленности как вследствие дробления унаследованных от средневековья отраслей производства, так и вследствие возникновения множества новых отраслей промышленности, ранее здесь неизвестных. Последствия развития промышленности сказались и на положении в деревне. Издавна связанная с рынком, английская деревня оказалась удачным местом для возникновения новой капиталистической промышленности и нового капиталистического земледелия. Последнее намного раньше, чем промышленность, стало выгодным объектом приложения капитала; в английской деревне особенно интенсивно происходило первоначальное накопление. В пер-

вой половине XVII в. в английской деревне огораживания шли полным ходом. Эти десятилетия были также временем невиданного роста земельной ренты.

Территориальное распространение и перемещение промышленности приводят к возникновению новых промышленных городов на месте старых деревень, вызывают значительную миграцию народонаселения не только из деревень в города, но также из старых, приходящих в упадок городских поселений в новые центры промышленности и торговли. В Англии шел интенсивный процесс формирования национального рынка. Во внешней торговле страна постепенно начинает занимать первое место. Под влиянием всех этих изменений в социальной структуре общества происходит «качественный скачок», приведший к образованию новых общественных классов и новых классовых противоречий по сравнению с предшествующим периодом. Новому дворянству и буржуазии для дальнейшего развития требовалось не только сохранить, но и расширить свои полномочия, для того, чтобы активнее вмешиваться в политическую жизнь страны.

В начале века также продолжается и научная революция. Это был век новой науки и, хотя полного торжества рационализма ещё не произошло, однако человек значительно расширил диапазон своих знаний о мире, пришёл к выводу о том, что его можно постичь путём наблюдения, опыта и усилий разума. Наука впервые стала светской, и, несмотря на все усилия, выскальзывала из-под влияния церкви. Тем более, при Тюдорах Англия не была едина в религиозном вопросе. В результате Реформации произошло не только разделение на католиков и англикан. В рядах самих англикан появились разногласия. В стране стало развиваться религиозно-политическое движение – пуританизм. Пуританство было не только церковным движением, выступавшим с требованием переустройства церковной организации в интересах буржуазного развития страны. Именно в среде пуритан возникли политические и конституционные теории, которые вскоре получили широкое распространение в оппозиционных кругах английской буржуазии и дворянства. Это, прежде

всего учение об «общественном договоре» и тираноборческие теории. В этот сложный период, когда над страной веял ветер перемен, королём Англии становится Яков Стюарт. О. Дмитриева остроумно заметила, что Яков «был шотландец - огромный минус, но протестант и мужчина - безусловный плюс»⁸⁹. Католики рассчитывали на снисхождение к себе со стороны сына католички Марии Стюарт и на изменение религиозной политики короны. Ту же надежду питали страны континентальной Европы, которые рассчитывали на изменение внешнеполитического курса Англии в сторону католического мира и перестановку сил на международной арене в свою пользу.

Государства же, исповедующие протестантизм, полагали, что Якову так или иначе предстоит защищать англиканскую церковь, в противном случае его пребывание на английском престоле могло оказаться очень непродолжительным. Они также рассчитывали на продолжение внешней политики Елизаветы и на укрепление политических и экономических связей с Англией. Пуритане, памятуя о том, что нередко находили прибежище на шотландской земле, считали, что смогут добиться поддержки в легализации своей деятельности.

Феодальная аристократия воспрянула духом в самонадеянной надежде, что король, поскольку он чужеземец и не имеет корней в Англии, станет искать поддержки у старейших представителей английского общества. Что же до джентри и буржуазии, то они, прежде всего, были озабочены своим экономическим благосостоянием и вытекающими отсюда политическими требованиями. К моменту начала правления Якова их положение было уже достаточно прочно, и они рассчитывали укрепить его ещё более через территориальное объединение с Шотландией.

Таким образом, к моменту воцарения Якова Стюарта ситуация была достаточно благоприятной, и многие слои английского общества в самом факте восшествия Якова Стюарта на английский престол усматривали для себя определенные преимущества и встретили его вполне радушно. Однако уже вскоре после начала работы его первого парламента начали выявляться

серьёзные разногласия между подданными и сюзереном. Сам Яков не сразу оценил уровень противоречий между короной и парламентом, хотя именно в его лице мы встречаемся не только с главой государства, абсолютным монархом, но и с незаурядным политическим мыслителем своей эпохи.

§1.4 Идеал абсолютной монархии в произведениях Якова I Стюарта.

Самым известным сочинением Якова Стюарта считается его политический трактат «Истинный закон свободных монархий». Данная работа впервые увидела свет в 1598 г. и традиционно считается единственным англоязычным сочинением эпохи королевы Елизаветы, в котором четко сформулирована доктрина абсолютной монархии. Уже его полное заглавие - «Истинный закон свободных монархий, или обоюдный и взаимный долг между свободным королем и его подлинными подданными», говорит исследователю о многом. Смысловую нагрузку здесь несут «свобода» короля, совмещенная с «взаимностью» обязательств между монархом и его народом. Именно поэтому король и пишет сочинение для блага своих «дорогих соотечественников», выражая надежду, что они станут «ограничивать все свои действия рамками этих основ». С помощью «Истинного закона» Яков рассчитывает воспитать честных и покорных подданных он пишет: «когда вы по воле случая столкнетесь с кем-либо, кто станет прославлять или оправдывать прошлые восстания, произошедшие в этой стране, или какой-либо другой, вы были бы вооружены против их [коварных] песен Сирены, помещая их отдельные примеры в рамки этих основ»⁹⁰. Преследование этой цели предполагает ориентацию на широкую и весьма разнородную аудиторию. Очевидно, поэтому Яков старался писать доступным языком и отказался от ведения открытого спора. Однако «Истинный закон» произведение, без сомнения, полемическое. Это легко заметить по некоторым характерным чертам. Прежде всего, потому что «Шотландский Соломон» делает упор на, как это сейчас принято называть, актуальность поднятой им темы. «Нет другой вещи столь необходимой для

познания народом любой земли, вслед за познанием их Бога, как правильное познание их верноподданства согласно форме правления, установленной среди них...» Незнание в этой сфере не раз «приводило к краху и уничтожало различные цветущие государства»⁹¹. Следующее утверждение Якова: «...ни одно Государство, которое когда-либо существовало от начала времен, не имело большей потребности в истинном знании этой основы, чем это наше столь долго пребывавшее в беспорядке и расстройстве Государство»⁹² - не столь злободневно для Англии, где в это время монархия находилась в зените своей славы, но более чем справедливо для Шотландии. Тяжёлый королевский венец возложили на голову Якова в очень юном возрасте – 1567 году, когда он ещё не достиг совершеннолетия и потому должен был находиться под опекой регентов. В условиях острой политической борьбы особенно обострившейся после отречения Марии Стюарт⁹³, отсутствие в стране сильной королевской власти предопределило на ближайшие десятилетия состояние политической нестабильности в стране, сепаратизм феодальной аристократии, усиливающийся постоянным иностранным вмешательством. Шотландия вновь оказалась во власти регентов, каждый из которых отстаивал интересы той или иной группировки шотландской аристократии. Вторая половина XVI в. ознаменовалась резким обострением внутривнутриполитических конфликтов в Шотландии. В результате, были полностью сведены на нет многолетние усилия шотландских королей в деле дальнейшего продвижения и завершения процесса политической централизации Шотландского королевства. Л. Сербинович в своей диссертации приводит слова из донесения английского резидента Роберта Боуса: «... накал страстей (в Шотландии) после отречения королевы (Марии Стюарт) достиг опасных масштабов»⁹⁴.

В борьбе за власть враждующие между собой семейства феодальных магнатов широко использовали институт регентства. Так, за период с 1567 по 1583 гг. в качестве регентов Шотландией последовательно правили Морей, Леннокс, Мар, Морттон, за каждым из которых стояла одна из «партий». Можно смело предполагать, что в этих печальных обстоятельствах детства

кроется основной мотив, побудивший шотландского короля к написанию трактата, который должен обосновать права суверена принимать единоличные решения и возродить престиж института монархии. Яков понимает, что его сочинение вызовет, мягко говоря, недоумение публики и потому в завершении вводной части обещает разъяснить в конце трактата места, которые могут вызвать возражения. Свои рассуждения король строит на основании текста Священного Писания, на фундаментальных законах Шотландского королевства и на естественном праве, которое он называет «Законом Природы». Одно из положений, лежащих в основе рассуждений шотландского короля, - тезис о совершенстве монархии: «эта форма правления, благодаря схожести с Божественной, стоит ближе всего к совершенству, с чем изначально согласились все ученые и мудрые мужи; единство есть совершенство всех вещей»⁹⁵. Яков не останавливается на разборе отдельных типов монархического строя. Он пишет только о «свободных монархиях», отмечая, что его рассуждения касаются не «выборных королей и, еще меньше, того сорта правителей, какими являются герцоги Венеции, чье аристократическое и ограниченное правление не имеет ничего общего со свободными монархиями; хотя из злонамеренности некоторые писатели не стыдятся отрицать какие-либо отличия между ними»⁹⁶. Воспринимая идею о приоритете свободного единоличного правления над любыми другими формами государственного устройства как аксиому, Яков рисует идеальную модель взаимоотношений между королем и его поданными. Прежде всего, апеллируя к тексту Библии он стремится доказать, что монархия стала прямым установлением Божьим. Король цитирует и комментирует восьмую главу Первой книги Царств - о даровании царя народу Израиля. Если мы вслед за автором обратимся к разбираемому отрывку, то обнаружим некий парадокс. Избранный народ божий получил от Бога монархию по своей же просьбе, сделав при этом большую ошибку, поскольку предпочёл монархический строй прямому правлению Бога. Таким образом, иудеи получают подобие божественной власти, которая, как мы видим из дальнейшего текста Писания, может принимать и

тиранические формы. Однако Яков приходит к выводу, что Иудейское царство «может и должно быть образцом для всех христианских и хорошо обоснованных монархий, как установленное самим Богом, который через своего Пророка и своими устами дал ему законы»⁹⁷. Поскольку шотландский король писал для своих поданных, то, как это делают и многие нынешние политики, он обратился за подтверждением правильности своих претензий к национальной истории. Яков рассказывает о том, как на территорию Шотландии пришёл из Ирландии король Фергюс и стал править на этих землях. Из-за отсутствия точных ссылок в этой части «Истинного закона» невозможно сказать, о каком Фергюсе писал Яков⁹⁸. Но в данном контексте это не столь важно, поскольку на наш взгляд, Фергюс для шотландцев столь же малоизвестная и полуполюгендарная фигура, как Рюрик для русских. Основатель династии в интерпретации Якова выступает скорее как мифологический культурный герой», на плечах которого лежит цивилизаторская функция. Добрый и сильный, он приходит из более развитой страны на дикие земли, населенные варварами, и создает там государство. Фергюс появился в Шотландии, когда там не существовало никаких властных институтов: «Короли в Шотландии появились раньше любых сословий и рангов людей, раньше, чем стали собираться Парламенты или издаваться законы»⁹⁹. Совершенно очевидно, что король стремится здесь провести параллель между частным шотландским примером и универсальным библейским образом.

Яков признавал, что не всегда монархия устанавливалась мирным путём. Интересно, что в то время, когда многие просвещенные умы нарекали захватчиков власти узурпаторами и тиранами, Яков так не считает, утверждая, что добытая таким образом власть имеет законную силу. «Разве, когда Нормандский Бастард пришел в Англию и сделался королем, это произошло не благодаря силе и с помощью мощной армии?... И, тем не менее, его наследники в великом счастье наслаждаются Коронай и по сей день»¹⁰⁰. В свете теории, которую развивал король, он по понятным причинам всегда стремился переносить рассуждения о тирании в разряд нравственных про-

блем. Как писал в своё время Кузнецов «тиран в глазах Якова – настоящее чудовище, которое навлекает на свою страну бедствия, поскольку он считает своё положение безопасным только в раздробленном и в разделённом на различные группировки обществе, потому и прикладывает свою руку к гибели государства»¹⁰¹. Но, несмотря на это, Яков отказывает народу в праве на сопротивление. Объясняя свою позицию, король вновь обращается к Первой книге Царств, цитируя то её место, где Самуил рассказывает о том, какие злоупотребления может принести с собой монархия¹⁰². Самыми важными в для Якова в данный момент являются заключительные слова речи: «и восстанете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет Господь отвечать вам тогда»¹⁰³. Стоит только задуматься над словами священной книги, ведь в том, что было обещано там, есть большие возможности к злоупотреблениям. Невольно снова задаёшься вопросом: как можно считать абсолютную монархию лучшей формой правления страной? Возможно, ответ заключается в том, как шотландский король интерпретирует этот отрывок: «Как если бы он сказал – пишет Яков о речи Самуила – «когда вы найдете подтверждение тому, от чего я сейчас предостерегаю вас, хотя вы и пожалуете, и возропщете, однако, не сможете законно сбросить с себя этот груз, не только из уважения к указанию Божьему, но, также потому, что сами избрали его для себя»¹⁰⁴. Если следовать логике коронованного автора, то он по своему прав, ведь иудеи сами стремились идти по этому пути. Согласно Библии «народ не согласился послушаться голоса Самуила, и сказал: «нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши»¹⁰⁵. Яков приходит к выводу, что «...если избранному народу божьему пророк Самуил обещает тиранию и народ этот соглашается, на какую свободу, направленную против христианской монархии, горячие головы и мятежные умы могут справедливо претендовать?»¹⁰⁶ Неправомочность восстания против короля доказывается Яковом и с помощью сравнения норм взаимоотношений между людьми стоящими на разных ступенях социальной лестницы. «Если закон запрещает держателям и

вассалам какого-либо Лорда под любым предлогом контролировать или смещать своего Хозяина и господина (о чем свидетельствуют яснее Солнца все Законы на свете), насколько меньше прав у подданных и вассалов верховного господина, короля, контролировать или смещать его?»¹⁰⁷. Ещё одним аргументом в пользу не сопротивления королю, для Якова служит уверенность, что монарх отец для своих подданных. Из чего следует, что восстание против государя — это святотатство. «Разве можно под любым предлогом злости или суровости с его стороны справедливо оправдать детей, поднявших на него руку?»¹⁰⁸ Частые ссылки на Священное Писание, говорит нам о том, что Яков, вне всякого сомнения, человек религиозный и главенство над страной жестокого монарха воспринималось им как наказание народу за грехи. Потому его надо терпеть и даже повиноваться. Ничего удивительного, что в свете развитой им концепции Яков отвергает популярную тогда теорию «общественного договора». В своё время один из воспитателей юного короля Джордж Бьюкенен на страницах сочинений «О праве королевской власти в Шотландии» и «История Шотландии» обосновал эту теорию и право на свержение тирана, подкрепляя свои доводы примерами из национальной истории. Бьюкенен, несомненно, стремился внушить молодому королю идеи, которые разделял сам. Результат, однако, оказался совершенно противоположным. Когда подросший воспитанник изложил свои взгляды на бумаге, выяснилось, что он стремился всеми способами опровергнуть тезисы своего наставника и, по возможности, нейтрализовать их влияние на умы и чувства своих подданных. Шотландский король отрицал наличие какого-либо соглашения между монархом и подданными, накладывающего определенные ограничения на правителя. Коронационная клятва не содержала никаких обязательств короля перед народом, а лишь была свидетельством его добровольных благих намерений. Яков рассматривает этот вопрос, опираясь на постулаты римского права. Он не отрицает, что договор, заключенный между сторонами, может быть расторгнут на законных основаниях, если одна из сторон нарушила условия соглашения. Но санкционировать подобное рас-

торжение может только судья. А в случае с монархом судить может только Бог, поскольку монарх выше любого земного закона. Впрочем, мы выше уже говорили о том, что эти вопросы Яков рассматривал чисто теоретически, поскольку не раз утверждал, что добрый король, «...даже будучи выше Закона, подчинит свои действия его рамкам ради примера своим подданным и по своей собственной свободной воле, а не как подчиненный или связанный им»¹⁰⁹. Яков, безусловно, относил себя к разряду «добрых королей» и потому не малое место в его труде уделено рассмотрению функций, которые берёт на себя монарх. На первом месте для него, очевидно, стоит обязанность вершить суд. Подобно самому знаменитому библейскому царю Соломону обязан «разрешать все противоречия», которые могут возникнуть между его подданными, по завету апостола Павла «быть Божьим слугой для тех, кто творит добро, и Божьим слугой, отмстителем тем, кто делает зло». Задача короля «вершить Справедливость и Суд», «обеспечивать мир людям» и как «добрый Пастырь ходить перед своим Народом»¹¹⁰. Итак, Яков здесь опять обращается к библии и достаточно вольно цитирует выдержки из Первой и Третьей книги Царств, Послание к римлянам апостола Павла, а так же ссылается на псалмы Давида. Слова о пастыре автор вообще вводит самолично. Король делает это, чтобы придать больший вес своим словам, ведь пастырь в сознании человека того времени - тот, кто способствует поддержанию гармоничного порядка, созданного Господом. Именно правитель, воплощающий в себе все эти ипостаси, достоин называться наместником Бога над людьми. Яков отмечает, что монарх по «Закону Природы» превращается в «естественного Отца своих Ленников» в момент коронации. «И как отец связан своим отцовским долгом заботиться о пропитании, образовании и добродетельном наставлении своих детей, также и король связан заботой обо всех своих подданных»¹¹¹. Весь «Истинный закон», проникнут патриархальным духом, что, впрочем, не удивительно, учитывая время его написания. Отголоски слышатся и далее, и особенно ярко проявляются в сравнении общества с человеческим телом. Яков называет правителя «головой тела, состоящего из разных

членов. Голова заботится о теле, как король - о своем народе. Так, речь и управление исходят из головы, а исполнение согласно им принадлежит другим членам, каждому по его назначению. Так устроено между мудрым Князем и его народом»¹¹². Здесь король затрагивает и механизм действия королевской власти. Нет, он не отрицает всем известную формулу: король – «говорящий закон, а закон - «немой король». Однако, как отметила Е. И. Эцина в своей работе «Идейно-политические основы раннестюартовской монархии»: «эта формула, констатирующая строгий паритет между двумя понятиями, его явно не удовлетворяла. Шотландский король стремился в этом вопросе не к установлению равновесия сил, а к утверждению приоритета позиций государя»¹¹³. Этим же объясняется его указание на то, что первые короли «распределили землю (которая вначале полностью принадлежала им), возвели и определили сословия, разработали и учредили формы правления, а из этого неизбежно следует, что короли были авторами и создателями Законов, а не Законы – королей». Затем автор переносит нас в современную ему действительность, и отмечает: «мы ежедневно видим, что в Парламенте (который является ничем иным как главным судом короля и его вассалов) подданные создают лишь проекты законов, а он один творит закон с их одобрения и по их совету»¹¹⁴. Из приведенных отрывков мы видим, что Яков считал себя в полном праве принимать законы или решения, словом править, не опираясь на парламент. Сама идея парламента вступала в противоречие с основами монархии, нарисованной в Библии, которая является основной точкой отсчета для автора «Истинного закона».

Ещё один важный вопрос, затронутый в «Истинном законе», который касается статуса монарха – проблема собственности. Здесь Яков ссылается на «свитки нашей канцелярии», и на их основании утверждает, что «король есть *Dominus omnium bonorum*¹¹⁵ и *Dominus directus totius Dominij*¹¹⁶, все подданные - никто иные как его вассалы, от него держат свои земли, как от верховного господина, который, в соответствии с сослуженной ему хорошей службой, заменяет их держания с взимания дани на феодал, с опеки на владение, возво-

дитновые и объединяет старые без совета или санкции Парламента, либо любого другого подчиненного юридического органа»¹¹⁷. Словом обычная феодальная практика. Помимо процедуры земельных раздач и аноблирования¹¹⁸, король говорит о передаче в государственную казну бесхозных земель и сокровищ: «Ведь, если под землей был найден клад, который больше никто не хранит и не использует, то он по закону принадлежит королю. Если человек, собственник любых земель или имущества, умирает без каких-либо наследников, то все его земли и имущество отходят королю. И если бастард умирает не восстановленный в правах без прямых наследников (чье восстановление в правах находится исключительно в руках короля), то все, чем он обладал, так же отходит королю»¹¹⁹. Итак, Яков приходит к выводу - монарх «является верховным хозяином всей земли, так же как господином всех людей, населяющих ее, обладая властью над жизнью и смертью каждого из них»¹²⁰. Подобное заключение очень органично вплетается в канву библейского текста, в уже не раз процитированной нами Первой Книге Царств, перекликаясь с предостережениями, высказанными пророком Самуилом иудеям по поводу их будущего царя. Вообще если рассматривать произведение в целом, то можно увидеть, что «Истинный закон» проникнут религиозным духом, полон цитат из Библии и параллелей из священной истории. Ален объяснял это тем, что «Яков VI тщеславно верил в мистический источник своей власти, не поддающейся рациональному объяснению»¹²¹. На наш взгляд, дело вовсе не в тщеславии, напротив, таким образом, он проявлял, заботу о своём государстве. Английский историк Уилсон совершенно верно заметил, что «сам век требовал религиозных санкций в светских делах»¹²². Окружая, королевскую власть таинственным ореолом, настаивая на её неприкосновенности Яков стремился уберечь своих поданных от соблазна междоусобных войн или государственного переворота. Для этого необходимо поднять свой престиж. Средство, лучшее, чем обращение к библии, найти трудно. Ведь «Истинный закон» – это такая теоретическая основа. Обратимся к другому сочинению шотландского короля – «Царскому дару», и мы увидим, что теория уравни-

вешивается в нём дельными практическими советами, следуя которым можно избежать крайностей. Этот трактат был создан практически одновременно с «Истинным законом», и впервые увидел свет в 1599 г. Но обычно историки обходят его стороной, поскольку распространено мнение, что в нём развиваются те же идеи, что и в «Истинном законе»¹²³. С этим утверждением трудно согласиться. Да, Яков не отказывается от своей идеи божественности королевской власти, но рассматривает её уже под другим углом. «Истинный закон» - это полемический трактат, в котором развивается политическая теория, а «Царский дар» относится к сфере политической практики. Читающий его должен постигнуть искусство быть совершенным королём. И предназначался он первоначально одному читателю, о чём нам и говорит заглавие: «Царский дар, или Наставления Его Величества своему дражайшему сыну, Принцу Генри¹²⁴». «Истинный закон» начинается с утверждения совершенства монархического строя, в «Царском даре» рассуждения на этот счёт практически отсутствуют, что не удивительно – едва ли существовала необходимость убеждать в этом своего преемника. Там, где Яков всё-таки касается вопроса устройства государства, речь по существу заходит о критике демократии. «Некоторые преисполненные гордыни представители духовенства приняли на себя руководство народом в то смутное время – Яков имеет в виду эпоху Реформации - найдя правление сладким на вкус, они придумали себе демократическую форму правления. И, вдоволь поживившись, (благодаря беззаконию времени)..., утвердившись в воображаемой Демократии, питая надежду стать Tribuni plebis, и через народное правление, вода людей за нос, взять всю власть.... Из-за чего я был многократно оклеветан в их народных проповедях не за какое-либо зло или грех во мне, но потому, что я являлся Королем, что они мыслили величайшим злом»¹²⁵. Так же и равенство для короля - «мать смуты и враг Единства, матери порядка». Здесь конечно, опять заявляет о себе доктрина божественности королевской власти. «Господь – пишет он чуть раньше, – сделал тебя маленьким Богом, чтобы ты правил другими людьми»¹²⁶. Это напоминание должно было подчеркнуть двойственную

сущность короля, сакральность его власти, полученной от создателя. Яков не зря подчёркивает, что король «не есть *tere laicus*¹²⁷, которым его считают паписты и анабаптисты, к какой ошибке склоняются и пуритане»¹²⁸. Эта цитата интересна ещё и тем, что автор указывает своих политических противников, в пику которым он развивал свою теорию. И здесь король отстаивает своё стремление на независимость от церкви.

Одним из самых важных вопросов, рассматриваемых королём в «Царском даре», является принцип наследования престола. Яков показал себя сторонником майората, когда власть наследует лишь старший сын, а остальные получают только землю. Поскольку «иначе разделом своих королевств, ты посеешь зерно разногласия и распри среди своего потомства»¹²⁹. Яков особенно подчёркивает, что государь приходит к власти «не *presagio*¹³⁰ и не по праву завоевания, а, по справедливому и надлежащему наследованию»¹³¹. Позже он даёт разъяснение, не оставляющее простора для толкования: «ведь королевства навеки в Божьем расположении, а в этом случае мы лишь местодержатели, и не в руках королевских или человеческих лишение владений законного наследника»¹³². Стало быть, даже король не может отменить право наследования, вне зависимости от того, нравится ему его преемник, или нет. Вот и первое ограничение, казалось бы, безграничной власти. Вообще тема необходимости усмирения своеволия государя, подчинения его законам Всевышнего и естественному праву красной нитью проходит через весь трактат, и в этом его принципиальное отличие от «Истинного закона». Ещё в начале рассуждений король говорит: «Тот не может быть достоин править и руководить другими, кто не способен управлять [собой] и сдерживать свои собственные страсти и неразумные аппетиты»¹³³. В этом сочинении мало об обязанностях поданных, но много рассуждений о долге короля перед подданными. Шотландский король говорит о двояком долге монарха по отношению к подданным: «Так как ты облачен двумя призваниями, ты должен равно заботиться о следовании им обоим. То есть, являясь добрым Христианином, ты можешь быть и добрым Королем, неся свою Службу с позиций Справедливо-

сти и Совести, что должно делать двумя различными путями. Первый [заключается] в установлении и исполнении (которое дарит жизнь Закону) добрых Законов среди твоего народа. Другой - своим личным поведением и [по образцу] своих слуг учить людей [жить] по твоему примеру»¹³⁴. Итак, король обязан не только, создавать новые законы, но и следить за их исполнением. Сам же вынося свои решения, должен руководствоваться не личными пристрастиями, а принципом справедливости. Впрочем, Яков предостерегает принца от слепого следования формулировкам законов: «Законы предназначены регулировать добродетельное [людское] общежитие, а не быть капканами для ловли добрых подданных. А посему, закон должен быть интерпретирован согласно своему значению, а не буквальному смыслу»¹³⁵. Иначе высший закон, по мнению Якова обращается в высшую несправедливость. Таким образом, в «Царском даре», как и в «Истинном законе», Яков Стюарт выводит образ мудрого короля-судьи как идеального правителя.

Делая акцент на судебных полномочиях монарха, Яков не забывает, однако, в своих рассуждениях и о других ипостасях правителя. Так, он уделяет особое внимание военной теме, говоря о государе, как о главном защитнике страны от внешних врагов: «Меч дан тебе Господом не только для возмездия твоим собственным подданным за зло, совершаемое ими, но и для отмщения и освобождения их от иноземного зла, направленного против них».¹³⁶ Он призывает сына уважительно относиться к другим правителям, и советует не вступать в вооруженный конфликт из-за частных недоразумений. Однако если война начата, не надо стремиться к поспешному заключению мира любой ценой: «честная и справедливая война более приемлема, чем бесчестящий и непрочный мир»¹³⁷. Уделяет Яков внимание и тому, как должно вести себя королю во время военных действий, особенно подчеркивая: «Не надо постоянно изображать из себя солдата, опрометчиво подвергая свою персону любой опасности, но храни себя для блага своего народа, народа, о котором ты должен заботиться больше, чем о своем собственном»¹³⁸. Прошло время, когда главным в бою было проявлять личную храбрость, те-

перь нужно было иметь стратегический талант. Успех на поле боя все больше зависел от грамотной разработки плана всей кампании, надежности материальной базы и дисциплины в армии. Поэтому рассуждения на тему войны следует рассматривать как живую и прозорливую реакцию на новые веяния времени.

Наконец, отдельные высказывания Якова в «Царском даре» посвящены роли короля в регулировании экономической сферы жизни общества. Лейт-мотивом здесь является следующий тезис: «И, прежде всего, не обогащайся за счет наложения чрезмерных налогов на своих подданных, но считай богатство своего народа своим главным сокровищем»¹³⁹. Даже в чрезвычайных случаях, таких как война, Яков призывает сына, как можно реже взимать дополнительные подати и использовать их строго по прямому назначению. То есть он признает за монархом право изменять налогообложение лишь в экстренных для страны ситуациях. В остальное же время государь должен изыскивать другие пути для пополнения своей казны: чеканить полновесную монету, способствовать развитию торговли и т.д. Таким образом, автор «Царского дара» в конкретных обстоятельствах оказался достаточно далек от утверждения права короля самовольно распоряжаться собственностью своих подданных, которое он формально декларировал в «Истинном законе».

Важная составляющая долга короля – являться примером для своих подданных. Яков верно замечает, что «все люди естественным образом расположены следовать примеру своих Государей, а посему, - восклицает он, «позволь своей собственной жизни быть сводом законов и зеркалом для твоего народа»¹⁴⁰.

Вслед за чем, он подробно перечисляет и дает примеры проявления в конкретных ситуациях важнейших положительных качеств, необходимых правителю, а именно: справедливости, милосердия, великодушия, щедрости, постоянства и скромности. Превыше всего Яков ставит умеренность, которую называет Королевой добродетелей: «я имею в виду ту мудрую сдержанность, которая, руководя тобой, вначале как Королева подчинит все твои желания и страсти твоему разуму, и [затем] как Врач, мудро согласует с ним все твои

действия»¹⁴¹. Прославляя умеренность, Яков VI яростно критикует крайности; «В чем разница между крайним блудовством, когда, прокутив все, остаешься ни с чем, и крайней скаредностью, когда, пряча все про запас, ничем не наслаждаешься?». ¹⁴² Как следствие, шотландский король на протяжении всего трактата советует сыну избегать перегибов и невоздержанности. Он призывает стремиться к золотой середине во всех больших и малых делах: в церковной политике, в интерпретации законов, в пище и возлияниях, в одежде, в речи и жестах, в играх и увлечениях и т.д. Того же принципа, по мнению Якова, королю следует придерживаться в общении с подданными: «ты не должен быть столь легко доступен в любое время [для посещений], как был я сам, и, вместе с тем, не должен быть скрыт или заперт, как Персидские Шахи, назначая определенные часы для публичных аудиенций»¹⁴³. В умеренности общения с подданными Яков явно перестарался. Ведь популярность монарха среди абсолютно всех слоёв общества, а не только его верхушки – одна из немаловажных составляющих поддержки его политического курса. Выросший в кальвинистской среде, он не верит в свой дар исцелять «королевскую болезнь» и отказывается налагать руки на золотушных¹⁴⁴. Елизавета прекрасно умела поддерживать «роман с нацией». Кроме «исцеления больных», королева успешно практиковала обряд омовения ног женщинам в чистый четверг. Этот полуцерковный обряд весьма прозрачно намекал, на сакральную природу её власти. Своими частыми соприкосновениями с подданными королева добилась того, что её стали считать второй среди небесных дев и первой среди земных¹⁴⁵. Яков не смог обеспечить себе любовь подданных. И теперь англичане вспоминают его куда реже, чем кого-либо другого из своих монархов...

На страницах «Царского дара» Яков вновь возвращается к вопросу о тирании. И, хотя по-прежнему отстаивает мнение о незаконности сопротивления правителя, каким бы он не был, но как человек трезвомыслящий, понимает, что такой исход для тирана вполне возможен: «весь свет так устает от тирана, что его падение остается практически незамеченным остальными

подданными, вызывая лишь улыбку у соседей»¹⁴⁶. Шотландский король указывает также на вред, который наносит злой правитель самому институту монархии. Ведь успех восстания против тирана может быть впоследствии закреплён законодательно, что приведет к утрате свободным государем ряда своих позиций. Разъяснив, таким образом, всю опасность скатывания к тирании, Яков дает сыну целый ряд практических советов, как избежать такой ситуации. Помимо необходимости избегать крайностей во всех сферах жизни, о чем уже говорилось выше, шотландский король предупреждает Генри о вреде лести, «язвы всех Принцев и погибели для Государств». Яков призывает остерегаться лести не только со стороны окружающих, но и самого себя: «не льсти себе в своих трудах, но прежде чем дать им ход, позволь подвергнуть их критике кого-либо из лучших специалистов в той области, с которой они связаны»¹⁴⁷. Бичуя лесть, шотландский король отмечает важность самокритики, как противовеса этому всепоглощающему пороку: «порицай себя так жестко, будто ты являешься своим собственным врагом. Ибо если ты судишь сам себя, то не будешь судим (другими)»¹⁴⁸. Яков предостерегает сына от ошибочного мнения, что величие монарха может оправдать его грехи. Напротив, «грех простительный (как его называют паписты) для другого, в твоём случае — великое преступление». А потому, заключает автор «Царского дара», королю всегда необходимо помнить, в чьих руках он находится, и что начало мудрости - страх Господень»¹⁴⁹.

Итак, таковы были политические взгляды Якова Стюарта. Подводя итог анализу его трактатов, сравним позицию автора в этих произведениях. Шотландский король делает здесь акцент на отеческой любви как на главном побудительном мотиве своего обращения к перу. Таким образом, он изначально указывает на подобающий отцу поучительно-увещательный тон, и мудрую предостерегающую критику как на важные характеристики содержания обоих трактатов. И в этом шотландские сочинения Якова действительно близки, так же как близки и некоторые идеи, высказанные на их страницах. Принципиальная разница заключена в другом. Любящий родитель в

каждом отдельном случае сосредотачивает свое внимание на потенциальных соблазнах опасных для тех своих детей, к которым он непосредственно обращается. И если в «Истинном законе» преимущественно обсуждаются возможные ошибки подданных, то «Царский дар», посвященный долгу правителя и критике злоупотреблений с его стороны, приводит в равновесие политическую концепцию Якова VI Стюарта. Свобода монарха в «Истинном законе» подкрепляется идеалом умеренности в Царском даре», верность подданных согласуется с заботой государя о «народе, тема непротивления и незаконности восстания против короля дополняется предостережением о бесславном скатывании самого правителя к тирании. Чтобы не оскорбить национальное достоинство своих подданных, шотландский король избегает говорить о несовершенстве социально-политического, экономического и церковного устройства в стране, рисуя лишь идеальную модель взаимодействия между монархом и народом, к которой нужно стремиться..

Итак, эти два трактата, написанные Яковом Стюартом в Шотландии позволяют взглянуть на проблему королевской власти и взаимоотношений между монархом и народом с двух разных сторон: с позиций самого государя и его подданных. Став английским королём, Яков рассчитывал вести себя в соответствии с построенной им моделью, но она оказалась не приемлемой для его новых подданных. Как справедливо заметила Е. Эцина, подводя черту под анализом сочинений короля: «Яков VI (I) Стюарт хотел рассказать своим новым подданным о том, каким он представлял себе совершенного короля, а они не проявили интереса к этому совершенству, сконструированному на основе старого и чуждого для них опыта своего нового государя... Чувствуя неанглийский дух этих сочинений, англичане отказывались читать их внимательно, не понимая и заранее отвергая высказанные на их страницах идеи»¹⁵⁰. Тем более отвергли их те, кто заседал в парламенте, ведь воплощение этих идей в жизнь, значило бы лишение многих исконных прав. Так что конфликт между Яковом и парламентом при таком раскладе был неизбежен.

Глава 2.

Нарастание противоречий между короной и парламентом в первой половине XVII века.

§2.1 Яков I Стюарт и парламент.

Первое отличие царствования Якова Стюарта от правления Елизаветы Тюдор, которое обращает на себя внимание при изучении этой эпохи - редкость созывов парламентов и краткость сессий. За годы правления Якова I парламент в Англии созывался всего четыре раза, в то время как при Елизавете это происходило регулярно - через каждые три года. Кроме того, парламенты Якова отличает крайне нерегулярный график созывов. Только первый его парламент (1604-1611) относительно долго, в течение семи лет, сохранял свои полномочия. За эти семь лет прошло пять сессий, в общем составлявших около двух лет. Все остальные парламенты были очень непродолжительны. Парламент 1614 г., вошедший в историю как «бесплодный парламент», заседал всего два месяца, после чего был распущен, а парламент 1625 г. и того меньше. Распустив парламент в 1614 г. король вновь вынужден был обратиться к помощи народного представительства только в 1621 г., т.е. после шести с половиной лет беспарламентского правления. Можно предположить, что если бы корона не нуждалась в субсидиях, беспарламентское правление могло продлиться до конца жизни монарха. Уже одно это обстоятельство говорит о том что, отношения между королём и парламентом были весьма сложные. Тем удивительнее, что зарубежные историки часто склонны преуменьшать или вообще не видеть этой конфликтной ситуации, объясняя имевшие место конфликты в парламенте отдельно взятыми, не взаимосвязанными между собой инцидентами. Согласно развиваемой ими концепции, корона через членов Тайного совета^{1*} и лордов верхней Палаты контролиро-

вала деятельность Палаты общин и могла влиять на настроения ее членов. Конфликты в парламентах этого периода объясняются, в основном, отсутствием единства в самой Палате общин, противостоянием различных политических групп. Так, Джон Морил, не детализируя проблемы, писал: «Яков I, несмотря на серьезные недостатки в характере и суждениях, во всех отношениях преуспел в своем правлении. У него были некоторые разногласия с парламентом, или, во всяком случае, с отдельными членами Парламента, но они по большей части были беспочвенными и носили временный характер»². Конечно, нельзя отрицать наличие в английском парламенте различных групп по интересам - религиозным, политическим, экономическим, это также могли быть родственные либо территориальные объединения. Единство взглядов различных групп при обсуждении отдельно взятого вопроса далеко не всегда служило свидетельством общности их интересов. Однако у парламентариев наблюдалась и общность взглядов по ряду проблем, например, по вопросу о сохранении прав и свобод парламента вопреки стремлению короны к их ограничению. Это единство проявилось уже при первом созыве парламента, который своей речью открыл Яков I Стюарт 19 марта 1604 г. Дело о выборах в Бэкингемшире, рассматриваемое общинами 22 марта, можно считать отправной точкой в начале дебатов. Суть заключалась в следующем: ещё при Елизавете нижняя палата присвоила себе право проверять выборы и выбирать парламентариев на свободные вакансии³. Созывая свой первый парламент, Яков издает прокламацию, где строго запрещает избирать в Палату общин ограниченных в правах лиц. Он добавляет: «Если кто-либо, не будучи избран законным образом, в согласии с существующими на сей счет актами и статутами и в соответствии с целями, содержанием и истинным смыслом настоящей прокламации, осмелится занять в парламенте место рыцаря или горожанина, то всякий подобный нарушитель закона должен быть подвергнут денежному штрафу или тюремному заключению»⁴. Королевская прокламация недвусмысленно приравнивалась здесь к закону, причем в столь важном пункте, как право быть избранным. Одним из членов палаты общин от

Бэкингемшира стал сэр Френсис Гудвин. Однако лорд-канцлер⁵, при рассмотрении кандидатур, в суде Канцелярии⁶ признал сэра Френсиса ограниченным в правах. Его кандидатура была отклонена, а в Бэкингемшир выслан новый список для голосования, по которому был избран сэр Джон Фортескью, канцлер герцогства. На следующий день сэр Френсис Гудвин был вызван в Палату общин и допрошен. Согласно первоначальной версии, Гудвин и Флитвуд были избраны в Палату общин до того, как Гудвин был объявлен ограниченным в правах. Повторный список (по которому вместо Гудвина был избран Фортескью) был послан в Бэкингемшир и вернулся обратно до 19 марта (начало работы парламента), что позволило обосновать законность притязаний Фортескью на место в палате общин. Флитвуд выступал на стороне Гудвина. Он говорил, что «хотя он был ограничен в правах, он все еще способен дать хороший совет...»⁷. Кроме того, Флитвуд утверждал, что первый список не возвращался в Лондон до 19 марта, следовательно, второй список был незаконен, ибо он не мог быть выслан до возвращения первого. При голосовании Палаты общин большинством голосов легитимным было признано избрание сэра Френсиса Гудвина, который и занял свое место. Но тут высказала несогласие Канцелярия, которая выступила в поддержку прав сэра Джона Фортескью. Суд Канцелярии настаивал, что восстановить сэра Френсиса Гудвина в правах можно лишь на конференции с участием представителей обеих палат и судей. Однако нижняя палата отказалась от участия в подобной конференции. Как сказал спикер⁸ Палаты общин сэру Эдуарду Коку⁹, «Палата (общин) не имеет желания обсуждать эту тему с лордами»¹⁰. Палате общин пришлось создать специальный комитет, состоявший из 12 юристов и 36 рыцарей и горожан, который заседал в присутствии членов Тайного совета. В конференции также принимали участие Судьи суда Канцелярии и сам Яков. Компромисс не был найден, что вынудило короля самому разрешить сложившуюся ситуацию. 11 апреля он повелел обоим кандидатам освободить спорное место и назначить перевыборы. Кроме того, за палатой общин было закреплено право самостоятельного решения вопросов,

связанных с выборами и их результатами. Как писал Д. Юм: «Подобного рода право, весьма важное для осуществления всех других прав парламента, которые сами по себе столь необходимы для защиты народных свобод, нельзя счесть незаконным покушением со стороны общин: в нем следует видеть неотъемлемую привилегию, счастливо избавленную от двусмысленного положения, в котором оказалась она из-за небрежности предшествующих парламентов»¹¹. Яков, согласившись вернуть Палате общин право самостоятельного принятия решений по поводу кандидатур, подлежащих замене во время перерыва в работе парламента, недальновидно утратил тот механизм, который мог помочь установлению контроля над работой Палаты общин. Речь идет о бесконфликтном, законном удалении неугодных коммонеров. После этого в руках у короля остались только карательные и принудительные методы: заключение слишком рьяных защитников парламентских свобод в Тауэр и роспуск парламента в целом при неверной направленности дебатов.

Выступая перед парламентом впервые, король подробно излагает программу своего царствования, делая акцент на пропаганде англо-шотландской унии. «Я - Муж, а весь Остров целиком — моя Жена; я — Голова, а это мое Тело; я — Пастух, а это мое стадо. Я надеюсь поэтому, что никто не будет безрассудно думать, что мне, Христианскому Королю, чтящему Евангелие, следует быть Многоженцем, то есть мужем двум женам; что мне как Голове подходит раздвоенное Тело чудовища; или что как Пастуху столь прекрасного Стада (чей загон не имеет другой ограды, кроме четырех Морей) мне нужно разделить его на две части»¹². Речь короля в парламенте, скорее, насторожила его членов своей помпезностью и туманностью содержания, нежели внесла ясность в планы короля относительно объединения двух британских государств. Речь оставила неопределенными вопросы, касающиеся будущего английского и шотландского парламента, судьбы судебной-административной системы этих государств, характера торговых и экономических связей между ними, возможных религиозных преобразований и совместимости шотландской пресвитерианской церкви с англиканской. «Объ-

единение ставило новые проблемы конституционно-политического характера, особенно важные для Англии, где в условиях начавшегося кризиса абсолютизма вопросы сущности и границ королевской прерогативы и прав парламента оказались объектом борьбы между короной и парламентом»¹³. На момент открытия первого парламента Яков не имел чёткого плана реализации Англо-шотландского проекта в решении данной проблемы он больше полагался на своих английских советников — Роберта Сесила¹⁴ (графа Солсбери), а также на Ф. Бэкона. Бэкон лучше короля понимал всю сложность проблемы объединения, как и то, к каким пагубным последствиям для обоих королевств может привести необдуманная политика короны в этом направлении. Поэтому он, как и граф Солсбери, стремился удержать короля от поспешного принятия важных решений в этом вопросе, рекомендуя на первых порах ограничить процесс объединения принятием нового названия для англо-шотландского королевства. Именно от Бэкона исходила идея переименовать англо-шотландское королевство в Великобританию. В то же время Р. Сесил советовал королю создать специальную комиссию для разработки программы унии. Подсказанные советниками предложения в первую очередь обсуждались в Тайном совете, затем в палате лордов и они одобрили эту идею Палатой лордов 16 апреля 1604г. была издана Декларация, в которой говорилось о нецелесообразности сохранения старых названий для объединившихся британских королевств и необходимости утверждения единого названия для Англии и Шотландии. Предлагалось объединить эти два народа общим названием «Великобритания». В декларации оговаривалось, что возможные проблемы в связи с различиями английских и шотландских законов, обрядов, церемоний, вопрос о таможене и т.п. должны рассматриваться специальными уполномоченными представителями различных сословий¹⁵.

Что касается Палаты общин, предложение о создании двусторонней комиссии в принципе не вызвало возражений, но идея об изменении веками существовавшего названия королевства породила бурю протеста в парламенте и была незамедлительно отвергнута, так как, по мнению коммонеров, сме-

на названия повлечет за собой ряд негативных последствий и приведет к падению приоритета Англии, отраженного в сущности названия. Ф. Бэкон безуспешно стремился убедить коммонеров, что с отказом от привычного названия Англия не утратит своего величия и международного статуса. Он заверял членов парламента, что речь идет лишь об углублении союза, а король вовсе не собирается открывать двери Англии для всех шотландцев. Ему, однако, не удалось повлиять на мнение парламентской оппозиции. «Название есть признак вещи, — подчеркивает один из лидеров оппозиции, — а мы еще не знаем, каким будет государство»¹⁶. Пик дебатов в парламенте по вопросу о переименовании королевства пришелся на 20 апреля 1604 г. Результатом стало решение Палаты общин не заниматься рассмотрением вопроса о переименовании королевства до тех пор, пока не будут разработаны основные принципы и определены цели объединения двух британских королевств. В отказе парламента утвердить предложение о переименовании Яков увидел ущемление прерогатив короны. Внести ясность в этом вопросе должна была назначенная парламентами обеих стран англо-шотландская комиссия. Свою работу комиссия начала в октябре 1604 г. в Вестминстере. Король, не дожидаясь результатов работы комиссии 20 октября 1604 г. издает прокламацию, в обход парламента утверждающую за королем объединенного англо-шотландского королевства титул короля Великобритании, хотя незадолго до этого парламентом было отвергнуто предложение короны о предоставлении королю данного титула, как и сама идея переименования королевства. Однако эта прокламация всё же не разрешила вопроса об объединении. Яков, понимая это, был возмущён и задавался вопросом, почему простая смена названия государства вызывала такое неприятие его новых поданных. Представляется, что этому могло быть две причины. Во-первых, опасение парламента, что уступка короне в этом вопросе будет воспринята как одобрение будущей программы унии в целом, тем более, что ее содержание еще никому не было известно. Во-вторых, Яков утверждал что «не имел никакого намерения осуществлять изменения основных законов, привилегий, и таможи государств,

но он надеялся, что все виды уставов и таможи могли бы быть сведены воедино»¹⁷. Именно смешение английских законов с шотландскими, основанными на римском праве, и потому более отвечающими абсолютистским устремлениям Якова, в итоге изменило бы до неузнаваемости английское законодательство. В парламенте не без оснований боялись, что римские, то есть шотландские законы вступят в противоречие с английскими законами, основанными на общем праве. Парламентарии считали, что таким образом монарх сможет полностью подчинить Англию своей власти. Не достигнув соглашения, парламентарии отложили решение данного вопроса до следующей сессии. Палата общин проявляла твердость и настойчивость не только в вопросе англо-шотландского объединения, но и в отстаивании своих экономических интересов. Прежде всего, члены Палаты общин настаивали на отмене многочисленных монополий. Практика выдачи монополий зародилась в Англии в 50-х гг. XVI в., а к началу правления Якова проникла во все сферы жизни¹⁸. На раннем этапе монополии имели положительное для английской экономики значение, поскольку были направлены на поддержание малораспространенных ремесел и отраслей английской промышленности. В последние десятилетия XVI - начале XVII вв. ситуация изменилась. «Уже в 80-е гг. XVI в. выдача монопольного патента из способа поощрения какой-то определённой, мало распространенной в Англии отрасли промышленности, стала средством обогащения короны либо поощрения определенных лиц из королевского окружения»¹⁹. Почти вся английская торговля сосредоточилась в Лондоне, и мы обнаруживаем, что таможенные сборы лондонского порта составляли 110 тысяч фунтов в год, тогда как все прочие порты королевства давали лишь 17 тысяч фунтов. Всю лондонскую торговлю контролировали около двухсот горожан, которым было совсем нетрудно, сговорившись между собой, устанавливать выгодные им цены на любые предметы вывоза и ввоза²⁰. Не удивительно, что в Палате общин горели желанием скинуть это ярмо. Они пытались поступить так ещё при Елизавете, но королева не пошла дальше отмены нескольких видов монополий. Яков продолжил политику

своей предшественницы, исходя из принципа «Священного права королей», не считал нужным реагировать на замечания парламента и отказываться от столь прибыльной для короны продажи монопольных патентов. Та же судьба ожидала попытку освободить нацию от неудобств, связанных с преимущественным правом короля приобретать товары по льготным ценам. Прерогативой этой чрезвычайно злоупотребляли поставщики двора, и общины изъявили намерение предложить королю 50 тысяч фунтов в год за ее отмену. Таким образом, мы можем видеть, что с самого начала правления Якова между королём и парламентом возникли разногласия. В конце первой парламентской сессии, 20 июня 1604 г. была обнародована Апология Палаты общин - документ, призванный улучшить представление нового короля о Палате общин, ее целях и настроениях. Поскольку «в первом парламенте счастливого царствования величества вашего привилегии нашей Палаты, а тем самым вольности и прочное существование самого королевства, опасность в большей степени и в худших формах, кажется нам, чем когда-либо с начала существования парламента»²¹. Несмотря на вежливую форму обращения и заверения в абсолютной преданности, Апология по существу – явный вызов политической теории Якова Стюарта, её неприятие. Вспомним убежденность Якова в том, что все привилегии монарх своим поданным дарует лично и только по своему желанию. Авторы Апологии заявили ему: «наша просьба к вам при вступлении в парламент о предоставлении нам права пользоваться нашими привилегиями является чисто формальной и не уменьшает наших прав... они являются нашим правом и законным наследием не в меньшей мере, чем наши земли и имущество»²². Следовательно, их нельзя отнять, как нельзя отобрать имущество. В этом заявлении, кстати, кроется и право на неприкосновенность имущества. Что опять же идет в разрез со словами Библии, в которых Яков черпал уверенность в своём праве распоряжаться имуществом подданных, хотя позже и предостерегал сына от чрезмерного пользования этой привилегией. Кроме того, парламент покушается на ещё одно право, которое с точки зрения короля принадлежит только ему – вводить но-

вые законы. Ведь составители Апологии утверждают что Палата общин «издает законы для всех других органов государства, сама же не получает ни от какого другого органа ни законов, ни приказов»²³. Выходит, что мало может пригодиться в английских землях умение быть справедливым судьёй. Ведь, по убеждению Якова, монарх может быть справедливым судьёй, только если сам издал закон, получив его из уст Бога.

Очевидно, что авторы этого документа вспоминали прецедент с Гудвином, когда отмечали специальной строкой: «...Палата общин является единым компетентным судьёй относительно отчетов по выборам и относительно правильности избрания всех членов, входящих в эту Палату... И ни канцлерство, и ни какая-либо иная Палата не имели и не должны ни в какой форме иметь какой-либо юрисдикции по указанным вопросам»²⁴. Так же они отстаивали депутатскую неприкосновенность: «Избранные... лица во время заседаний парламента, а также в течение его созыва и каникул, не подлежат каким-либо притеснениям, аресту или тюремному заключению»²⁵. Все эти политические требования должны были подвести короля к единственной верной мысли: он может править только совместно с двумя палатами парламента лишь это единство обеспечивает наличие в стране верховного органа, без которого не возможно законное управление. Палата общин твердо заявила, что отрицать их вольности права для «достоинства, свободы и авторитета высокого парламента Вашего Величества, так и, следовательно, для прав всех подданных и для всего вашего королевства в целом... в высшей степени оскорбительно»²⁶. Тем самым Палата общин подчеркивала, что власть смертного короля не является ни божественной, ни единоличной. Решительно отвергая сам принцип концепции Якова Стюарта, они потребовали, чтобы протест был занесён в протоколы «для сведения потомкам нашим». Очевидно для того, чтобы потомки знали, на что ссылаться при повторении подобной ситуации. Точно так же, в подтверждение своей правоты могли обратиться к статутам королевства. Прежде всего, к Великой хартии вольностей, которую многие из них продолжали считать краеугольным камнем англий-

ского парламентаризма. Можно сказать, в основе этого противоборства лежит спор о полномочиях короля. Целые отрасли государственной политики являлись прерогативой короны и не подлежали обсуждению ни со стороны парламента, ни со стороны отдельных подданных. В пределах своей прерогативы король мог действовать ни перед кем не отчитываясь, однако, границы прерогативы нельзя было назвать четкими. Несомненным представляется то, что вопреки развитой Яковом теории о неограниченном характере прерогатив короны, английское общество предусматривало ограничение королевской власти подданными, вне зависимости от конкретного понимания того или иного аспекта данной проблемы. В этом смысле показателен трактат Т. Вильсона. Он пишет: «Государю не принадлежит власть ни создавать законы, ни отменять их, делать это можно только по общему согласию всех в парламенте. Даже старший сын короля, являясь наследником, королевства, после смерти своего отца не может быть коронован без согласия парламента. Его привилегии... в том, чтобы объявлять войну, заключать мир, назначать по своему желанию должностных лиц, прощать уголовных преступников»²⁷. Противостояние касалось не только политических вопросов. Апология Палаты общин содержала в себе и экономическую программу. М. А. Барг охарактеризовал её следующим образом: «свободное неограниченное обращение собственности, огороженной привилегиями парламента от фискальных притязаний короны»²⁸. Нам представляется, он прав. Ведь, прежде всего просители желали: «...упразднения права опеки и других повинностей, связанных с этими опеками и держаний на правах рыцарской службы»²⁹. Это право давало королю возможность, кроме всего прочего осуществлять опеку над имуществом малолетних наследников. Регулирование гражданского оборота этих земель осуществляла Палата по делам опеки и отчуждений. Результаты её деятельности приводили даже к разорению отдельных семей. Большая часть англичан была бы рада выплачивать именно королю денежную компенсацию в размере «...постоянного и определенного дохода, который будет равен не только тому максимальному доходу, который получали от этого ва-

ши предки, но также будет содержать довольно значительное добавление к нему, которое могло бы пойти на удовлетворение иных нужд нашего характера...»³⁰. Поскольку речь шла о собственности, то под её свободой подразумевалась отмена форм регулирования торговой и промышленной деятельности. Происходило это, прежде всего, по средствам раздачи монополий, отмены которых безуспешно пытались добиться члены парламента.

Составители Апологии Палаты общин рассмотрели также вопросы религии. «... Ваше Величество было введено в заблуждение, если кто-нибудь говорил вам, что английские короли имеют абсолютную власть, могут по своему личному усмотрению вносить изменения в религию или издавать какие-либо законы по вопросам религии каким-либо иным путем, чем на основании согласия парламента»³¹. Составители Апологии заостряли внимание монарха на этой проблеме, поскольку в Англии упорно распространялись слухи о склонности короля к католицизму. Данное обстоятельство служило пищей для всевозможных слухов об анти англиканских заговорах. Причем центр всех этих заговоров находился при дворе короля. В некоторой степени слухи можно считать обоснованными. Ни для кого не являлось тайной, что супруга Якова королева Анна тяготела к католицизму³². Англикане беспокоились совершенно напрасно. Яков был чужд религиозному фанатизму и радикалы, как с одной, так и с другой стороны не были ему нужны. Король заявляет об этом достаточно чётко: «Я никогда не был жесток и безрассуден в моей вере. Я признаю Римскую Церковь нашей Материнской Церковью, хотя и оскверненной некоторой порчей и искажениями, подобно Иудеям, когда они распяли Христа... Мой разум был всегда свободен от [желания] преследования или порабощения моих Подданных в вопросах Совести. Я надеюсь, приверженцы данной конфессии (т.е. католики) в этом Королевстве убедились с момента моего прибытия [сюда], что я был столь же далек от увеличения подобно Ровоаму³³ их бремени, сколь всячески стремился облегчить его, если время, случай или закон могли позволить»³⁴. Тогда же Яков предлагает парламенту пересмотреть антикатолическое законодательство с целью его

смягчения. В то же время Яков указывал на два постулата католической доктрины, которые виделись ему совершенно неприемлемыми в политическом отношении. Первый пункт состоял, по словам короля, в утверждении «той надменной и амбициозной Супрематии их Главы, (Римского) Папы, исходя из которой он не только претендовал быть Духовным главой всех Христиан, но также обладать Верховной светской властью над Королями и Императорами, лишая Государей престола и короны, как ему заблагорассудится, распределяя все Королевства и Империи и распорядясь ими согласно своим аппетитам». Из этого логически вытекал другой важный постулат, вызывавший особо острое неприятие Якова, а именно: оправдание церковью убийства несправедливого светского правителя. «Другой принцип, который они постоянно соблюдают на практике, заключается в убийствах и умерщвлении Королей, когда не считается грехом, но скорее делом во спасение, совершение всевозможных актов неповиновения и враждебности по отношению к своему естественному Суверенному Господину. Если его отлучают от церкви, его подданные освобождаются от своего долга верности (ему), а его Королевство отдается в жертву этому трижды коронованному Монарху, точнее Чудовищу, их Главе»³⁵. Обе идеи вступали в острое противоречие с доктриной суверенного государства вообще и свободной монархии в частности, то есть были прямо противоположны взглядам Якова I Стюарта. Такое положение дел свидетельствовало о невозможности для Англии возврата к католицизму: «ибо я не смог бы допустить прироста и размножения их Религии без того, чтобы, во-первых, не предать самого себя и свою собственную совесть. Во-вторых, не поступиться свободой всего этого острова, как в той его части, откуда я пришел, так и в той, где я нахожусь, сократив ее до прежнего рабского ярма, которое было сброшено еще до моего прихода сюда. И, в-третьих, не пожертвовав свободой Короны для своих потомков, которую я должен буду оставить под новым игом, получив ее свободной от своих Предшественников»³⁶. Итак, король публично пообещал сохранять неприкосновенность англиканской церкви, и можно было не сомневаться, что он

сдержит слово, поскольку государственная английская церковь вписывалась в его абсолютистскую концепцию идеально. Однако, по словам А. Н. Савина: «страх перед католической угрозой и возвращением времени Марии Тюдор был воспринят англичанами от своих отцов»³⁷, поэтому представители парламента ещё раз напоминали Якову, что он король протестантской страны и его долг защищать англиканскую церковь. В то же время они успокаивали Якова: «Мы не заражены пуританским или броунистским духом и не замыслили ниспровержение существующего церковного порядка»³⁸. Коммонеры подчеркнули это обстоятельство, потому что во время путешествия Якова по Англии в 1603 г., на его имя была подана так называемая Тысячная петиция, которая требовала дальнейшего «очищения англиканской церкви от католических суеверий». Свое название петиция получила в честь того, что ее подписала тысяча протестантских священников. Можно предположить, что количество подписантов было все же округлено в угоду красивому названию. К примеру, Д. Юм указывает, что «не менее 750 священников упомянутой (пуританской) партии подписали петицию к королю по восшествии его на престол»³⁹. Структурно Тысячная петиция состояла из четырёх частей, каждая из которых соответствовала той области, в которой следовало, по мнению пуританских священников, навести порядок:

- Предложения по обрядовым вопросам. К примеру, предлагалось не использовать крестное знамение при крещении, конфирмации и прочих обрядах. Якова просили отменить поклоны при упоминании имени Иисуса. Священники сами должны были решать, носить им стихарь и камилавку или нет. Церковная музыка должна быть более строгой, укрепляющей дух молящихся; в церквях должно зачитываться лишь каноническое Писание. Кроме того, вовсе необязательным пуритане считали обряд обмена кольцами во время бракосочетания.

- Предложения, касающиеся священников. Священниками должны становиться люди с достатком, уважаемые прихожанами. Статут короля Эдуар-

да, разрешающий священникам вступать в брак, должен быть возвращен к жизни. Священники подотчетны лишь Религиозным статьям и власти короля.

- Предложения, касающиеся церковных приходов и содержания священников. Здесь пуритане жестко выступили против получения некоторыми епископами двойных, а то и тройных бенефиций, совмещения ими церковных бенефиций и прочих доходов. Также податели петиции определили размер содержания священника (1/6 либо 1/7 часть дохода от церковных сборов).

- Предложения по поводу церковной дисциплины. Здесь пуритане подробно коснулись вопроса отлучения от церкви, остановившись на том, за какие проступки отлучать необходимо, а за какие эту меру можно и не применять; предложили упорядочить процесс судопроизводства, ускорив течение дел, которые могли тянуться на протяжении многих лет; призвали к большей осторожности и принципиальности при выдаче разрешений на брак; требовали ужесточения соблюдения воскресного дня⁴⁰.

Яков знал, что требования пуритан поддерживает и часть мирян, многие из которых имеют влияние в парламенте. Идеи пуритан, безусловно, были близки оппозиции. За религиозными лозунгами пуританского движения Яков I сумел разглядеть его политическое значение. Требования пуритан явно расходились с положениями политической теории первого Стюарта, угрожали его власти. «Они не столько далеки от нас (т.е. англиканской церкви) в вопросах Религии, сколько в своих спутанных представлениях о форме политического устройства и Равенстве», а посему эти люди «всегда недовольны существующим правительством и не желают терпеть (над собой) никакой высшей власти, что делает невозможным терпеть присутствие их секты ни в одном хорошо управляемом государстве»⁴¹. Расставляя все точки над «i», Яков в январе 1604 года созвал конференцию в Гемптон-корте, где публично заявил пуританам, что совсем изгонит их из страны⁴². В свете этих событий не удивительно желание создателей Апологии убедить короля в своём равнодушии к пуританам. Удивительно, что при этом они также говорят ко-

ролю: «...мы хотим лишь того, чтобы парламентом были изданы законы для обеспечения некоторых обрядов второстепенного значения, чтобы таким образом было создано и могло поддерживаться постоянное единение. Нашим желанием было также предотвратить злоупотребления, проникшие в церковь...»⁴³, по существу поддерживая требования пуритан, что говорит об их стремлении влиять на дела церкви. Впрочем, это желание вполне объяснимо. Монарх, принимая решения, часто обращался за поддержкой к духовенству, через служителей церкви внушая народу мысль о правильности проводимой политики. Поэтому оппозиция была склонна, насколько возможно, контролировать церковь.

Анализируя Апологию Палаты общин, отечественные историки видят в ней только документ, защищающий интересы буржуазии и нового дворянства. Собственно, почему должно было быть иначе? Фактически Палата общин состояла из земельных собственников и той части буржуазии, которая была связана с землевладением, чем и объясняется отражение желаний этой группы общества в Апологии. Апология Палаты общин - довольно смелый документ, так и не был представлен королю. Более того, неизвестно, была ли Апология зачитана непосредственно в Палате общин. Однако, и текст этого документа, и сам факт его появления стал показателем того, как резко разошлись интересы власти и поддерживающих её сил, с прогрессивной частью общества. «В первой четверти XVII в. мысль о свержении веками существовавшего института монархии всё ещё представлялась, по меньшей мере, крамольной и оппозиция находила подтверждение законности своих требований в английском общем праве, облакая их, таким образом, в легитимную форму»⁴⁴. Но ситуация неумолимо менялась. Время правления Тюдоров было именно таким периодом, когда феодалы уже не могли сохранять свою власть в прежних формах, а буржуазии еще не хватало сил установить свое господство, и потому они нуждались в твёрдой руке монарха. При Якове Стюарте прежние верные союзники и покорные подданные короны – буржуазия и новое дворянство – становились в оппозицию королевской власти, желая под-

чинить своим интересам всю внутреннюю и внешнюю политику государства, захватить в свои руки финансы и церковь.

Впрочем, претензии парламента нарастали постепенно - вторая и третья сессии парламента отличались спокойным течением заседаний. Вторая сессия началась 21 января 1605 г. Основной темой для обсуждения стал католицизм в Англии. И уже в мае было принято два билля, которые обрели вид закона в июне 1605 г. Первый из двух законов гласил, что рекузанты⁴⁵, обращенные в лоно епископальной церкви, должны «причащаться тайной вечери» не менее одного раза в год, если же они посещают причастие реже, то на них должен быть наложен штраф в размере 20 фунтов в первый год, 40 фунтов во второй год и 60 — в третий год. Если же они не посещают причастие совсем, то они должны выплачивать 20 фунтов ежемесячно или 2/3 их имущества будет отчуждено в пользу королевской казны. Этот же закон содержал так называемую «Клятву верности», которая состояла из 7 пунктов, основной смысл которых сводится к утверждению правоты короля и неправоты посягающего на светскую власть Папы⁴⁶. Здесь заметна калька с законов времён Елизаветы, что может служить косвенным доказательством их неэффективности, а так же плохим качеством контроля за исполнением этих мер.

Согласно второму закону, рекузант не имел права приближаться к Лондону, где находилась королевская резиденция, ближе, чем на десять миль (если только он не был приглашен королем). Он не имел права хранить оружие и порох в количестве большем, чем необходимо для самообороны. Любый, кто доносил на рекузанта, который посещал католического священника или открывал властям место, где шла месса, получал 1/3 от суммы штрафа или имущества жертвы доноса. Кроме того, вдова рекузанта лишалась 2/3 вдовьей доли и всего наследства усопшего супруга⁴⁷. Законы и впрямь суровы, но если у короля и были какие-либо сомнения по поводу правильности принятого решения, то они рассеялись после раскрытия порохового заговора⁴⁸. Король и парламент на этот раз остались вполне довольны друг-другом.

Палата общин даже вотировала денежное пособие королю в сумме 400 тысяч фунтов⁴⁹.

Следующая – третья по счёту – сессия парламента для Якова снова прошла не так гладко. Дело в том, что король вновь вернулся к вопросу об унии между Англией и Шотландией. Шотландский парламент принял «Статьи унии» ещё в 1604 г. Теперь дело было за англичанами. «Статьи» предусматривали полную отмену в обеих странах всех принятых когда-либо враждебных по отношению друг к другу законов. Во-вторых, ликвидацию особых законов для районов бывшего «Пограничья». В-третьих, объединение англо-шотландской торговли, предполагавшее решение вопросов как англо-шотландской торговли, так и торговли двух стран с государствами на континенте. И, наконец, так называемую программу «Натурализации», предусматривавшую постепенную взаимную натурализацию подданных единой британской короны. Автономия административных систем Англии и Шотландии сохранялась⁵⁰. Проект «Натурализации» предусматривал предоставление всем англичанам и шотландцам, родившимся после смерти Елизаветы Тюдор, неограниченных прав на приобретение, пользование и наследование движимости и недвижимости, допуск ко всем судебным-административным постам обеих стран. Из имеющейся в тексте документа оговорки следует, что и лица, родившиеся до указанной даты, также могут пользоваться указанными привилегиями, не могут они только допускаться к высоким государственным должностям⁵¹. Уравнивая шотландцев в правах с англичанами, Яков во все не стремился к массовому заселению Англии своими соотечественниками, чего так боялись англичане. В намерение короля скорее входило желание уравнивать англичан в правах с шотландцами – добиться от них такой же покорности, как от своих соотечественников. Провозглашенный королем тезис о «единстве закона», снова натолкнулся на противодействие в парламенте, поскольку подразумевал, что, в случае неопределенности в толковании какого-либо закона согласно общему праву, вступает в силу шотландское право, согласно которому «Rex est iudex» («Король есть судья»). Иными словами, это

означало, что король своей властью мог восполнять отсутствие закона, что являлось прямым посягательством на право английского парламента участвовать в законодательной деятельности. В противовес «Статьям унии» нижняя Палата подготовила программу «Совершенной унии», где требовала подчинить шотландцев английским законам, считая, что внедрение такого права относилось исключительно к компетенции парламента, общего для обеих стран. Коммонеры высказывались за единый парламент, без которого не может быть и единого права⁵². Противопоставляя претензиям короны на роль единственного полноправного законодателя требование создания общего парламента, обладающего правом на совместную с королем законодательную деятельность, Палата общин защищала принцип правления «короля в парламенте», который в условиях нарастающего конфликта приобрел значение принципа контроля парламента над монархом. Представляется, предложение о создании общего для Англии и Шотландии парламента было выдвинуто ещё и затем, чтобы приостановить попытки короля внести изменения в существующую правовую систему Англии. Что же касается реального объединения двух парламентов, это требование в конкретных условиях начала XVII в., с учетом разницы в уровне развития двух стран и существенных разногласий между ними, представляется, по меньшей мере, проектом на длительную перспективу.

Торговый раздел унии также вызвал резкую критику в парламенте и был отвергнут. Согласно ему, протекционистские меры, запрещающие ввоз и вывоз определенных изделий в Англию и Шотландию из третьих стран, становились взаимными; предполагалось установление беспошлинной торговли между Англией и Шотландией на товары, не допущенные к экспорту в третьи страны; предусматривался доступ английских купцов в шотландские торговые компании, равно как и шотландских в английские компании⁵³. В конечном итоге торговый раздел «Статей унии» был направлен на достижение торгового равенства между Англией и Шотландией, равенства, которое представляется реально недостижимым, принимая во внимание неравнозначный

характер развития экономики двух стран. И зарубежные и отечественные историки отмечают, что в начале XVII в. шотландская экономика достигла значительных успехов в сравнении с предшествующим столетием. Особенно это ощущалось в развитии ремесла и торговли. Однако, учитывая отсутствие рентабельных отраслей промышленности и природную скудость земель, препятствующую развитию сельского хозяйства, Шотландия не могла представлять серьезный экономический интерес для Англии и тем более составлять ей конкуренцию⁵⁴. В идее предоставления шотландцам равных с англичанами прав в торговле Палата общин увидела, прежде всего, нарушение принципов протекционизма, направленных на защиту национальной промышленности от конкуренции иностранцев, к коим относили и шотландцев⁵⁵. Один из аргументов короля в пользу подписания «Статей унии» - указание на то, что объединившись, Англия сможет контролировать Шотландию и отдалить ее от враждебного влияния Франции. Однако едва ли не с самого момента восшествия Якова на английский престол стало ощутимо изменение внешнеполитического курса страны в сторону католического мира. В 1604 г. Англия заключила мирный договор со своим давним соперником – Испанией. Значительную часть договора составляли статьи о торговле между Англией и Испанией. О свободной торговле и о свободном мореплавании говорили 9 и 10 статьи, однако отправлять корабли или повозки, деньги, товары или что-либо другое из Голландии и Зеландии в Испанию или в другие владения испанского короля или во Фландрию воспрещалось. Товары, отправляемые из Англии, Шотландии и Ирландии в испанские владения, должны были регистрироваться и подлежали в Испании 30% пошлине. Английские купцы громко жаловались на грабежи и нападения со стороны испанцев «Дружбу испанцев с нами, - писал английский посол в Мадриде Чарльз Корнуоллис, - я не мог бы лучше сравнить, чем с погодой этой весны, когда у нас один или два дня крайне жарких, а остальные необычайно холодные»⁵⁶. Общины даже собирались провести конференцию совместно с Палатой лордов, с тем, чтобы подать королю петицию по данному вопросу.

В 1606 г. был подписан договор между Англией и Францией, укреплявший торговые отношения. Нескрываемые профранцузские симпатии короля вызывали недовольство в английском парламенте. Серьезным поводом для беспокойства являлось постоянное вмешательство в дела Англии французской дипломатии, опасавшейся, что уния нарушит торговые интересы Франции. Всё это послужило ещё одной причиной отклонения новой унии и острой критики в ее адрес⁵⁷.

Итак, мы видим целый комплекс объективных причин, которые не позволяли парламенту принять новую унию. В правовом отношении парламент не устраивало стремление короля совместить английское и шотландское законодательство, поскольку это грозило парламентариям утратой полномочий. В основе неприятия английским парламентом торгового раздела унии лежало противоречие основных его положений с экономическими и политическими интересами английской буржуазии и нового дворянства, ожидавших от союза с Шотландией утверждения полного господства Англии в англо-шотландском союзе, подразумевавшего установление жесткого контроля над внешними связями Шотландии и изоляцию английской экономики от шотландского вмешательства.

После неудачи со «Статьями» Яков отверг предложение английского парламента о создании другой комиссии для разработки нового проекта объединения. Больше открыто к этому вопросу он не возвращался. В результате, в правление первых Стюартов двусторонняя уния так и не была подписана⁵⁸. На примере объединения стало очевидно изменение характера взаимоотношений парламента с королевской властью, общий рост оппозиционности в Палате общин.

Впрочем, на эту же сессию приходится одна из немногих побед Якова над оппозицией. Весной 1607 г центральные графства Англии охватило восстание, направленное против огораживаний. Сформированная в отряды крестьянская армия под руководством Джона Рейнольдса, выдававшего себя за истинного сына Марии Стюарт, наводила ужас на землевладельцев, устраи-

вала погромы, ломала изгороди. Короне стоило немалого труда подавить этот крестьянский мятеж⁵⁹. Восстание заставило коммонеров вернуться к проблемам огораживаний в ходе решения вопроса занятости населения. Сторонники огораживаний пытались убедить корону в том, что переизбыток пахотных земель может привести к излишнему производству зерна, что приведет к снижению цен на эту культуру. В речах многих коммонеров звучала мысль о пользе огораживаний, одно из преимуществ которых, якобы заключалось в том, что в случае войны и вторжения вражеской армии на английскую территорию, «огороженные участки пострадают в меньшей степени, так как их труднее ограбить и разорить, чем пахотные земли»⁶⁰. Как представляется, разумным доводом в пользу огораживаний можно считать высказанное одним из выступавших коммонеров мнение, что на огороженной территории не будет причин для крестьянских волнений⁶¹. В ходе дебатов в парламенте прозвучало предложение переселить в колонии часть бездомных и безработных жителей Англии. Рост социального напряжения заставлял джентри, объективно заинтересованных в огораживании, задуматься над последствиями. Яков, как и Елизавета, был противником огораживаний. Немногочисленные сторонники короля в этом вопросе во главе с Ф. Бэконом настойчиво убеждали оппозицию в пользу развития земледелия, поскольку это занятие способствует оседлости населения, снижает риск народных восстаний, но, главное, дает королевству хороших солдат. Излишки пшеницы разумно предлагалось продавать за границу⁶². В итоге, после длительных парламентских прений, действие актов против огораживаний 1597-1598 гг. было продлено. Эта победа подсластила горькую пилюлю неудачи, связанную с англо-шотландской унией. Однако напряжение между королём и парламентом продолжало расти. 1610 год стал новым этапом борьбы коммонеров за свои права.

Новая сессия парламента открылась 9 февраля 1610г. Король был полон надежд получить субсидию, общины – ограничить его прерогативу. Среди разнообразных причин вражды и взаимного недоверия между гос ударем и

парламентом, увеличивающегося теперь с каждым днем, денежный вопрос следует отнести к самым серьезным. Только парламент обеспечивал королю столь необходимые ему экстраординарные налоги в виде субсидий. Именно здесь кроется мотив, который побуждал Якова I созывать парламенты, несмотря на то, что несовпадение во мнениях английского монарха и сословного представительства английского же народа довольно часто приводили к конфликту. И этот мотив — банальная нехватка средств, вызванная как долгами, доставшимися от Елизаветы (к началу 1603г. королевский долг составлял 400 тысяч футов), так и финансовой недалёковидностью самого Якова. В начале своего царствования Яков и не думал, что ему придется быть бережливым. После шотландской нищеты ресурсы английского казначейства сначала показались ему неистощимыми, и он щедрой рукой стал раздавать подарки и пенсии своим фаворитам⁶³. Обращаясь за финансовой поддержкой, король настойчиво говорил о неизбежных расходах, связанных с содержанием флота и подавлением недавнего ирландского мятежа, упомянул о трех многочисленных дворах, которые должен содержать (свой собственный, королевы и принца Уэльского). Кроме того, отдельным пунктом была выделена предстоявшая креация принца Генри. При том Яков не просто апеллировал здесь к феодальному обычаю денежной помощи сеньору при посвящении его старшего сына в рыцари, но с гордостью счастливого отца представлял свое лучшее детище, свою надежду и заслугу: «Приближается время посвящения в рыцари моего Сына, которое я решил провести из большого почтения (к вам) в эту парламентскую сессию...»⁶⁴. Если Елизавета на свои нужды тратила около 220 тысяч фунтов, то расходы Якова составили в 1607 году 500 тысяч фунтов⁶⁵. Д. Юм приводит еще одну причину нехватки денежных средств — открытие и завоевание Америки. После этого в Англии, как и в остальной Европе, постоянно увеличивалось количество золота и серебра, и в итоге цены на товары и продукты поднялись на такую высоту, какой не достигали они со времен упадка Римской империи. А поскольку доходы короны не выросли в соответствующей пропорции, то государь, посте-

пенно бедневший посреди всеобщего процветания своих подданных, нуждался теперь в дополнительных средствах»⁶⁶. Нужно сказать, что наряду с вотируемыми Палатой общин субсидиями, монарх имел право на получение доходов, которые считались неотъемлемой частью его прерогативы. Традиционными доходами короны являлись прибыли, полученные от земель короны, доходы от права опеки, которые подразумевали под собой либо получение прибыли от опекаемого имущества, либо переуступку права опеки третьему лицу за единовременно выплаченную сумму. Во время войны был также предусмотрен специальный, вид налога - так называемые «корабельные деньги». Прямое налогообложение можно ограничить налогами, которые назывались «субсидия», «десятые» и «пятнадцатые». Субсидия была из них наиболее определенным налогом: с земельной собственности взималось 4 шиллинга с фунта стерлингов, а с движимого имущества — 2 шиллинга 8 пенсов с фунта. Десятые и пятнадцатые представляли собой старинные налоги, которыми облагалось движимое имущество. Назывались эти налоги так потому, что налог с сельских жителей составлял 15% от оценочной стоимости их имущества, а с горожан — 10% от оценочной стоимости. Реальная оценка имущества облагаемых групп населения фактически не проводилась, и в 1604г. с помощью этих налогов, была собрана смешная для современников сумма в 30 тысяч фунтов стерлингов. Списки же налогоплательщиков, согласно которым взималась субсидия, не обновлялись с 1547 г.⁶⁷. В начале каждого царствования парламент предоставлял короне взимать потонный и пофунтовый сборы. Но, кроме того, Мария и Елизавета требовали право взимания без санкции парламента небольших добавочных платежей, называемых импозициями⁶⁸. Яков к прежним импозициям добавил ещё импозиции на корпикку и табак. Вопрос был предоставлен на разрешение Палаты казначейства, и судьи решили, что король имеет законное право налагать на товары импозиции без санкции парламента. В 1608 г. правительство уже воспользовалось этим решением. Новые импозиции были наложены на разные товары в сумме 70 тысяч фунтов⁶⁹. Между тем в обществе нарастало недовольствие

необходимостью платить импозиции. в 1610г. палата общин обсуждала дело об импозициях, известное как дело Джона Бейта, купца Левантийской торговой компании, который отказался от уплаты импозиций, так как они «не были санкционированы парламентом». Это дело разбиралось в Суде Канцелярии и Бейт процесс проиграл. Несмотря на решение судей, вопрос о праве королевской власти вводить пошлыны без согласия парламента в той или иной, степени поднимался в палате общин всякий раз, когда собирался парламент. И хотя король прямо запретил им посягать на его прерогативу, общины приняли отменяющий эти пошлыны билль, отвергнутый затем Палатой лордов⁷⁰. Несмотря на все усилия короля, его доходов было недостаточно, чтобы покрыть ежегодный дефицит бюджета в 180 тысяч фунтов, а Палата общин категорически отказалась не только от увеличения размеров субсидий, но и от сохранения их на уровне субсидий, выплачивавшихся Елизавете, ибо величина субсидий военного времени должна была, согласно их мнению, отличаться от величины субсидий, выплачиваемых королю в мирный период⁷¹. Именно соображения финансового характера и вынудили Якова согласиться на обсуждение условий Великого контракта, предложенного Палатой общин. Суть его заключалась в следующем: Палата общин предложила королю определенную сумму денег единовременно – 600 тысяч футов единовременно, а также 200 тысяч футов ежегодно за то, чтобы он поступился частью своей прерогативы, а именно – права опеки и поставок товаров ко двору по сниженным ценам⁷². Также общины сделали попытку поставить вне закона информаторов - людей, которые вполне официально, могли, услышав какую-либо крамолу или, что более серьезно — хулу на государя в стенах парламента, донести, куда следует с тем, чтобы автор неосторожного высказывания был подвергнут суровому наказанию, что косвенно можно отнести и к защите привилегий, поскольку это противоречит понятию свободы слова. В дополнение к этому, корона отказывалась от всех недоимок, которые причитались в ее пользу, начиная с правления Генриха VII до правления королевы Марии⁷³. Великий контракт «...был попыткой капитальной реорганизации

стюартовской финансовой системы, и, в случае успеха данного начинания, английская история XVII века могла иметь иной сценарий»⁷⁴. Однако прежде чем этот договор был оформлен в парламентский акт, наступили летние вакансии. К зиме настроение сторон переменилось, и великий контракт так и не был заключён⁷⁵. Протоколы этой сессии не сохранились, но можно предположить, что король, всегда болезненно воспринимавший покушение на свои права, посчитал, что только прогадает, если согласится с его условиями, а Палата общин опасалась, что, получая 200 тысяч фунтов год, Яков может засомневаться в целесообразности созыва парламента вообще.

Палата общин сделала ещё одну попытку увеличить влияние на короля. На предшествующей сессии они приняли билль, воспрещавший введение каких-либо новых церковных канонов без согласия парламента. Но Палата лордов встала, как обычно, на защиту трона и отклонила билль. На сессии 1610г., повторно приняв тот же билль, общины заявили протест против действий суда Высокой комиссии⁷⁶. Эта попытка, хотя и бесплодная, интересна как ещё один пример наступления на права короны.

Распустив окончательно свой первый парламент 9 февраля 1611 г., Яков не добился ничего. В скором времени произошла частичная смена окружения государя. В 1612г. умирает Сесил, - человек, который своими советами и деятельностью долгое время поддерживал дела Якова в относительно нормальном порядке⁷⁷. Со смертью Сесила за место рядом с Яковом разгорелась нешуточная борьба, в которой победу одержал клан Говардов в лице его представителей - Генри Говарда, графа Нортгемптона и его двоюродного брата - графа Саффолка. Своего возвышения они добились старым, как мир способом - заинтересовали в своем семействе королевского фаворита, Роберта Карра, который женился на дочери Саффолка - леди Френсис Говард. Брак Карра (который к тому моменту уже стал с легкой королевской руки графом Сомерсетом) упрочил положение клана Говардов при дворе их советами король пользовался до 1618 г. года возвышения всемогущего Бэкингема⁷⁸. Это сразу же отразилось на королевском долге. К моменту своей смерти Сесилу

удалось снизить сумму королевского долга до 300 тысяч фунтов, уже в 1613 г. (то есть, через год после смерти Солсбери) эта сумма достигла размера 680 тысяч фунтов. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, Якову пришлось продавать земли короны. Вслед за тем произошли два события, которые оказали негативное влияние на состояние королевских финансов. Речь идет о свадьбе дочери Якова - принцессы Елизаветы, которая вышла замуж за пфальцграфа Фридриха, и о смерти старшего сына Якова и наследника престола - Генриха. Эти события одновременно унесли из королевской казны 60 тысяч 771 и 16 тысяч фунтов соответственно⁷⁹. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что к 1614г., когда Яков созвал свой второй парламент, он был настолько стеснен в средствах, что без этого созыва было не обойтись

Собравшись на свое первое заседание (5 апреля), общины проявили крайнюю обеспокоенность по поводу слухов о так называемых поручителях. Утверждалось, что несколько преданных королю лиц вступили в сговор, составили регулярный план действий на новые выборы и, распределив свои усилия и влияние по всей Англии, поручились перед двором за то, что обеспечат ему большинство в Палате общин с тем, чтобы большинством голосов получить субсидии, в которых он так нуждался в тот момент⁸⁰. Якову ничего не оставалось, как оправдываться. Он полностью отрицал свое участие в подтасовках результатов выборов. Сложно сказать, насколько обоснованными были подозрения оппозиции, так или иначе, вместо того, чтобы заняться вопросом субсидий, о чем настоятельно просил король, парламентарии вернулись к вопросу королевской прерогативы. Общины предложили лордам устроить конференцию по поводу новых налогов⁸¹. Однако Палата лордов не была расположена к обсуждению подобных вопросов, поскольку в Палате общин под влиянием обсуждения импозиции проскальзывали рассуждения на тему того, какая система монархического правления более многообещающая — наследственная или выборная, а ведь это уже можно истолковать как подстрекательство к заговору против короля. После непродолжительного

размышления инициатива нижней палаты, несмотря на все тщательные приготовления, была отвергнута.

Яков, даже несмотря на свои финансовые затруднения, не мог терпеть подобной направленности помыслов своих подданных, и принял единственное решение, которое могло оказать кардинальное воздействие на Палату общин - в письме спикеру от 6 июня 1614 г. король выразил свою волю, согласно которой парламент должен был быть распущен на следующий день⁸². В данной ситуации понятна настойчивость обеих сторон. Оппозиция в этом споре представляла интересы купечества, торговлей с заморскими странами закладывалась основа для будущего расцвета страны, чему мешали старинные налоги и ограничения. Однако они требовали невозможного. И дело здесь совсем не в отсутствии желания потерять хотя бы крупицу своей власти, просто при всем катастрофическом положении королевских финансов, Яков все же получал от импозиций и других составляющих прерогативы определенный доход. В случае же уступки импозиций он становился полностью зависимым от того, выделит ли парламент ему очередную субсидию или нет. Иными словами превращается в фигуру, целиком и полностью зависимую от воли нижней палаты и практически утрачивает возможность влиять на политику в государстве.

Парламент 1614 г., несмотря на кажущуюся непродуктивность работы (был принят лишь один статут, посвященный натурализации зятя Якова - Фридриха Пфальцского), стал некой вехой в борьбе палаты общин за свои привилегии.

После событий 1614 г. Яков не созывал парламент почти семь лет. Нехватка денежных средств заставила расширить практику применения феодальных прав короля, начать прибегать к принудительным займам и пойти на сближение с Испанией. Яков не только предполагал заключить союз с Испанией, но и стремился женить своего сына на испанской инфанте. Однако дочь Якова оказалась в противоположном лагере. Принцессу Елизавету, как уже отмечалось выше, выдали замуж за одного из защитников протестантской

веры в Европе Фридриха, пфальцграфа Рейнского, который вскоре выступил против императора Фердинанда II Габсбурга⁸³. В 1618 г. имперские посланники были выброшены из окна королевского дворца в Праге, что спровоцировало начало Тридцатилетней войны. В августе 1619 г. чехи предложили Фридриху трон Богемии. Фридрих согласился и стал во главе антигабсбургской коалиции. Яков не проявил желания вмешиваться в события на стороне дочери. Он ограничился тем, что разрешил отряду английских волонтеров отправиться в Палатинат, где Фридрих должен был содержать их на свои средства. В скором времени Фридрих был изгнан из Богемии, а его наследственные земли оккупировали войска Габсбурга⁸⁴. В этой тревожной ситуации в 1621 г. Яков и собрал свой третий парламент, обратившись к Палате общин за субсидией на ведение военных действий. Общины единогласно вотировали ему две субсидии – 700 тысяч футов⁸⁵. Однако король, получив деньги, никаких активных действий не предпринял, надеясь решить конфликт путём дипломатии. «В Палате общин – пишет Гардинер, - господствовал дух недовольства. Её члены чувствовали, что руководитель их плох, и в то же время не имели сил, чтобы найти другого вождя. В своём раздражении они накинулись на домашние неурядицы»⁸⁶. Под «домашними неурядицами» Гардинер подразумевал, прежде всего, монополии, число которых увеличивалось день ото дня. По отношению к держателям монопольных патентов впервые за довольно продолжительный период времени, была применена процедура импичмента⁸⁷. Историки расходятся в определении даты предыдущего импичмента в парламентской истории Англии. Д. Хёрст, к примеру, относит это событие к 1450 г., когда этой процедуре был подвергнут Уильям де ла Пол, герцог Саффолк за вмешательство в процесс судопроизводства, выдвижение на ключевые должности собственных клиентов и растрату государственных денег⁸⁸, тогда как остальные исследователи указывают на 1459 г.⁸⁹. Это не совсем верно поскольку в данном случае был использован билль об опале. Билль об опале являлся законодательным актом парламента, вступавшим в действие в обычном для парламентских законов порядке при усло-

вии согласия короля. Посредством данного акта палата общин могла придать статус государственной измены даже тем деяниям, которые не рассматривались в английском праве как преступления такого рода. Более того, билль об опале допускал осуждение того или иного лица за деяние, которое в момент его совершения вообще не считалось в английском праве преступлением⁹⁰. От какой бы даты мы не отталкивались, выходит, что процедура эта в Англии была порядком подзабыта. Думается, что импичмент не применялся Палатой общин так долго потому, что, хотя парламент и сохранялся на всем протяжении правления Тюдоров, он находился в подчинении у королевской власти. Тюдоры, если они желали наказать своих политических противников, могли использовать билль об опале. В таких условиях импичмент терял свое значение средства борьбы с неудобными парламенту, а не королю министрами. Возрождение импичмента в первой сессии третьего парламента Якова I связано с появлением в парламенте оппозиции, направленной против абсолютизма Стюартов и стремящейся использовать в этой борьбе все доступные средства.

Изначально процедура импичмента предполагала предварительное расследование обстоятельств дела, повлекшего за собой применение вышеуказанной процедуры. Это расследование (сбор фактической информации, допросы свидетелей и обвиняемых) было возложено на представителей общин, а конкретно - на членов специального комитета, созданного Палатой общин (исключением могла быть лишь принадлежность обвиняемого к членам верхней палаты, тогда допрос проводился лордами). Глава комитета практически ежедневно отчитывался перед палатой общин о результатах расследования и, если обвинения оказывались подтвержденными комитетом, дело передавалось на рассмотрение парламентской конференции, которая состояла из представителей обеих Палат⁹¹. После признания обоснованности обвинений участниками конференции, дело рассматривалось в обеих палатах, и выносился окончательный вердикт. При этом предусматривалось личное присутствие обвиняемого лица на всех этапах дознания и обсуждения⁹². Палата об-

щин в течение всей первой сессии третьего парламента Якова рассматривала различные патенты, но особое внимание было уделено трем: на содержание гостиниц, на взыскание штрафов с пивных и на производство золотой и серебряной канители⁹³, поскольку именно они являлись предметом многочисленных жалоб, получаемых Палатой общин. Сэру Джайлзу Момпсону и сэру Фрэнсису Мичелу были пожалованы патенты на монопольное право проверки постоянных дворов и пивных. Под предлогом проверки вымогались крупные суммы, и тем хозяевам гостиниц и кабаков, которые осмелились продолжать свое дело, не удовлетворив алчность монополистов, жестоко мстили штрафами, тюремным заключением и разорительными тяжбами. Те же лица, вместе с сэром Эдуардом Вильерсом⁹⁴, обзавелись патентом на монопольное изготовление золотых и серебряных нитей и кружев. Они имели полномочия досматривать все изделия, выпущенные вопреки их патенту, и даже карать по собственной воле и усмотрению тех, кто производит, ввозит и продает подобные товары⁹⁵. Мичелу и Момсону был вынесен приговор, по отношению к первому он был исполнен; второй бежал из тюрьмы и скрылся. Вильерса в это время отправили с поручением за границу благодаря протекции Бэкингема, он с легкостью ушел от наказания.

Основываясь на полученных жалобах, с учетом злоупотреблений, которые были вскрыты при рассмотрении патентов, Палата общин подготовила законопроект против монополий, разработчиком которого стал Э. Кок. «Билль против монополистов и приостановки действия уголовных законов» гласил, что «все дары, свободы, разрешения, права на удержание штрафов, все прокламации относительно их и приказы, выдаваемые в помощь им, привилегии, пожалованные верховной властью, полномочия и так далее должны быть навсегда отменены»⁹⁶. Первое чтение законопроекта состоялось 14 марта, второе - 26 марта, и 12 мая 1621 г. законопроект был принят Палатой общин. Однако 8 декабря 1621 г. уже в период второй сессии парламента Палата лордов отклонила билль в первом чтении. В своем послании лорды одобряли намерение Палаты общин относительно билля о монополиях, однако

они желали подготовить новый билль по этому же вопросу и провести конференцию. Палата общин отказалась проводить конференцию с Палатой лордов, а Э. Кок по этому поводу сказал, что «Лорды отвергли билль о монополиях. Поскольку не было конференции по старому биллю, то не будет конференции и по новому биллю. Лорды в ответ получают послание Палаты, и Палата желает изучить прецеденты»⁹⁷.

Несмотря на то, что билль об отмене монополий, предложенный Палатой общин, так и не был принят, нижняя Палата все-таки добилась некоторого успеха в этом вопросе. 30 марта была издана королевская прокламация, в которой говорилось, что, поскольку разные письменные патенты, полномочия и объявления, касающиеся управления пивными их содержателями и производства золотой и серебряной канители, использовались их владельцами с целью злоупотребления, то все они отзываются. 10 июля 1621 г., уже после роспуска первой сессии третьего парламента, королем была издана «Прокламация, провозглашающая милость Его Величества по отношению к подданным относительно дел, по которым жалобы носили публичный характер», которой было отменено 18 монополий и даров⁹⁸.

В связи с вопросом о монополиях был поднят вопрос и об ответственности тех высших должностных лиц, которые давали заключение о необходимости выдачи патента (король выдавал патент только после получения такого заключения). Палата общин прежде всего искала пути привлечь к ответственности герцога Бэкингема. Однако общины отказались от этого намерения после того, как король отменил ряд патентов. Бэкингом выступил в Палате лордов с речью против монополистов, упомянув при этом лорда-канцлера Бэкона. Обвинение против Момпессона вступило в заключительную стадию, а законопроект против монополистов прошел второе чтение в Палате общин. «Общины показали, что они обладают политическим тактом, который является более ценным, чем временный успех. Действительно, право расследовать поведение высших должностных лиц государства являлось краеугольным камнем их позиции. Но на данный момент важнее было уста-

новить правило, чем наказать правонарушителей. Совершенно очевидно также, что они не смогли бы продолжать рассматривать поведение должностных лиц, не затронув при этом короля»⁹⁹. Однако, отказавшись от намерения наказать главного врага — Бэкингема, Палата общин предъявила обвинения другим должностным лицам, и в первую очередь лорду-канцлеру Бэкону. 14 марта 1621 г. в Палате общин была зачитана петиция некоего Кристофера Обри. В этой петиции Обри указывал на то, что во время его тяжбы против Уильяма Бранкера, лорд-канцлер принял в качестве подарка 100 фунтов. Сразу после выступления Обри были заслушаны петиция и показания Эдуарда Эгертона. Эгертон показал, что он выплачивал 600 фунтов в год за сокрытие последней воли своего отца, согласно которой тот оставил свое состояние не ему. Кроме того, за это несправедливое решение суда он одновременно подарил лорду-канцлеру 400 фунтов золотом и 52 фунта 10 шиллингов серебром. Серебро сэр Френсис Бэкон, принял самолично, что же касается золота, то здесь он воспользовался посредническими услугами сэра Джорджа Хастингса¹⁰⁰.

На первый взгляд, обвинение Бэкона не связано с делом о монополиях. Однако это не так, поскольку в числе должностных лиц, которых Общины желали призвать к ответу в связи с данным делом, назывался и лорд-канцлер. Но палата не могла открыто предъявить ему подобное обвинение, поскольку ей пришлось отказаться от желания привлечь к ответственности высших должностных лиц государства на данном основании. Обвинение лорда-канцлера в коррупции явилось завуалированным способом привлечь его к ответственности в связи с вопросом о выдаче монополий.

17 марта на заседании комитета по расследованию злоупотреблений в судебных органах было решено, что «жалобы Обри и Эгертона против лорда-канцлера по обвинению в получении взяток в размере 100 и 400 фунтов стерлингов должны быть представлены Палате лордов без предвзятости или комментария». 19 марта в адрес Палаты общин пришло письмо от короля Якова. В нем наряду с предложением коммонерам самим определиться со

сроком возобновления работы после Пасхальных каникул, были даны указания по поводу расследования взяточничества в канцелярии. Помимо общих слов о том чтобы расследование велось на совесть, король указывал на необходимость создания конференции представителей обеих Палат¹⁰¹. Конференция палат по поводу Бэкона состоялась того же 19 марта, а 20 марта лорд-казначей доложил о ее результатах Палате лордов. Он сообщил верхней Палате, что общины прямо заявили на конференции о своем праве рассматривать поведение высших должностных лиц королевства. Кроме того, нижняя Палата попросила Палату лордов не затягивать рассмотрение дела, поскольку оно «касается личности, занимающей столь высокое положение, и если она найдет его виновным, то наказать, а если признает невиновным, то следует наказать обвинителей»¹⁰². Расследование в Палате лордов длилось до начала мая 1621 г. когда сэр Френсис Бэкон добровольно согласился с предъявленными ему обвинениями. 3 мая милорд главный судья, спикер палаты лордов, сэр Джеймс Ли, выступил с речью, в которой он произнес буквально следующее: «Лорды духовные и светские, проведя расследование по поводу жалобы Палаты общин против лорда виконта Сент-Олбанс, лорда-канцлера Англии, и допросив (обвиняемого) под присягой, признали его виновным в преступлениях и коррупции, на которые жаловались общины, а также в некоторых других преступлениях... И вынесли решение, согласно которому указанный Френсис, лорд виконт Сент-Олбанс, должен выплатить Его Величеству в качестве штрафа и возмещения 40000 фунтов, должен подвергнуться заключению на время, определенное королем, с этого времени и далее лишается возможности занимать любую общественную должность, или место и никогда больше не заседать в парламенте и не бывать при дворе»¹⁰³. Подводя итог данной сессии парламента 1621 г., можно сказать, что она выявила дальнейшее расхождение во взглядах короля и парламента, прежде всего Палаты общин, на положение последнего по отношению к короне, что выразилось и в рассмотрении парламентом вопроса о монополиях, и в возрождении импичмента.

20 ноября 1621г английский парламент собрался на зимнюю сессию. Дела протестантов в Германии обстояли не лучшим образом, поэтому война на территории Империи, взаимоотношения с Испанией, в частности - испанский брак, стали темами, наиболее подробно затронутыми парламентариями в ходе заседаний. Яков предполагал укрепить свои связи с Испанией посредством брака своего сына и наследника - принца Карла с испанской инфантой. Династический союз должен был способствовать возвращению земель, утраченных зятем Якова. Однако брак этот не был популярным, ни в Англии в целом, ни в Палате общин в частности. Опасения коммонеров имели под собой известные основания: неизвестно было, кто кого обратит в свою веру: муж- протестант жену-католичку или же наоборот? Общины подготовили ремонстрацию, которую намеревались подать королю. Она содержала резкие выпады против испанского короля и называла весь план «дружбы с Испанией» плодом «дьявольских ухищрений» папизма. Протестуя против предполагавшейся женитьбы наследного принца на инфанте, Палата высказывала пожелание, чтобы «принц своевременно и счастливо женился на принцессе, исповедующей нашу собственную религию» В связи с проектом союза Англии с католической державой парламент спешно потребовал от правительства строгого выполнения елизаветинских законов против рекузантов. Общины просили Его Величество о том, чтобы он принял срочные меры в защиту пфальцграфа и поддержал его силой оружия; чтобы король обратил свой меч против Испании, чьи армии и сокровища служат главной опорой католического влияния в Европе¹⁰⁴. Удивительно, но король не стал распускать парламент. 12 декабря он, посредством письма, зачитанного в Палате общин секретарем Калвертом, призывал коммонеров, продолжить работу и «категорически запретил общинам вмешиваться в его правление и в глубокие государственные материи, в особенности же затрагивать брак его сына с дочерью короля Испании и посягать на честь этого монарха или любого из его друзей и союзников»¹⁰⁵. Яков имел полное право так отреагировать, ведь вопросы внешней политики и вопросы матримониальных связей, в частности, всецело

принадлежали королевской прерогативе. Дальнейшие события – яркая иллюстрация того, как сильно изменилось отношение парламента к институту монархии. Во времена Елизаветы члены парламента признали бы, что переступили черту дозволенного, и покорно просили прощения за то, что заставили Её Величество огорчиться. Теперь же их ответом стала принятая 18 декабря протестация, в которой они заявили, что имеют право обсуждать любые вопросы правления; что полная свобода слова в прениях о государственных делах является их старинным и несомненным правом, унаследованным от предков; и что если какой-либо депутат злоупотребит этой привилегией, то одной лишь Палате, свидетельнице этого проступка, подобает налагать на него должную кару. После чего как обычно добавили слова: «вольности, льготы, привилегии и юрисдикция парламента являются старинным и несомненным прирожденным правом и наследственным достоянием английских подданных»¹⁰⁶. Реакцию Якова на это волеизъявление предугадать не трудно. Король не только немедленно распустил парламента, но, явившись лично 30 декабря в Палату, собственноручно вырвал лист из протоколов парламента, где содержалась запись парламентского постановления. Несколько лидеров оппозиции подверглись аресту, часть депутатов на некоторое время выслана в Ирландию. Д. Юм приводит слова Якова по поводу протестации Палаты общин: «она больше похожа на объявление войны, чем на почтительный адрес, с которым обращаются верноподданные»¹⁰⁷. До войны было не так уж и далеко: этого короля парламента ещё вытерпит, но судьба его наследника куда более печальна...

Последний парламента Якова собрался в 1624г. - за год до смерти короля, и побудительными причинами можно считать ухудшающееся положение протестантов Пфальца и неудачный вояж принца Карла и герцога Бэкингема в Мадрид (сама собой отпала одна из щекотливых тем, обсуждение которой привело к роспуску предыдущего парламента - испанский брак наследника престола стал неактуален)¹⁰⁸. В своей речи, посвященной открытию парламента, Яков попросил у обеих Палат совета в том, стоит ли ему прервать пе-

реговоры с Испанией по поводу брака принца Карла и инфанты. Вопрос можно считать риторическим, поскольку ответ на него король знал заранее. Очевидно, что Яков просто попытался извлечь максимум из ситуации с сорвавшимся браком. С одной стороны, он советуется со своим парламентом по поводу одного из важнейших государственных вопросов, но, с другой стороны, этот вопрос уже решен. В 1624г. наконец-то произошло единение мнений короля и Палаты общин. И король, и коммонеры хотели войны с Испанией. 29 марта 1624 г. Яков принял испанских послов и заявил им, что переговоры с Испанией прерваны вследствие туманных и неопределенных предложений с ее стороны. Когда же послы удалились, король принял уполномоченных Соединенных провинций и обсуждал с ними вопрос о военной помощи голландцам со стороны Англии. Вскоре (5 июня 1624 г.) договор о продолжении оборонительного союза между Англией и Соединенными провинциями был заключен. Цель союза была ясно сформулирована: он образуется «для сохранения и безопасности королевства и Соединенных провинций и для облегчения восстановления дорогого зятя, курфюрста Пфальцского, в его владениях и достоинствах»¹⁰⁹.

Что касается финансирования, то король получил субсидию, но за это ему пришлось поступиться частью прерогативы: в билль по поводу субсидии были вписаны четыре ассигнационные статьи, в которых, кроме прочих условий траты этой субсидии, было условие о том, что военный флот должен выйти в море как можно скорее. Кроме того, Яков «добровольно предложил, чтобы вотируемые Палатой средства поступали не в распоряжения короля, но передавались особому парламентскому комитету, каковой и должен был их расходовать»¹¹⁰. Эти статьи, а также импичмент, вынесенный сэру Лайонелу Кранфилду, к тому времени уже ставшему лордом-казначеем, были несомненным покушением на прерогативу короля. И поскольку Яков уступил, можно говорить о несомненных успехах оппозиции. На этот раз почти всё, складывалось так как желали большинство членов парламента. Только одно не могло не беспокоить их: Яков не хотел отказываться от своего плана

– действовать совместно с каким-нибудь католическим государством. «Если английскому королю не удалось женить сына на сестре короля Испании, то он женит его на сестре французского короля Англия и Франция, сделавшись союзниками, в состоянии будут установить порядок в Германии»¹¹¹. В мае 1624г. начались переговоры о браке Карла с Генриеттой-Марией. Переговоры велись между английскими и французскими дипломатами. Обсуждались следующие вопросы: о близости интересов Англии и Франции в Пфальце, о поддержке в Германии протестантской армии, о положении католиков в Англии. Дипломаты искали приемлемого компромисса и общей линии поведения в разгоравшейся Тридцатилетней войне. И на этот раз в брачный контракт был включен пункт о положении английских католиков. Хотя Франция ставила лишь вопрос о защите католиков в Англии, в отличие от Испании, стремившейся добиться их господства и сделать их опорой испанского влияния на английскую политику, тем не менее опасность усиления католиков была достаточно серьезна. В Англии должна была вскоре появиться королева, преданная католицизму, окруженная католическим духовенством и слугами-католиками. Королева получала право воспитывать своих детей до 13 лет в католическом духе¹¹². Английское общество отнеслось к этому союзу очень холодно, но парламент на этот раз не стал оспаривать решение короля¹¹³. Основной причиной подобной толерантности стал Акт о монополиях, одобренный Яковом. Акт был составлен в виде подробной декларации, и все монополии осуждались в нем как противные закону и общеизвестным народным вольностям. Он отменял «монопольное право продажи, покупки, производства или потребления чего бы то ни было в королевстве»¹¹⁴. Характеризуя Акт о монополиях, Д. Юм пишет: «в его основе лежало представление о том, что любой английский подданный имеет полное право свободно распоряжаться своими поступками, при условии, что он не причиняет вреда другим подданным и что ограничить эту свободу может лишь авторитет законов, но отнюдь не королевская прерогатива или власть какого-либо должностного лица»¹¹⁵. Отзыв Д. Юма представляется нам чересчур восторженным. Спра-

ведливости ради необходимо отметить, что монополисты могли обойти этот акт путем объединения и создания корпораций. Однако сам факт его принятия, является значительной победой оппозиции над короной.

За весь период своего правления Яков I Стюарт созвал четыре парламента. В отличие от Тюдоров, видевших в парламенте опору королевской власти, новый монарх парламент воспринимал как враждебное самому институту монархии учреждение, незаконно стремившееся к ограничению королевской прерогативы и вмешивающееся в решение вопросов, находящихся в ведении короны. Королем ставились свои, вполне определенные задачи, направленные, прежде всего, на закрепление королевской власти и согласие парламента на это, по его мнению, не требовалось. Ярким примером этого является политика короны в вопросе англо-шотландского объединения. Рассмотрение этой проблемы также показало, что, независимо от того, какую роль в управлении страной отводил король парламенту, на практике без согласия парламента корона не смогла реализовать ни одно из своих мероприятий. Фиаско с унией стало первым крупным поражением в парламенте.

В Палате общин заседали люди, выражающие мнения новых классов английского общества, которые желали не только сохранения за парламентом его политической роли, но и проведения вполне определенного экономического курса, прежде всего - освобождения собственности от тяжёлых пут монополий и средневековых повинностей. К несомненным успехам оппозиции следует отнести принятый акт против монополий и возрождение практики импичмента. Кроме того, парламент всё смелей высказывается по поводу внешней политики короля. В то же время еще нельзя говорить о существовании в Англии серьезной, организованной оппозиции абсолютизму, достаточно сильной, чтобы открыто выступить против королевской власти. Такая организованная оппозиция появится уже при сыне Якова Стюарта Карле I.

§2.2 Борьба Карла I Стюарта с парламентской оппозицией.

Карл, второй сын Якова I Стюарта и Анны Датской, и до смерти первого сына его не готовили к престолу. Историки солидарны во мнении, что неожиданная смерть старшего брата привела Карла к власти, к которой он не только не был готов, но и в принципе не пригоден. С. Р. Гардинер так характеризует нового монарха: «для разумного ведения дел у него не хватало ни энергии, ни способностей. Он слишком много жил в мире собственных идей, для того чтобы влиять на людей, образ мыслей которых был для него не понятен... Он не любил, чтобы ему противоречили, на всякие возражения отвечал молчанием, как бы покрываясь им»¹¹⁶. Гардинеру вторит современный английский историк Г. Бёргесс: «Карл не был, мягко выражаясь, человеком слишком искушенным в политическом искусстве, и ему, кажется, было трудно поверить в то, что люди могли искренно не соглашаться с ним по различным вопросам. Его убежденность в правильности собственных суждений сделала его невыносимым в политическом процессе»¹¹⁷. Более разностороннюю характеристику даёт королю Д. Юм. С похвалой отзываясь о поведении Карла I в частной жизни, Д. Юм отмечал далее: «Как монарх он также блистал внешними качествами, не будучи при этом лишен и более глубоких достоинств. Его обхождение и манеры, хотя, вероятно, и клонившиеся несколько в сторону чопорной величавости, в целом соответствовали его высокому сану, придавая известное изящество свойственным ему от природы сдержанности и серьезности. Умеренность и справедливость, столь заметные в его характере, казалось, предохраняли его от всех рискованных и опрометчивых предприятий, а здравомыслие, которое выказывал он в речах и беседах, казалось, гарантировало ему успех во всех разумных начинаниях». Однако при этом Д. Юм все же склонялся к тому, что в личных качествах Карла I были заложены предпосылки политических конфликтов его с подданными. «Но возвышенное представление о собственной власти, слишком твердо им усвоенное, сделало его неспособным хоть в чем-то уступить духу свободы, который начал тогда утверждаться среди его подданных. Его политика не отлича-

лась такой энергией и дальновидностью, какие могли бы ему позволить обуздать их притязания, удержав прерогативу на той высоте, до которой подняли ее предшественники Карла»¹¹⁸. Следует, однако, помнить, что ничего нового не было в теориях божественного права или абсолютной прерогативе. В этом вопросе Карл просто следовал за своим отцом, но выражал свои мысли не так грамотно и красиво - не всем дано быть учёными и политическими мыслителями. Личные качества Карла, безусловно, накладывали существенный отпечаток на события его царствования, однако не следует преувеличивать их роль. Необходимо учитывать, что состояние политической системы Англии в купе с условиями, создававшимися в ходе социально-экономического развития английского общества, было в этот период таким, что неизбежно порождало конфликт короны с парламентом. Кроме того, Карлу пришлось начать править в более сложных условиях, нежели его отцу. Он был связан договором, обязывающим его защищать своего зятя, короля Богемии, и был вынужден вступить в войну. Для ведения войны нужны были средства и Карл созывает парламент, уверенный, что легко найдёт общий язык со своими поданными. Однако уже в первом парламенте начались трения с парламентариями. Король прямо попросил Палату общин о деньгах для продолжения войны. В ответ на это Палата сначала подала петицию о применении законов против католиков, а затем вотировала небольшую сумму в размере 140 тысяч фунтов. Между тем для покрытия королевских обязательств не хватило бы и миллиона¹¹⁹. Д. Юм объясняет такую прижимистость Палаты несколькими причинами. Недоверие и даже ненависть к герцогу Бэкингему, так же тот факт, что последний парламент Якова «предоставил королю средства, совершенно несоразмерные его просьбам и требованиям момента»¹²⁰. Субсидия впрок не пошла. Экспедиция Мансфельда¹²¹ закончилась полным провалом. Далее Юм отмечает: «Палатой общин почти всецело управляла группа лиц... уже составивших тогда самую настоящую партию... эти благородные патриоты с горечью взирали на неограниченную власть, присвоенную монархом, и теперь решили воспользоваться случаем, который

предоставили им материальные затруднения короля, чтобы заключить его прерогативу в более разумные пределы»¹²². Французское сватовство и статьи в пользу католиков, включенные, как подозревали, в брачный договор, также вызывали недовольство. В 1625 г. в Амстердаме был опубликован трактат «*Sacrae Herplades*, или семь проблем, относящихся к антихристу». Работа посвящалась «специально королю Карлу, защитнику веры, и королю и королеве Богемии, исповедующим свою веру и потому гонимым». Особая тревога выражалась по поводу женитьбы Карла на Генриетте-Мариин. Автор трактата «*Vox Coeli*»¹²³ (1624 г.) цитировал не менее девяти библейских текстов, в которых говорилось о необходимости осознать опасность, идущую от чужеземных цариц, которые исповедуют чуждую религию. То же самое сделал Томас Хукер в проповеди, произнесенной в Эссексе в 1626 г. Перед «огромной конгрегацией» он молился, чтобы Бог «вложил в сердце королю» одиннадцатый и двенадцатый стихи из главы второй книги пророка Малахии. Он не цитировал их, так как не сомневался, что члены конгрегации знают их наизусть или имеют под рукой библию. Они гласили: «Вероломно поступает Иуда... ибо... женился на дочери чужого бога. У того, кто делает это, истребит Господь»¹²⁴.

Кульминацией в противостоянии монарха и нижней Палаты послужило решение о таможенном сборе, который собирались оставить за королем лишь на один год. Это решение показалось Карлу оскорбительным. Возможно, это привело бы к окончательному роспуску первого парламента, но в это время в Лондоне вспыхнула эпидемия чумы. И король просто объявил перерыв в работе парламента. Перерыв длился почти два месяца, в течение которых удалось достичь договоренности с датским королем и привлечь его к войне, обещая субсидии в размере 30 тысяч футов ежемесячно¹²⁵. Но и на этот раз Карлу не удалось достичь желаемого, и парламента был распущен в августе 1625 г. Чтобы восполнить недостаток парламента субсидий, король издал указы о принудительном займе у своих подданных. Сооруженный на эти средства в октябре 1625 г. мощный флот (около 100 кораблей) был отправлен

к испанским берегам для захвата Кадиса. Экспедиция, общее руководство которой осуществлял Бэкингом, была безуспешной, и уже в ноябре при возвращении значительная часть кораблей погибла или получила серьезные дефекты вследствие шторма. Для тех, кто помнил подвиги Френсиса Дрейка¹²⁶, было ясно: английский флот почти повторил судьбу испанской армады¹²⁷. После неудачной экспедиции в Кадис Карл был вынужден снова прибегнуть к помощи парламента. Речь на открытии парламента, произнесенная в Вестминстере 6 февраля 1626 года Карлом I была, по обыкновению, краткой и уклончивой. «Я собрал парламент в самом начале своего правления, с тем, чтобы попросить у моего народа совета и содействия в выполнении трудных задач, но был вынужден распустить его из-за того, что он слишком неторопливо откликнулся на мой призыв. ...Ныне же я снова созвал это собрание и надеюсь, что оно, не теряя времени даром, даст исчерпывающий ответ на мою просьбу о субсидиях в соответствии с безотлагательными потребностями королевства и всего христианского мира и не допустит, чтобы критические высказывания и неуместные сожаления мешали работе моего правительства. Я предпочитаю действия словам, и больше мне нечего сказать»¹²⁸. Со стороны короля и его Совета было до странности легкомысленно предполагать, что при подобных условиях парламент, еще находившийся под впечатлением августовского роспуска и недавних событий на Кадисе, будет сговорчивым. Когда король изложил свои нужды перед Палатой и запросил денежной поддержки, общины проголосовали только за три субсидии на общую сумму около 60 тысяч фунтов. Однако не это обстоятельство оказалось самым неприятным. Парламент лишь вотировал ассигнования королю, а превращение этого вотума в закон отложил до конца сессии. Д. Юм, комментируя эту ситуацию, резонно отмечает: «Таким образом, они ставили государю условия, причем в весьма откровенной форме. Под предлогом борьбы со злоупотреблениями... они намеревались проверить и упорядочить все части администрации, вызывавшие их недовольство; если же король остановит их в этом предприятии или не согласится с их требованиями, то на пособия от

общин он уже не должен рассчитывать»¹²⁹. Этому общинам оказалось мало и они, словно испытывая, как далеко можно зайти решили провести процедуру импичмента герцога Бэкингема. Прошло немного времени, и Палата предъявила свои обвинения. Повесть о его преступлениях, как действительных, так и вымышленных, сделалась всеобщим достоянием. Помимо подозрений в коррумпированности и склонности к католицизму, герцога обвиняли в том, что он занимается черной магией, использует приворотные средства, позволяющие соблазнить любую женщину, и даже что именно он отравил Якова I¹³⁰. Однажды до короля дошла речь Джона Элиота¹³¹, в которой он сравнивал герцога с Сеяном¹³². «Если Бэкингом – Сеян, то, следовательно, я – Тиберий»¹³³, - с горечью отозвался Карл на эту речь¹³⁴. Неизвестно, как завершилась бы процедура импичмента в Палате лордов, будь она проведена до конца. Впрочем, едва ли король позволил бы вынести фавориту обвинительный приговор. К тому же в Палате общин начали подготовку ремонстрации, процедуры торжественного заявления протеста королю по поводу злоупотреблений его правительства. Речь шла о ненавистном фаворите. И Карл решил воспротивиться. В составленном документе Бэкингема называли «врагом Церкви и Государства», говорилось, что его влияние на короля ввергает страну «в убогое и опасное состояние». Короля почтительно просили «лишить Бэкингема монаршего присутствия», не позволять, чтобы «благополучие одного человека приравнивалось по значимости к благополучию всего христианского мира». И, наконец, чтобы окончательно прояснить смысл послания: «Все субсидии, каковые мы могли бы предоставить Вашему Величеству, обернутся из-за этого человека во вред стране, что подтверждается жалким опытом использования субсидий, за которые голосовал предыдущий парламент. Пока он вмешивается в дела государства, нет никакой надежды на то, что оно будет процветать»¹³⁵. Какую бы из сторон не принимать в этом конфликте, ясно одно – на этот раз общины явно перегнули палку. Это уже не ремонстрация, а ультиматум. Ни один монарх не потерпел бы подобного заявления от своих подданных. Итог закономерен - 15 июня 1626 г., после

четырёх месяцев заседаний, второй парламент нового правления был распущен, в отсутствии не только денег, но и надежд на новые поступления.

«Прежде всего Карл надеялся, что если в чём-либо ему откажет парламент, то всё это даст ему нация, - пишет С. Р. Гардинер, - в каждом графстве было объявлено воззвание о добровольном пожертвовании для продолжения войны. Но за небольшим исключением жители графств остались глухи к этой просьбе»¹³⁶. Карл отдал приказ о сборе «корабельных денег». Обитатели портов и приморских округов получили приказание выставить за свой счет вооруженные суда с экипажем. От жителей Лондона потребовали 20 кораблей. В своё время королева Елизавета для отражения испанской угрозы и то не требовала так много¹³⁷. Кроме всего прочего, Карлу Стюарту просто фатально не везло. Как раз в это время английское общество взбудоражила новость о сокрушительном поражении короля Дании от имперского полководца графа Тилли. Протестантский союз трещал по швам.

После недолгих размышлений Тайный совет решил, что крайняя срочность дела не позволяет обратиться к помощи парламента, и самым быстрым, удобным и разумным способом собрать нужную сумму будет всеобщий заем в размерах, соответствующих обложению английских подданных по последней субсидии, санкционированной парламентом. Каждый должен был внести именно ту сумму, которую заплатил бы, если бы парламентское постановление о субсидиях стало законом. Д. Юм приводит выдержку из секретной инструкции комиссарам, назначенным для сбора этого займа: «Если кто-либо откажется вносить деньги, станет чинить задержки, подыскивать оправдания или упорствовать, то они должны допросить его под присягой, дабы выяснить, не склонял ли его кто-нибудь к тому, чтобы отказаться давать займы и приводить оправдания для своего отказа. Кто с ним говорил, какие речи и убеждения использовал для этой цели»¹³⁸. Это уже откровенное вымогательство с требованием доноса. Затем, как будто еще мало было пороха в готовой взорваться бочке, Карл I столкнулся с новым внешнеполитическим осложнением. Он надеялся заключить союз с Францией против Габсбургов.

Но Франция не проявляла желания воевать за восстановление Рейнского пфальцграфства, в чем была заинтересована Англия. Между Парижем и Лондоном возникли также споры по поводу выполнения Карлом брачного договора с королевой Генриеттой-Марией. Отношения между двумя государствами обострил и гугенотский вопрос. Влиятельный французский министр кардинал Ришелье твердо вознамерился положить конец независимости гугенотов во Франции и в первую очередь покорить их морской порт Ларошель. Англичане, естественно, симпатизировали французским протестантам. Обе страны постепенно приближались к войне. В 1627 г. на подмогу ларошельцам отправились значительные силы под командованием Бэкингема. Высадившись на острове Ре, англичане предприняли неудачную попытку штурма крепости. По всеобщему мнению современников это был «неизгладимый позор для Англии»¹³⁹. Неудачная военная экспедиция сделала неизбежным созыв парламента. Он собрался 17 марта 1628 г. С самого начала стало ясно, что оппозиция будет иметь перевес в ходе дебатов. На скамьях Палаты общин собрались все знаменитые противники политической линии Карла I и Бэкингема - Эдвард Кок, Джон Элиот, Джон Гемпден¹⁴⁰, Джон Пим¹⁴¹ и Оливер Кромвель¹⁴². Трое последних впервые участвовали в заседаниях. Имея подобных ораторов, следовало ожидать бурной сессии. Карл совершил ошибку, задав агрессивный тон заседаниям в своей вступительной речи: «Милорды, господа, настало время действовать. Я надеюсь, что вы быстро примете хорошие решения, которые диктуются потребностями времени, и не погрязнете в бесполезных, а даже сказал бы опасных, дискуссиях... Вы знаете, каковы причины созыва парламента, осознаете грозящую нам опасность и необходимость новых кредитов. Именно потому, что я знаю, что созыв парламента – лучший путь для получения субсидий в беспокойные времена, я собрал вас здесь. Пусть каждый из вас действует в согласии с тем, что велит ему совесть.... Однако, если вы не исполните долга и откажете государству в том, что ему необходимо, это будет вопреки воле Божьей, и я буду вынужден прибегнуть к другим средствам, каковые Бог вложил в мои

руки. Не принимайте этих слов за угрозу, ибо я угрожаю только тем, кто мне равен. Считайте же мои слова предостережением со стороны человека, который, по природе своей, более всего заботится о вашем здравии и благосостоянии. И верьте: ничто не может быть для меня более приятным, нежели пребывать с вами в полной гармонии, на что я и уповаю»¹⁴³. Трудно было выразиться одновременно более туманно, более авторитарно и с большей уверенностью в своем праве. Лордам и депутатам потребовалась бы чрезмерная добрая воля – а ее у них не было вообще – чтобы удовлетвориться подобной речью. Конфликт, между короной и парламентом становится неизбежным и находит выражение в принятии парламентом Петиции о праве, вошедшей впоследствии в число основополагающих конституционных документов Англии.

Роль повода сыграл случай с пятью рыцарями, которые отказались от уплаты в государственную казну денежных сумм по принудительному займу, мотивируя свою позицию тем, что сбор был назначен без согласия парламента. 27 октября 1627 г. рыцари-отказники были заключены в тюрьму. Каждый из них немедленно подал прошение о выдаче приказа Habeas corpus. Такие приказы были выданы 3 ноября. Начальник тюрьмы должен был, в соответствии с данными приказами, доставить арестованных в Суд Королевской Скамьи и объяснить там причины их ареста. Будучи не в состоянии указать суду эти причины, он обратился за разъяснением в Тайный Совет. Оттуда пришел ответ, что рыцари арестованы «по специальному распоряжению Его Величества». На основании этого ответа Суд Королевской Скамьи вынес 27 ноября решение об отказе рыцарям в их освобождении из тюрьмы¹⁴⁴. В конце декабря 1627 г. Карл I распорядился освободить рыцарей из тюремного заключения. Спустя десять дней после открытия парламентской сессии был поднят вопрос о законности ареста вышеупомянутых пяти рыцарей. Один из парламентариев высказал мнение о том, что этот арест является прямым нарушением Великой хартии вольностей. Последовала дискуссия, которая фактически превратилась в обсуждение королевской прерогативы. В нижней Палате

английского парламента возобладало мнение о том, что такого правомочия у королевской власти нет ни по общему праву, ни на основании статутів. Единодушно были приняты четыре резолюции: ни один свободный человек не может быть задержан или заключен под стражу без предъявления законного основания для такого решения. Даже, если человек задержан или заключен под стражу по приказанию короля или Тайного совета, ему должно быть предоставлено предписание Habeas corpus, если законного основания для заключения под стражу не представлено, лицо должно быть освобождено или отпущено под поручительство. Каждый свободный человек наделен старинным и неоспоримым правом на полное и абсолютное владение собственностью, поэтому никакие налоги, займы и поборы не могут быть введены королем или его министрами без общего согласия, выраженного постановлением парламента¹⁴⁵. Эта резолюция была направлена в Палату лордов. Лорды на первый взгляд признали правоту нижней Палаты, но обратили внимание на пятый пункт ответной декларации, где содержалось особо примечательное заявление: «если же в целях защиты... король... найдет нужным задержать или подвергнуть заключению какое-либо лицо, то его просят милостиво объявить, что в удобное время он согласится и пожелает назвать причину тюремного заключения или ареста...»¹⁴⁶. Одно словосочетание – «в удобное время», сводило на нет весь смысл притязаний нижней Палаты. Приемлемым для Палаты общин был путь принятия специального закона, в котором бы подтверждались и разъяснялись статьи Великой хартии вольностей и шести статутів, принятых во времена правлений Эдуарда I¹⁴⁷ и Эдуарда III¹⁴⁸. Карл I обещал в начале апреля не препятствовать парламентариям на этом пути. Но вопреки своим словам, король всё же, как мог, тормозил процесс выработки и принятия документа. В своём послании к Палате общин он задавал вопрос: «Зачем требовать особых истолкований, если вы не сомневаетесь, что статуты остаются в силе и используются в соответствии со своим истинным смыслом? Истолкования лишь дают повод для опасных посягательств на прерогативу»¹⁴⁹. В ответ на это послание Палата общин приняла специальное обра-

щение к королю. В этом обращении говорилось о том, что нижняя Палата парламента полностью доверяет словам и обещанию Его Величества. Однако, заявляли парламентарии королю, поскольку министрами часто совершаются незаконные действия, то нет лучшего средства «вдохновить угнетенные души ваших преданных субъектов на бодрую поддержку Вашего Величества», чем принять закон об их правах и свободах. Палата общин напоминала королю о его обещаниях насчет этого закона и заверяла его в том, что парламентарии не имеют намерения вторгнуться в сферу его суверенитета и прерогативы и не желают исказить или реинтерпретировать действующее английское право¹⁵⁰.

По настоянию Кока парламент перешел далее к составлению Петиции о праве. Для выработки проекта Петиции, устраивающего обе Палаты парламента, был образован специальный комитет из членов Палаты общин и Палаты лордов в количестве 10 человек. 10 мая этот комитет завершил свою работу и представил проект петиции парламентариям для обсуждения. Для каждого вопроса Петиция устанавливает действующее право и правительственные злоупотребления и кончает законодательными пожеланиями, которые в представлении петиционеров сводятся к восстановлению старых вольностей. Петиционеры ссылаются на Великую хартию и статуты XIV в. и утверждают: «... Ни на кого не должны быть налагаемы повинности или налоги, именуемые добротным приношением или подобные им сборы; ваши подданные унаследовали ту свободу, что они не могут быть принуждаемы платить какой-либо налог, подать, сбор или другую подобную повинность, не установленную общим согласием в парламенте»¹⁵¹. Знаменитые слова тридцать девятой статьи Великой хартии вольностей: «ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения» - не только были полностью воспроизведены, но и дополнены: «Никто не может быть лишен своей собственности, или вольностей или доходов иначе, как по законному приговору равных ему или по закону страны»¹⁵². По справедливому замечанию М. А. Барга: «наряду с земельной собственностью была включена в

качестве неприкосновенной также собственность предпринимателей и купечества»¹⁵³. Составители Петиции упорно напоминали королю о том, что «никто не может быть присужден к смерти иначе, как по законам, установленным в вашем королевстве или по обычаям того же королевства или в силу актов парламента, и, с другой стороны, никакой преступник... не может быть изъят от установленного порядка судопроизводства и от наказаний, налагаемых законами и статутами этого королевства»¹⁵⁴. Пятая статья Петиции требовала непременно объяснять причину и предъявлять обвинение людям, заключённым под стражу, чтобы «они могли бы отвечать согласно закону»¹⁵⁵. «Карл долго не соглашался с этим пунктом Петиции, если причина ареста известна заключённому, то он всегда имеет возможность апеллировать к судьям... и тогда уже суд решает справедливо ли возведённое на него обвинение. Окончательное решение по государственным преступлениям таким образом перешло из рук короля в руки суда»¹⁵⁶. Следует добавить, что у короля были известные возможности повлиять на мнение судей. Ведь и Звёздная Палата и суд Верховной комиссии находились под непосредственным влиянием короля, и выносили приговор без участия присяжных. Даже обыкновенных судей назначал король. Поэтому закономерна следующая далее просьба - отказаться от практики наделения отдельных лиц полномочиями, которые могут использоваться затем для предания граждан смерти, что «противно законам и вольностям страны»¹⁵⁷. Последнее требование практически и было нацелено на отмену чрезвычайных судов.

Авторы Петиции не забыли также, какие неудобства пришлось им терпеть из-за останавливающихся на постой солдат: «вопреки законам и обычаям этого королевства... значительные отряды солдат и матросов были расставлены в различных графствах и обыватели были понуждаемы против своей воли принимать их в свои дома и давать им помещение»¹⁵⁸. В заключении все требования, изложенные в Петиции, кратко повторяются вновь, кроме того появляется просьба: «...чтобы Ваше Величество соблаговолили объявить, что решения, действия и меры, состоявшиеся в ущерб народу в каком-либо

из означенных пунктов, не могут иметь последствий для будущего или служить впредь примерами». Налицо стремление коммонеров не допустить, чтобы описанные в Петиции злоупотребления не воспринимались королём как прецедент, опираясь на который он мог бы отстаивать свои права. И ещё: «в вышеозначенных делах все ваши чиновники и должностные лица служили вам согласно с законами и статутами этого королевства»¹⁵⁹. Процесс обсуждения Петиции о праве в английском парламенте длился около трех недель. Временами он принимал весьма бурные формы. Лорды предприняли попытку добавить в текст Петиции статью, подтверждающую абсолютную прерогативу королевской власти — «суверенную власть» короля. Члены Палаты общин дружно и решительно выступили против включения этой статьи в содержание Петиции. Свой протест они мотивировали так: «посредством нашей Петиции мы желаем только того, чтобы наши особые права и свободы были подтверждены для нас и поэтому, нам не приличествует вообще упоминать в ней о «суверенной власти, совсем не касающейся предмета Петиции»¹⁶⁰.

Именно эти аргументы убедили лордов в нежелательности включения в Петицию статьи о «суверенной власти» короля. 26 мая Палата лордов согласилась принять Петицию без этой статьи. 2 июня 1628 г. Петиция о праве, одобренная обеими палатами английского парламента, была зачитана Карлу I. Карл, которому пришлось маневрировать, втайне проконсультировался с судьями, и те заверили короля, что даже его согласие принять эти положения никак не скажется на его монарших прерогативах. Не вполне убежденный в этом, 2 июня Карл дал парламенту весьма уклончивый ответ: «Король желает, чтобы суд вершился в согласии с законами и обычаями королевства, чтобы статуты строго исполнялись, чтобы его подданные не имели причин жаловаться на какие-либо притеснения и обиды, противные их законным свободам и правам, защищать которые он по совести почитает себя обязанным в такой же мере, как и собственную прерогативу»¹⁶¹. Недовольство охватило не только Палату общин, но и большую часть Палаты лордов. Как раз в это вре-

мя сдался последний английский отряд на немецкой территории. Отправившаяся на выручку к гугенотам эскадра вернулась в Англию, даже не посмев предложить бой неприятелю. Фактический отказ Карла утвердить Петицию стал последней каплей. Д. Элиот отвечает грозным обвинительным актом против правительства. Он говорит о позорных военных экспедициях последних лет, о финансовом кризисе, о распродаже коронного имущества, о неудачах протестантских союзников Англии, о крутом повороте во внешней политике, о религиозном лицемерии правительства, о насилии над подданными, о невежестве и продажности королевской администрации. Он видит родину в опасности, требует, чтобы парламент не ограничивался Петицией и обратился к королю с «ремонстрацией», в которой с полной откровенностью было бы изображено бедственное положение страны и доказана необходимость всесторонней реформы¹⁶². Король 5 июня велит Палате не трогать министров, забыть о ремонстрации, обсуждать субсидию. Элиот отрицает за королем право запрещать критику министерской деятельности. Вновь звучит требование судебного процесса над Бэкингемом. В этой накалённой до предела обстановке обе Палаты шлют королю депутацию с просьбой дать определенный ответ на Петицию о праве. Тогда король, явившись в Палату лордов, произнес: «Да будет это законом, как вы того желаете», - сохранив, однако, за собой путь к отступлению. «Теперь, - сказал Карл, - я сделал то, что от меня хотели. Если этот парламент не придет к верному заключению, грех будет на нем, не на мне». Общины, добившись желаемого, вотировали субсидии на сумму 350 тысяч фунтов. Теперь Карл мог не отказывать себе в удовольствии сказать всё, что он думает об утверждённой им Петиции: «Насколько она приемлема, может судить каждый. Качеств её я обсуждать не буду, ибо уверен, что не один разумный человек не может её оправдать».

Оценка Петиции о праве 1628 г. в историографии неоднозначна. Ряд исследователей сравнивает ее с Великой хартией вольностей. Д. Юм писал в свое время: «Можно без преувеличения утверждать, что согласие короля на Петицию о праве произвело в системе правления перемены, почти равно-

сильные революции, и что ограничение в столь многих пунктах монаршей прерогативы создавало дополнительные гарантии для прав и свобод подданных». С. Р. Гардинер, хотя и утверждал, что «этот акт был только началом великой перемены», но настаивал, что Петиция о праве «достойна особого внимания, как первый акт, уясняющий, какую чрезвычайную власть захватили себе Тюдоры, передав её затем Стюартам. По мнению других историков, Петиция о праве 1628 г. сыграла весьма скромную роль в политическом развитии Англии. А. Н. Савин в лекциях по истории английской революции отмечал, что «Петиция стояла на зыбкой исторической почве», что она «далеко не покрывала всей области, которая была предметом политического спора между правительством и парламентом». Его английский коллега Б. Говард писал, характеризуя петицию: «Петиция о праве составляет одну из вех в конституционном развитии Англии. Однако непосредственно она имела малое значение». На наш взгляд, оценка принятия Петиции о праве как события, имевшего революционное значение, весьма сомнительна, она не соответствует реальному положению дел. Однако вряд ли правильным будет и преуменьшать политическую и правовую роль данного документа в английской истории XVII в. Петиция о праве сыграла определенную роль в правовом развитии Англии. Она стала знаменем борьбы против произвола государственной власти - фактором, формирующим правосознание английского общества. И всё же Петиция о праве и впрямь была разработана недостаточно чётко. В толковании Петиции вскрываются глубокие разногласия между королем и парламентом. Общины были убеждены, что петиция отняла у короля право взимать таможенные пошлины, без согласия парламента. Король утверждает: «Я не давал согласия на что либо новое, но лишь подтвердил старые вольности моих подданных». Самое интересное, что в этом споре в какой-то мере правы обе стороны. В эпоху средневековья право взимания потонного и пофунтового сборов предоставлялось парламентом монарху, как правило, лишь на определенный срок. Однако Генрих V и все последующие государи пользовались им пожизненно, чтобы иметь возможность содержать

флот. Генриху VIII парламент предоставил потонную и пофунтовую пошлину только на шестом году его царствования, однако, все это время он взимал указанные сборы. За истёкший срок английские короли привыкли считать право взимания потонного и пофунтового сбора своей прерогативой. Загвоздка заключалась в том, что раньше этот налог вотировал парламент и, согласно формальному смыслу каждого билля, предоставляющего королю эти пошлины, единственным источником потонного и пофунтового сборов являлся добровольный дар народа, а это значит, что народ мог взять его обратно по своему желанию. Очевидно, общины осознали, что, учитывая неясности, связанные с этим сбором, следовало оговорить его отдельным пунктом. Они готовят второй документ. Как только сведения об этом доходят до короля, он 26 июня спешно перерывает сессию: «Это сопряжено для меня с таким ущербом, что я вынужден положить конец этой сессии...не желая больше получать ремонстраций на которые я должен давать резкий ответ», - говорит Карл – «что же касается потонного и пофунтового сбора, я не могу без него обойтись, вы никогда не намеревались о том просить и я никогда не давал основания думать, что я на это соглашусь». Парламент распустили до осени, но он собрался лишь 20 января 1629 г. В перерыв между первой и второй сессией парламента случилось событие, которое обострило конфликт. 23 августа 1628 г. один офицер, Фельтон, убил Бэкингема в Портсмуте, когда он готовился плыть на выручку к гугенотам. Пока герцог был жив, он «оттягивал» недовольство от королевской персоны на себя. Но теперь, когда Ла-Рошель сдалась французскому правительству, бремя непопулярности Карлу приходилось выносить одному. Обнаружилась связь между правительственной политикой и личностью монарха. В 1629 г. общины сталкиваются лицом к лицу не с временщиком, а с самим королем, и разрыв наступает очень скоро. В короткой сессии 1629 г. очень много места в прениях заняли религиозные дела. Уже при Якове I в господствующей англиканской церкви противоборствовали сторонники «высокой» (арминиане) и «низкой» (кальвинисты) церкви. Английские последователи голландского теолога Якоба Арминия,

высказывавшего сомнение в идее божественного предопределения, обращали внимание на обрядовую сторону, стремились вернуть богослужениям пышность, яркость и красоту. Кальвинисты считали, что в таком случае доктрина и порядок богослужения ничем не будут отличаться от «папистского». Во время своего правления Яков I последовательно стремился не допускать перевеса какого-либо из этих течений и старался уравновесить их влияние в епископате. Напротив, Карл оказался неспособным к проведению сбалансированной политики: уже в 1625 г. он прямо взял под покровительство проповедника Ричарда Монтэгу, чей трактат опровергал всеобщую распространённость учения англиканской церкви и поэтому вызвал критику в парламенте. По мнению членов Палаты, единство веры должно служить краеугольным камнем единству национальному. Мнения, не согласные с теми которые господствовали в стране при последнем поколении, не должны распространяться в Англии, если только Палата общин может воспрепятствовать их распространению. Карл выдвигал на главные позиции в церкви Уильяма Лода, в итоге сделав его архиепископом Кентерберийским. Стремление к единству веры имело не только теологическую подоплеку. Монтэгу и его единомышленники приняли сторону короля. Они проповедовали, что верноподданные обязаны уплатить сбор принудительного займа, а Роджер Манверинг произнес проповедь, в которой значение парламента сводится к нулю. «Уже к 1629 г. во главе церковной иерархии находились исключительно арминиане», – утверждает А. Соколов. Поражает удивительная политическая недалёкость короля. Карл вел дело к возникновению двух враждебных религиозных лагерей, совсем не намеревавшихся мириться друг с другом. В довершении всего, король публикует декларацию, которая была призвана успокаивающе подействовать на общественное мнение. Он заявляет, что его долг «не допускать, чтобы возбуждались излишние вопросы, способные только поддерживать смуту в церкви и в государстве. Артикулы потому должны пониматься в их буквальном смысле, и никто не должен истолковывать их или комментировать их значение по своему пониманию». Административная

власть в церкви признается только за королем, а право толкования вероучения - только за прелатами. Эта декларация, напротив, вызвала гнев оппозиции. В парламенте прямо говорят, что епископы мечтают о кардинальском наряде и коварно готовят реставрацию папизма. Общины, пытаясь выйти из затруднения, заявили о своем желании остаться при вере отцов. 29 января принята знаменитая резолюция: «Мы принимаем за истину то толкование «39 статей», которое было установлено публичными актами церкви и единомыслием учителей, мы отвергаем иезуитское и арминианское толкование». Элиот добавляет, что все коммонеры принимают за истину ламбесские статьи, предлагает считать их единственно верными и учинить следствие над подозреваемыми в арминианстве клириками. Незадолго до разгона парламентский комитет по религиозным делам вырабатывает резолюции, в которых изображает бедственное состояние церкви и указывает меры для ее спасения.

Религиозные разногласия между короной и парламентом осложнились возобновлением спора о потонном и пофунтовом сборе. Карл понимал – этой темы не избежать, и потому уведомил общины: «Я придаю потонному и пофунтовому сбору значение дара моего народа. И мое намерение состоит в том, чтобы рассматривать его не как право, но как *debeneesse*, показывая вам необходимость, а не право, посредством чего я взимаю его до тех пор, пока вы его мне не предоставите, уверяя себя в соответствии с вашими общими заявлениями в том, что вам нужно время, но не желание, чтобы дать его мне». Итак, король по-прежнему уверен в своей правоте, но вместе с тем в его речи слышатся примирительные нотки. Он делает акцент не на своей прерогативе, а на государственной необходимости и всё ещё надеется на сотрудничество. Затея на тот момент абсолютно бесперспективная. И дело не только в принятой Петиции о праве. Вопрос о сборах обсуждался после прений по религиозной политике и общины уже изрядно раздражены. «Предоставить эти пошлины королю казалось равносильным тому, что давать ему в руки оружие для повержения англиканской церкви к ногам папы». Дело

осложнялось ещё одним субъективным обстоятельством. Последний товар, на который наложили арест за отказ купца платить пошлину, принадлежал одному из членов Палаты общин. Коммонеры сочли своим долгом вступить за товарища, увидев в этом прекрасный повод, чтобы заявить о нарушении своих привилегий - несмотря на то, что арест на товары был наложен в тот период, когда парламент не заседал. Да и под замок заперли не члена Палаты, так что в этом смысле Карл закона не переступил. В ответ на возмущение общин действиями судей монарх разъясняет, что чиновники выполняли его распоряжение и отсрочивает заседания на несколько дней, до 2 марта, чтобы дать улечься страстям. Но страсти разыгрались еще больше. Д. Элиот подготовил ремонстрацию против взимания потонного и пофунтового сборов без согласия парламента и предложил клерку ее прочесть. Последовал отказ, и он зачитал ее сам. Когда же коммонеры потребовали пустить ремонстрацию на голоса, спикер сообщил, что у него имеется приказ короля не проводить никаких голосований и объявить перерыв в работе сессии. Были все основания опасаться, что эта акция приведет к роспуску парламента. Поэтому в тот момент, когда спикер Палаты общин поднялся со своего места и направился к выходу, два члена палаты подбежали к нему и силой водворили его на место - без спикера Палата заседать не правомочна. В спешном порядке была составлена новая короткая декларация. Положения её настолько ясны, что не нуждаются в толковании. «Всякий, кто будет советовать или поощрять наложение и получение дотаций потонного и пофунтового сбора, не разрешенных парламентом, или будет принимать в этом участие и содействовать этому, также будет считаться виновником нововведений в порядке управления и смертельным врагом короля и государства». В предатели «вольностей Англии» записывали и тех, кто «будет добровольно производить или уплачивать указанные дотации потонного и пофунтового сбора, не разрешенные парламентом». Не обошли в декларации и религию: «Всякий, кто будет вносить в религию какое-либо новшество или путем потворства и поддержки будет содействовать распространению и введению папизма и арминианства

или каких-либо иных мнений, противоречащих учению истинной и ортодоксальной церкви, будет считаться смертельным врагом короля и государства». Без обсуждения Палата единогласно приняла эти предложения, и ее члены покинули зал заседаний. У двери их встретил вооруженный отряд, посланный королем для разгона Палаты. Парламент был тотчас распущен. 10 марта Карл, выступая Палате лордов, сказал, что «...единственная причина этого - возмутительное поведение нижней Палаты». Что касается пэров, то Карл уверял их в своём расположении и обещал: «вы можете рассчитывать на всякое покровительство и милость, какую добрый король должен оказывать своему верному дворянству». На следующий день от имени короля вышло объявление, которое окончательно расставило точки над «i»: «Его Величество... не питает ни малейшего отвращения к парламентам; но... будет считать за личное оскорбление всякие речи, всякие поступки, клонящиеся к тому, чтобы предписывать ему какой бы то ни было определенный срок для созыва новых парламентов». Это был окончательный разрыв короны и парламента. Следующие 11 лет вошли в историю, как беспарламентское правление. На самом деле разгон парламента 1629 г – это крупное политическое поражение короля, поскольку произошедшее показало его неспособность договариваться с подданными и поддерживать систему, которая столько лет обеспечивала стабильность в Англии. Однако в начале этого пути Карлу наверняка казалось, что он выиграл сражение. Ряды политической оппозиции поредели: в 1633 г. в Тауэре умер Д. Элиот, в том же году скончался Э. Кок. Видный деятель оппозиции Томас Вентворт перешел на сторону короля, став его ближайшим советником. Заключив мир с Испанией и Францией, корона не финансировала никаких заморских предприятий и шла на всяческие ухищрения, чтобы обходиться минимальными доходами от налогов, вотированных парламентом ранее. Самое сильное возмущение вызвал налог на содержание флота, который теперь платили не только жители прибрежных графств, но и все жители Англии. В связи с этим на политической сцене появляется человек, ставший настоящим злым гением короля Карла – У. Лод, архиепископ Кентерберий-

ский. Он возродил практику строгого соблюдения елизаветинских статутов о воскресном дне. Судьи штрафовали на 1 шиллинг за каждое неповиновение. Агитация в пользу парламента, которая все эти годы велась со значительными трудностями, с введением штрафов резко усилилась, и ряды оппозиции сплотились.

Необдуманная религиозная политика в Ирландии и Шотландии, так же привела к возникновению опасных очагов сопротивления королевской власти. В качестве лорда - наместника Ирландии Страффорд, еще один объект постоянной критики парламентариев, хотел добиться «единообразия веры» по английскому образцу. С этой целью он распространил на Ирландию действие суда Высокой комиссии, задачей которого было не столько насаждение протестантизма, сколько взимание штрафов с католиков, чтобы уменьшить дефицит лондонской казны. Этой же задаче отвечало требование принесения присяги королю как главе церкви. Неуплата штрафов или отказ от присяги грозили земельными конфискациями. Наконец, он создал в Ирландии постоянные вооруженные силы. В целом политика Страффорда ускорила взрыв ирландского восстания 1641г., ставшего прелюдией гражданской войны в Англии.

Введение англиканского молитвенника в пресвитерианской Шотландии привело к Ковенанту и англо-шотландской войне, в которой королевские силы потерпели поражение. Военные неудачи и недостаток средств вынудили Карла, наконец, созвать парламент. Корона сразу потребовала субсидий, после чего была готова рассматривать жалобы депутатов. Пим в своей речи заявил, что обсуждать субсидии на войну можно только после того, как будут удовлетворены требования Палаты. Когда стало известно, что депутаты намерены поставить вопрос о шотландской политике короля, он распустил этот парламент, заседавший всего две недели. Однако новые поражения и вторжение шотландской армии в Северную Англию сделали неизбежным созыв очередного парламента. Необходимость вновь и вновь созывать непо-

корный парламент была вызвана не только экономическими проблемами, но и всем ходом развития этого сугубо английского института.

Анализ истории развития конфликта между короной и парламентом в первой половине XVII века позволяет определить вектор политического и социального развития страны на века вперед, пожалуй, в большей степени, чем рассмотрение событий собственно революции. Пристальное внимание исследователей именно к периоду этого сильнейшего в истории Англии социального взрыва оправдано и объяснимо, однако, недостаточное внимание, причем как в английской, так и в российской историографии, к периоду правления ранних Стюартов, рассмотрение этого времени только в контексте последующих революционных событий представляется неактуальным и несоответствующим современной исторической парадигме. Последующие события и процессы - одиннадцатилетняя цезура в парламентской деятельности, английская буржуазная революция, период действия которой – 1640-1653гг. – совпадает с периодом действия самого известного в английской истории парламента, получившего названия «Долгого» - не могут быть вписаны в общеисторический контекст и даже правильно интерпретированы без осмысления предшествующего периода. Основные положения документов революции, и, прежде всего, «Великой Ремонстрации» 1641г. были опубликованы и апробированы в парламентских документах и общественно-политической полемике исследуемого периода. Роль короля постепенно и неуклонно минимизируется, и последнее решение парламента, касающееся Карла I Стюарта – решение о его казни, которая состоялась 30 января 1649 г. Судьбу монархии разделила и Палата лордов. Пример Карла I напоминает, что отсутствие гибкости и желания договариваться, однозначная уверенность в правильности своих принципов может быть пагубна и для политика, и для целой страны. Спустя три с половиной месяца после казни Карла I 19 мая 1649 г. Англия стала республикой. Заметим – ненадолго, через 11 лет на английский престол был приглашен сын казненного короля Карл II Стюарт, однако реставрацию монархии в 1660 г. не следует воспринимать как пораже-

ние тех идей, за которые боролся парламент. Стюарты санкционировали основные завоевания революции, подготовленные и обоснованные всем ходом исторического развития Англии.

Заключение.

Первая половина XVII века - это не только период складывания предпосылок Английской революции. Это самостоятельная эпоха, можно сказать, не имеющая аналога в истории Англии. Сам факт восшествия шотландского короля на английский престол является достаточно необычным явлением в политической жизни Англии, учитывая многовековую историю напряженных взаимоотношений Англии и Шотландии.

Данный период отмечен интенсивным развитием и укреплением капиталистического уклада в жизни Англии, что проявилось не столько изменениями в области техники и технологии, сколько организационными и структурными сдвигами. Благодаря «новым производствам» капиталистические отношения окрепли во многих отраслях: производно пороха, оружия, стекла и хлопчатобумажных тканей. Там большее распространение получила мануфактура, наёмный труд, накапливались капиталы. С развитием мануфактурного производства значительно шагнула вперёд добыча каменного угля, свинца, олова, меди, соли и т. д. Производство шерсти продолжает лидировать в английской промышленности. Высокий потенциал капиталистического уклада определялся и особенностями экономического развития Англии: тесным сращиванием капиталов и единством предпринимательской деятельности в аграрной сфере, производстве и торговле. Определённые препоны для развития Англии создавали тесные рамки цехового и государственного регулирования, система отживших феодальных повинностей и монополий. Борьба с ними, и, как следствие, с институтом абсолютной монархии, стала важным этапом в установлении капиталистических отношений. Значитель-

ную роль в этом процессе сыграли особенности социальной структуры Англии. Относительная открытость и отсутствие чётких границ между сословиями открывали доступ в высшие слои любому, кто приобретал состояние, достаточное для поддержания соответствующего образа жизни. В общественной атмосфере тюдоровской и стюартовской Англии был высок престиж деловой активности и материального благополучия, что способствовало формированию общих интересов у нового дворянства и буржуазии. На фоне упадка сословий феодального общества – «старого дворянства», мелких производителей - крестьян и ремесленников - возросла роль буржуазии и нового дворянства.

Изменения коснулись не только экономической и социальной стороны жизни английского общества, но проникли и в сферу идеологии. Пошатнулась монополия религиозного мировоззрения и единомыслия. Светская идеология, представленная трудами выдающихся ученых и мыслителей, существенно расширила границы познания и изменила представления о мире и человеке, благодаря чему были заново определены основания естественных дисциплин, исторических, политических, философских систем – произошла научная революция. В церковно-государственных отношениях, в личностном восприятии религиозных проблем произошли серьезные перемены, прежде всего как следствие Реформации. В результате реформационных преобразований оформилась национальная церковь, получившая название англиканской. Присвоение королю титула «Верховного главы церкви» сыграло немалую роль в усилении абсолютной монархии, разрешило многие политические проблемы. В то же время реформированная церковь придерживалась более либеральных позиций, что способствовало появлению различных мнений внутри самой церкви. Так возник пуританизм. Именно в пуританской среде часто черпали вдохновение представители парламентской оппозиции в своем нарастающем конфликте с короной, который ярко проявился в начале XVII в. Яков I Стюарт не имел опыта общения с парламентом. Этот политический институт плохо укладывался в систему мировоззрения короля. Яков - убеж-

денный поклонник абсолютистских доктрин, которые он изложил в политических трактатах – «Истинный закон свободных монархий» и «Царский дар». В сочинениях Якова обоснование доктрины божественного права королей уравнивается дельными практическими советами, следуя которым можно избежать крайностей. В «Истинном законе» преимущественно обсуждаются ошибки подданных, а «Царский дар» посвящен долгу правителя и критике злоупотреблений с его стороны. Свобода монарха в «Истинном законе» подкрепляется идеалом умеренности в «Царском даре», верность подданных согласуется с заботой государя о народе, тема непротивления и незаконности восстания против короля дополняется предостережением о недопустимости тирании. Трактаты Якова не нашли отклика в современной ему Англии, особенно среди парламентариев, поскольку для Якова парламентские свободы — продолжение его прерогативы, которая была Божественным даром. По его мнению, все привилегии были дарованы коммонерам именно королём, либо его предшественниками. Члены парламента имели на эту проблему собственный, отличающийся от королевского взгляд. Согласно их представлениям, парламентские свободы - это наследие, оставленное им предками. Они не только не имеют права потерять, но обязаны сделать все, чтобы вернуть те привилегии, которые были утеряны в предыдущие столетия.

Независимо от того, какую роль в управлении страной отводил король парламенту, на практике без помощи парламента корона не могла реализовать свои планы. Примером этого является проблема англо-шотландского объединения, так до конца и не решённая первыми Стюартами. Показатель того, как резко разошлись интересы власти и нижней палаты парламента - Апология Палаты общин. Коммонеры отстаивают свои привилегии (свободу слова, депутатскую неприкосновенность во время работы парламента); указывают, что изданные ими законы – основной источник права в Англии. Король может править только совместно с двумя палатами парламента, лишь это единство обеспечивает наличие в стране верховного органа, без которого невозможно законное управление. Апология также содержала экономиче-

скую программу её составителей, касалась и религиозных вопросов. Проблемы, поставленные составителями Апологии, актуальны в течение всей первой половины XVII в. Прежде всего, это экономические проблемы. Обсуждение одних и тех же вопросов (упразднения права опеки и других повинностей, связанных с этой опекой и держаниями на правах рыцарской службы, право взимания импозиций и вопрос о монополиях) свидетельствует как об изменении характера взаимоотношений короля и парламента, так и об углублении проблемы как результат политики короны. Причём монарху всё чаще приходилось сдавать свои позиции. В 1621г. был принят Акт против монополий и возрождена процедура импичмента, что стало знаменательным событием для парламентской практики XVII века.

Религиозная тема, так или иначе, затрагивалась в каждом из яковитских парламентов. Несмотря на то, что короля настораживали любые радикальные религиозные идеи (конференция в Геммтон-корте, где он явно выказал своё неприятие пуритан), Якова обвиняли в излишней лояльности к католикам. Коммонеры приняли два штрафных закона, которые в общих чертах соответствовали штрафным законам Елизаветы против рекузантов. Оппозиция стремилась ограничить влияние короля на церковную политику.

Единственной темой для дебатов, которая исходила короля, было вотиrowание субсидий, предназначенных для пополнения королевской казны. Именно финансовая зависимость от Палаты общин не позволяла королю отказать от многих устаревших прерогатив короны, так раздражавших его подданных. Эта же причина вызывала необходимость созыва парламента. Сознавая финансовые трудности короны, парламентарии, в свою очередь, увеличивали свои требования и нарушали границы королевской прерогативы (в 1621г прозвучала критика происпанской внешней политики Якова и требование вооруженного вмешательства в Тридцатилетнюю войну). В 1624 г. Яков уже был готов к компромиссу и серьезным уступкам в области королевской прерогативы. В текст билля о субсидиях были вписаны четыре ассигнационные статьи, содержавшие условие предоставления субсидии - вы-

ход в море военного флота для противостояния с Испанией. Этот факт говорит о поражении короля в противоборстве с парламентом.

Карл I Стюарт унаследовал все проблемы предыдущего царствования. Кроме того, как правитель, Карл резко отличался от своего предшественника. Он не был учёным и политическим мыслителем, как его отец, но не меньше верил, что королевская власть от Бога. Яков мог сомневаться в собственных решениях, отменять те, что оказались непопулярными. Карл, напротив не терпел критики, был плохим переговорщиком и в отношениях с парламентом проявлял куда меньше гибкости, чем его отец. Если Яков тяготел к миролюбию, и, вопреки желаниям парламента, избегал боевых действий, то Карл, побуждаемый обстоятельствами, вступил войну с Испанией и, не завершив ее, начал боевые действия против Франции. Именно эти войны побуждали Карла требовать денег от парламента, и то, что уже первый парламент крайне неохотно реагировал на такое требование, вызвало раздражение короля. Второй парламент был распущен, когда в нём прозвучало требование судить Бэкингема. Близость Бэкингема к Карлу I была ещё одним фактором, предопределившим быстрое отчуждение между королём и подданными. Не имея средств, Карл решился на принудительные займы и сборы таможенных пошлин, что оказалось действенной мерой, но вызвало сопротивление в парламенте. Религиозная политика монарха также вызывала недовольство парламентариев. Карл возвысил сторонников «высокой церкви», что не отвечало интересам значительной части английского общества. Парламентская оппозиция пыталась разрешить конфликт правовым путём, сформулировав свои требования в Петиции о праве. Члены парламента потребовали от короля гарантии ряда личных и имущественных прав, вновь ссылаясь на древние вольности королевства. Всё это очень напоминает ситуацию с Апологией Палаты общин, только теперь парламент осознал свою силу. Пользуясь финансовой зависимостью монарха, парламент мог диктовать королю свою волю. Доказательством служит то, что король был вынужден утвердить Петицию о праве. Факт появления Декларации протеста Палаты общин, и после-

дующий роспуск парламента говорит об утрате королём контроля над ситуацией. Состояние политической системы Англии, в сочетании с условиями, создавшимися в ходе социально-экономического развития английского общества, были в этот период такими, что любая политическая линия монарха приводила к конфликту короны и парламента. Для дальнейшего развития Англии требовалось подчинить политику государства интересам новых классов английского общества, которые способствовали продвижению Англии по пути капиталистического развития. Для этого было необходимо не только сохранение, но и расширение политической роли парламента. Поскольку король не желал добровольно поступаться своими прерогативами, то решить проблему можно было только насильственным путём, на который и вступила Англия с началом революции.

Список использованных источников и литературы

Список использованных источников

1. The Trew Law of Free Monarchies: or, The Reciproock and MvtvallDuetie betwixt a Free King, and His Naturall Subjects. London, 1603 / The Political Works of James I llB,d. by C.H. McIlwain. New York, 1965. — P. 191-210.
2. BasilikonDoron: or. His Maiesties Instructions to His Dearest Sonne, Henry the Prince.London, 1603. / The Political Works of James I llB,d. by C.H. McIlwain. New York, 1965. — P. 137-189.
3. ASpeech, As It Was Delivered In The Upper Hovse of The Parliament To TheLordsSpiritvall And Temporall, And To The Knights, Citizens And Bur-gesses There Assembled, On Mvnday The XIX. Day Of March 1603. Being The First Day Of The First Parliament. / ЭцинаЕ. И. Идеино-политическиеосновыраннестюартовскоймонархии: дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2006. — С. 107-117.
4. 4 Апология Палаты общин // Новая история стран Европы и Америки XVII-XVIII вв. под ред. Н. А. Смирновой, Г. Г. Губсковой, Л. Т. Жайбалиевой. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. — С. 21-25.
5. 5 Вильсон Т. Государство Англия в 1600 году / Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 69-80.
6. 6 Декларация протеста Палаты общин. // Новая история стран Европы и Америки XVII-XVIII вв. под ред. Н. А. Смирновой, Г. Г. Губсковой, Л. Т. Жайбалиевой. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. — С. 32.

7. 7 Петиция о праве // Законодательство английской революции 1640-1660. Отв. ред. Е. А. Косминский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 22-24.
8. 8 Речь короля при роспуске парламента в конце сессии // Новая история стран Европы и Америки XVII-XVIII вв. под ред. Н. А. Смирновой, Г. Г. Губсковой, Л. Т. Жайбалиевой. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – С. 31.
9. 9 Речь короля при созыве парламента 6 Февраля 1626 г. / Дюсен М. Герцог Бекингем. М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 232.
10. 10 Речь короля при созыве парламента 17 марта 1628г. / Дюсен М. Герцог Бекингем. М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 280.

Список использованной литературы

1. 1 Александрова, С. П. Возрождение права Палаты общин на импичмент как попытка установить контроль над исполнительной властью / С. П. Александрова // Правоведение. — 2005. — № 6. — С. 180-195.
2. 2 Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. / под ред. Е. А. Косминского. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 880 с.
3. 3 Англия XIV-XVII вв. Проблемы генезиса капитализма: сб. ст. / Воробьева Е. Д., Лукьянов В. В. Некоторые вопросы из истории политической борьбы в Англии в начале XVII века. Горький: Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 1974. — С. 3-21.
4. 4 Барг, М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. — М.: Мысль, 1991. — 397 с. — ISBN 5-244-00418-2.
5. 5 Барг, М. А. Народные низы в Английской буржуазной революции / М. А. Барг. — М.: Мысль, 1967. — 425 с.
6. 6 Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. — М.: Мысль, 1991. — 354.
7. 7 Библия. — М.: Российское библейское общество, 2008. — 927 с. — ISBN 978-5-85524-293 -5.

8. 8 Брандт, М. Ю. Парламентские дебаты по вопросу объединения Англии и Шотландии в начале XVII века / М. Ю. Брандт. // Средние Века. – 1989. – выпуск 52. – С. 115-129.
9. 9 Винокурова, М. В. Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI - начала XVII века / М. В. Винокурова — М.: Наука, 2004. — 493 с. — ISBN 5-02-009813-2 .
- 10.10 Гардинер, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603-1660 / С. Р. Гардинер. — М.: Государственная публичная библиотека России, 2008. — 192 с. — ISBN 978-5-85209-217-5.
- 11.11 Гизо, Ф. История Английской революции: в 2 т. / Ф. Гизо. – М.: Феникс, 1996. – Т. 1. – 480 с. — ISBN: 85880-123-4.
- 12.12 Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / Т.Н. Грановский. — М.: Мысль, 1986. — 211 с.
- 13.13 Грин, Д. История Англии и Английского народа / Д. Грин. – М.: Куликово поле, 2005. – 750 с. — ISBN – 5-86090-093-7.
- 14.14 Дмитриева, О. В. Елизавета I, Семь портретов королевы / О.В. Дмитриева. – М.: Янус-К, 1998. – 246 с. — ISBN 5-86218-336-1.
- 15.15 Дмитриева, О. В. Елизавета Тюдор / О.В. Дмитриева. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 310 с. – ISBN: 978-5-235-03550-8.
- 16.16 Дмитриева, О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. / О.В. Дмитриева. – М.: МГУ. 1990. – 95 с.
- 17.17 Дюшен, М. Герцог Бекингем. / М. Дюшен; пер. с франц. Э. М. Драйтовой. — М.: Молодая гвардия, 2007. – 327 с. – SBN: 978-5-235-03042-8.
- 18.18 Егер, О. Всемирная история: Новая история: в 4 т. / О. Егер. – М.: АСТ, 2001. – Т. 3 –560 с. – SBN: 5-17-009295-4, 5-89173-071-5.
- 19.19 Каменецкий, Б. А. Идеиная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI - начало XVII в.). Политико-юридический аспект / Б. А. Каменецкий. // Средние Века. – 1980. – Выпуск 43. – С. 162-190.
- 20.20 Кириллин, В. А. Страницы истории науки и техники / В. А. Кириллин. – М.: Наука, 1986. – 512 с.

- 21.21 Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму: в 3 т. / М.М. Ковалевский. – М. : Из-во. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. – Т. 2 – 492 с.
- 22.22 Кондратьев, С. В. Идея права в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1996. – 192 с. – ISBN 978-5-486-01115-3.
- 23.23 Кондратьев, С. В. Юристы в предреволюционной Англии (Политические и правовые воззрения) / С. В. Кондратьев. – Шадринск: Исеть, 1993. – 125 с. – ISBN 5-7142-0034-9.
- 24.24 Кудрявцев, А. Е. Великая английская революция / А. Е. Кудрявцев. – Л.: Прибой, 1925 – 233 с.
- 25.25 Кузнецов, КА. Английская Палата общин при Тюдорах и Стюартах / КА. Кузнецов. – Одесса: Б.И., 1915. – 405 с.
- 26.26 Кузнецов, К.А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV-XVII веков) / КА. Кузнецов. – Владивосток: Издание и печать Восточного Института, 1913. – 214 с.
- 27.27 Лабутина, Т. Л. Английская революция и интеллектуальное развитие общества в середине XVII / Т. Л. Лабутина // Вопросы истории. – 2006. – № 4. – С. 111-124.
- 28.28 Лавровский, В. М. Английская буржуазная революция / В. М. Лавровский, М. А. Барг. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1958. – 365 с. – ISBN 978-5-458-27649-8.
- 29.29 Левин, Г. Р. Очерки истории Англии. Средние века и новое время / Г. Р. Левин. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 1959. – 355 с.
- 30.30 Лосев, И. Ю. Англо-индийские торговые и политические отношения в 1600 – 1630 гг. / И. Ю. Лосев // Вопросы истории. – 2003. – № 5. – С. 46-60.
- 31.31 Льюис-Стемпл, Д. Англия. Автобиография / Д. Льюис-Стемпл. – М.: Эксмо, 2008. – 624 с. – ISBN978-5-699-26855-9 .

- 32.32 Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 — 2230 с.
- 33.33 Моррилл Д. Стюарты (1603-1688) / Д. Моррилл // История Великобритании: под ред. Кеннета О Моргана. – М.: Весь мир, 2008. – Разд. 6. – С. 191-227.
- 34.34 Мортон, А. Л. История Англии / А. Л. Мортон. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 462 с.
- 35.35 Очерки социально-экономической, политической истории Англии и Франции XIII – XVII вв. / под ред. В. Ф. Семенова. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1960. – 235 с.
- 36.36 Репина, Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с. – ISBN: 978-5-358-05369-4.
- 37.37 Савин, А. Н. Лекции по истории английской революции / А. Н. Савин. – М.: Академия Наук СССР, 1960. – 388 с. – ISBN 978-5-458-39503-8.
- 38.38 Савченков, Р. В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года) дис.... канд. ист. наук / Р. В. Савченков. – СПб., 2011. –213 с.
- 39.39 Сапрыкин Ю. М. О Некоторых вопросах английской революции / Ю. М. Сапрыкин. // Средние Века. – 1953. – выпуск 4 – С. 355-370.
- 40.40 Семенов, В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. / В. Ф. Семенов. – М-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 369 с.
- 41.41 Сербинович, Л. Ю. Джеймс I Стюарт (1603-1625гг.) и парламентская оппозиция в Англии..... дис. канд. ист. наук / Л. Ю. Сербинович. – Ростов на Дону, 2003. – 216 с.
- 42.42 Смирнова, Н. А. Реформация в Англии / Н. А. Смирнова. – Оренбург: Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2011. — 226 с. — ISBN 978-5- 699-18159-9.
- 43.43 Соколов, А. Б. Карл I Стюарт / А. Б. Соколов // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 76-86.
- 44.44 Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – М.: Крон-Пресс, 1995. — 448 с. — ISBN 5-232-00228-7.

- 45.45 Татаринова, К. Н. Очерки по истории Англии / К. Н. Татаринова. – М.: ИМО, 1960. – 455 с.
- 46.46 Томсинов, В. А. Начало революции. Дело графа Страффорда. Законодательная деятельность «Долгого парламента» в феврале-августе 1641г. / В. А. Томсинов // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. – 2001 – №5. – С. 17-56.
- 47.47 Томсинов, В. А. Юридические аспекты политической борьбы в Англии в первые десятилетия XVII в. / В. А. Томсинов // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. – 2001 – №3. – С. 3-46.
- 48.48 Тревельян, Д. Ж. Социальная история Англии / Д. Ж. Тревельян. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 590 с.
- 49.49 Хил, К. Английская библия и революция XVII века / К. Хил. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1998. – 489 с. – ISBN 978-5-201-00493-4.
- 50.50 Хил, К. Английская революция XVII века / К. Хил. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1947. – 480 с.
- 51.51 Хорошев, А. В. Карл I и Парламент / А. В. Хорошев // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 172-194.
- 52.52 Черчилль, У. Британия в Новое время (XVI-XVII вв.) / У. Черчилль. – Смоленск: Русич, 2006. – 416 с. – ISBN 5-8138-0601-6.
- 53.53 Штокмар, В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В. В. Штокмар. – Л.: Наука, 1969. – 479 с.
- 54.54 Эцина Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии: дис. ... канд. ист. наук / Е. И. Эцина. – СПб, 2006. – 151 с.
- 55.55 Юм, Д. Англия под властью дома Стюартов: в 2 т. / Д. Юм. – М.: Алетейя, 2001. – 563 с. – Т. 1. – ISBN 5-89329-355-X.
- 56.56 Янжул, И.И. Английская свободная торговля / И. И. Янжул. – М.: Наука, 1976. – 271 с.